

БАБЬЕ ЛЕТО

Людвик Ашкенази

Людвик Ашкенази

Бабье
лето

И * Л

*Издательство
иностранной
литературы*

*

LUDVIK AŠKENAZY

INDIÁNSKÉ LÉTO

P R A H A

1956

Людвик Ашкенази

Бабье
лето

ПЕРЕВОД С ЧЕШСКОГО
В. З. ПЕТРОВОЙ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Москва, 1958

А Н Н О Т А Ц И Я

Чешский писатель Людвик Ашкенази уже известен советскому читателю по нескольким своим произведениям, печатавшимся в наших журналах, в частности по повести «Съеньфуэгос, или Сто огней», опубликованной в 1953 году в журнале «Новый мир».

Новое произведение Ашкенази — «Бабье лето» — представляет собой серию художественных очерков о буднях современной Америки, в основу которых легли личные впечатления и наблюдения автора. Собранные вместе, эти очерки-новеллы, своеобразно и ярко написанные, рисуют жизнь Нью-Йорка и его обитателей. По собственному признанию автора, «Бабье лето» — нечто вроде лирического дневника, в котором воссоздана атмосфера Нью-Йорка, этого самого большого города Соединенных Штатов.

«Название «Бабье лето» не аллегорично, — пишет Ашкенази. — Речь идет действительно о времени года, о последней вспышке уходящего лета, о поре опадающих листьев».

Отрывки из этой книги были опубликованы на страницах журнала «Иностранная литература» в 1957 году. Издательство иностранной литературы публикует полный ее перевод.

НАЧАЛО, ВОЗМОЖНО БАНАЛЬНОЕ

Ночью я проснулся и обнаружил, что нахожусь на борту парохода «Куин Мэри»¹. Мы занимаем каюту вдвоем с Т., господином, много путешествовавшим и не склонным к романтике. Он пересекает океан уже в пятый раз. И поэтому бремя впечатлений не разделено поровну между двумя жаждущими новизны сердцами, а стало уделом лишь одного человека. И этот человек, немного удивленный самим собой, лежит тут с открытыми глазами и прислушивается. Не слышно ничего, лишь раздается тиканье часов, да откуда-то доносится незнакомый, неопределенный звук, как будто где-то далеко-далеко звенят колокола.

Это звенит Атлантический океан.

Тьму каюты озаряет красным светом некое подобие английского камина. Эта иллюзия домашнего очага предоставляется пассажирам первого класса вместе с ванной с пресной и соленой водой и старым аристократического вида лакеем. В каюте есть также круглое окно — иллюминатор; в ясные ночи в нем помещается все светлое небо над Атлантикой, полное чужих звезд и неясных холодных зарниц.

В темные ночи иллюминатор кажется глубоким и неприятным. Тем, кто бодрствует, он напоминает, что под этим сверкающим колышущимся пароходом-городом, где выходит ежедневная газета «Оушен таймс», работают три кинотеатра и светятся витрины магазинов, бьются беспокойные и суровые воды океана.

Т. проснулся, не промолвив ни слова, посмотрел на часы — был час пополночи, — перевел стрелки на один час вперед и опять заснул сном праведника.

¹ Английский трансатлантический турбоэлектроход. (Все примечания — от редакции.)

Он явно доволен тем, что путешествие протекает спокойно и что мы так подошли друг другу: оба неразговорчивы и обмениваемся мнениями лишь днем.

Я не выдержал и оделся. Долго сидел перед электрической имитацией домашнего очага, а затем, отворив иллюминатор, принялся вглядываться в темноту, вдыхая непередаваемый горьковато-острый аромат соли и ветра. Я проделывал все то, что так разительно отличает новичков наивного и лирического склада от «испутешествовавшихся» мужей большого света, медлительных коммерсантов и дипломатов, предпочитающих пароход самолету.

Влекомый естественным любопытством, надолго сохранившим в нас ощущение молодости, я вышел на палубу, залитую дождем, скользкую и мрачную. Облокотившись на перила, увидел бледный, незаметный в дымке туч месяц; он плыл за пароходом. Вообще-то месяц не давал света, настолько он был бесцветным и прозрачным, — ненужный, словно созданный лишь для печали. Шумит дождь, медленный, мелкий, теплый. А человек стоит здесь совсем маленький, немного напуганный бесконечностью пространства, черной враждебной морской пучиной, глубиной, необозримыми дальями.

В эту минуту я перестал сознавать, что мощность моторов «Куин Мэри» — сто восемьдесят тысяч лошадиных сил и что высота ее от киля до верхушек мачт — шестьдесят два метра. Отражение огней на воде мимолетно, оно вспыхивает и мгновенно исчезает, словно какая-то неодолимая сила, поглотив его, увлекает в пучину. Пароход плывет дальше, а воды остаются водами, приливы — приливами, отливы — отливами. И если на земле после людей сохраняются следы, то волны уносят все.

Так говорит человеку ночной мрак.

Я был не один на палубе. Откуда-то доносился приглушенный шепот. Оказалось, что здесь, в этой сырой ночи, словно растворившись во мраке, стоят двое; невозможно различить даже их силуэты. Внезапно предомной возник мужчина и спросил:

— Не найдется ли у вас спичек?

В короткой вспышке из тьмы появилась старчески дряблая кожа и множество золотых зубов. Это был

старик, как все старики, пожалуй, даже отталкивающий, хотя, быть может, мне так показалось в слабой вспышке спички.

— Thanks ¹, — сказал он и, вернувшись к особе у перил, заговорил с ней успокоительным тоном. Он говорил что-то о каких-то лошадях, о саде, о том, что в будущем году они снова поедут в Европу; это были обрывки фраз, приглушенные шумом дождя.

Вдруг он резко произнес:

— Нельзя ли без истерики?

— Отправляйтесь спать, — тихо сказала женщина у перил, — я слишком молода для истерики. Мне достаточно побыть хоть немного без вас.

Затем они снова о чем-то шептались.

В конце концов женщина расплакалась по-детски, навзрыд, но в ее рыданиях был какой-то неприятный оттенок. Чувствовалась отталкивающая профессиональная опытность. Вскоре они ушли с мокрой палубы в свою каюту с красным светом английского камина.

Вероятно, этой ночью на пароходе ничего больше не случилось. Лишь два моряка быстро прошли мимо меня, один из них смеялся. Здесь спокойно спали несколько тысяч человек, среди них пять министров, шесть настоящих лордов, один епископ и один король бетона, стюарды, повара, чистильщики обуви, органист, который играл в main lounge ², протестантский пастор и католический ксендз, заботящиеся о том, чтобы верующие не утратили связи с Провидением, человек с золотой цепью, обязанность которого — рекомендовать вина в ресторане первого класса, официант, который подает к столу только лососину и ничего больше, — множество людей, хороших и плохих...

И те двое, что стояли у перил и ушли.

Через час я вернулся в каюту. Мой спутник уже встал. Он спросил с некоторой иронией:

— Что нового?

Он справедливо полагал, что по ночам человек должен спать.

— Я видел океан, — сказал я, убежденный, что делаю важное сообщение.

¹ Благодарю (англ.).

² Салон отдыха на океанском теплоходе (англ.).

— Что ж, хорошо, — ответил мой спутник, не собираясь продолжать беседу. Он был доволен, что мы не ведем светских разговоров, не делимся впечатлениями. На его ночном столике лежали часы-браслет и громко тикали. Из иллюминатора уже лился молочный рассвет. Начинался первый день плавания: минувшим вечером мы покинули французский порт Шербур.

Во время утренней прогулки по верхней палубе я заметил старика, закуривающего сигарету. Он лежал в шезлонге, а стюард укутывал его ноги теплым пледом. В соседнем шезлонге лежала его жена, та, что ночью стояла у перил. У нее длинные светлые волосы и большой яркий рот. Ей, вероятно, лет двадцать.

Старик бросает на нее время от времени долгие удовлетворенные и ревнивые взгляды.

ЧЕЛОВЕК, КОТОРЫЙ УКУТЫВАЕТ НОГИ

За несколько долларов на палубе можно получить шезлонг и пользоваться им в течение всего путешествия. Это недорогое и полезное приобретение. Человек лежит, над ним раскинулся небосвод, иногда его греет солнце и ветер доносит соленые брызги моря. Коммерсанты, залитые поэтическим светом, могут заниматься подсчетами, оставаясь в горизонтальном положении, женщины — мечтать, а дипломаты — дремать; или наоборот: коммерсанты — дремать, дипломаты — подсчитывать, находясь в горизонтальном положении, а женщины... женщины — все-таки мечтать. Время летит незаметно, и людям в шезлонгах кажется, что оно отдыхает тут же рядом, не спеша, спокойно и, в виде исключения, щедро расточает счастье.

Вот тут-то и начинается роль человека, который укутывает ноги.

Это необычная должность, и даже если б не случилось происшествия, почти трагического, связанного с этим белокурым вежливым и скромным человеком с лицом простого англичанина, я все-таки обратил бы внимание на его деликатные манеры. Этот человек выполняет на борту три обязанности: он укутывает ноги, подает бульон, говяжий и куриный, и мажет лица путешественников по их выбору кремом для загара или ароматным маслом — разумеется, лучших марок.

Он получил эту скромную, но в общем доходную должность за военные заслуги. Во время войны его удостоили офицерского звания, хотя он не имел никакого образования. О таких принято говорить, что они носят маршальский жезл в своем солдатском ранце, но после заключения мира их почему-то увольняют в запас. С военных, богатых событиями лет хранит он знаки отличия, полученные за героизм в разных битвах.

А так как сейчас он содержит двух сыновей и дочь, то судьбой своей доволен... Он даже снискал своего рода популярность тем, что, несмотря на сильный морской ветер, носит поднос с бульоном весьма уверенно и никогда еще ничего не проливал.

И вот человеку, который укутывает ноги, случилось укрывать их однажды и немецкому генералу С., направлявшемуся по делам службы в Вашингтон. Генерал был мало похож на военного. Он невысок ростом и лишен военной выправки. От прочих пассажиров он отличается лишь пристрастием к черному солдатскому хлебу, который заказывает к обеду (на «Куин Мэри» нет невыполнимых желаний), а вместо аперитива выпивает рюмку рому, соответствующую одной фронтовой порции. В остальном же его поведение вполне обычно, и столик в ресторане он занимает вместе с английским литературным критиком. Из этого обычного поведения немецкого генерала С. вытекало также и то, что он, как и остальные, пожелал воспользоваться шезлонгом на *sun-deck*¹ и, так же как остальные, пил говяжий или куриный бульон, который приносил — в одиннадцать часов к завтраку — наш скромный белокурый знакомый с такой легкой профессией. Отношение генерала к этому человеку так и осталось бы официально равнодушным, если бы не события одного воскресного дня. В воскресенье стюард облачился в парадный лакейский мундир и разносил бульон в полном блеске наград, полученных во второй мировой войне. Генерал С., увидев награды, пустился в разговор:

— А у вас порядочно крестов! — промолвил он. — Где вы их заработали? Бравый солдат! Участвовали в высадке? В Кане?

— Нет, у Арнгема², — с некоторой гордостью, но не выходя из рамок почтительности, ответил человек, который укутывает ноги.

¹ Верхняя палуба (англ.).

² Кан — город и порт во Франции, подвергшийся сильным разрушениям летом 1944 года в результате боев, которые велись там войсками союзников после высадки в Нормандии.

Арнем (точнее Арнем) — голландский город и порт на реке Рейн. В районе Арнема осенью 1944 года была высажена 1-я английская воздушно-десантная дивизия.

— Mein Gott! Commandos! ¹ — искренне обрадовался генерал. — Однако, приятель, не далеко же вы в жизни пошли!

— Да, ваше превосходительство, — ответил человек, который мажет кремом лица. — Что еще будет угодно вашему превосходительству?

Генерал С. вспомнил, что у Арнгема он приказал расстрелять нескольких английских военнопленных. Человек, укутывающий ноги, тоже, вероятно, вспомнил об этом. Больше они не беседовали; генерал подставил лицо морскому солнцу, а образцовый стюард, отлично знающий свои обязанности, не только укутал пледом его ноги, обутые в обычные желтые штиблеты, но и намазал генеральскую физиономию нежным маслом фирмы «Ярдлей».

В этот день стюард, как ни странно, впервые несколько раз пролил бульон, чем повредил своей репутации.

Немецкий генерал С. за трапезой, которую, как уже было сказано, он разделял с английским литературным критиком, рассказал о случившемся.

— Не подумайте, — говорил генерал, — что я бесчувственный человек. Я кое-что понимаю, но я заплатил за шезлонг и хочу иметь все, что к нему полагается!

— Генрих, старый немецкий вояка! — вскричал литературный критик, который был с генералом на «ты» (они несколько раз уже выпивали за здоровье друг друга). — Я очень растроган: несмотря ни на что, ты сохранил человечность!

¹ Бог мой! (нем.)

Коммандос! (англ.) — небольшие вооруженные отряды, сформировавшиеся в Англии в период второй мировой войны из личного состава всех родов войск; выполняли специальные военные задания при высадке их на берег.

В САЛОНЕ ОТДЫХА ВСЕ ДРЕМЛЮТ

Обычно пассажиры первого класса проводят послеобеденное время в большом салоне отдыха за чаем с английскими бисквитами и маленькими намазанными маслом хлебцами без корки, отдыхая в очень глубоких и очень цветастых креслах. В салоне мы слушаем днем органиста. Слушать орган — это одно из правил хорошего тона. Спать разрешается, но только тихонько, чтоб не мешать музыке. Органист — молодой, томный, с редкими волосами. Он обязан отсидеть за органом целых два часа. Концерт состоит из легкой музыки и музыки серьезной. И первая же fuga Иоганна Себастьяна Баха, которая является как бы рубежом, вызывает в публике тихое и деликатное движение. Слушатели, которые до сей поры еще находились в состоянии бодрствования, уходят на цыпочках, а уснувшие остаются в цветастых креслах — их позы должны означать полную погруженность в музыку.

Дремлет благочинный епископ, а литературный критик слушает музыку с выражением легкой усталости на лице. Пароход покачивает, орган визжит и громыхает.

А впрочем, общество в салоне высококультурное, к ужину принято являться исключительно в вечерних туалетах, дамы надевают длинные платья.

Тихо, передвигаясь, как дух, долговязый стюард разносит в изящных корзиночках английское печенье. Он предлагает его — правда, только для формы — даже спящим. Если органист хочет уйти пораньше, он незаметно подзывает человека с печеньем и без улыбки спрашивает:

— Спят?

— Нет, — учтиво отвечает человек с корзиночкой, — один господин слушает и одна дама вяжет.

Дама — та, что вяжет, — одета в белый шелк: это она, та самая молодая, но искушенная новобрачная, бывшая продавщица мороженого из Парижа. Рядом, в белоснежной манишке, восседает ее безобразный супруг. Свесив голову набок, он тихонько посвистывает носом.

Дама рассматривает его: она довольна и в то же время ей жаль себя. Она поглаживает белый шелк, туго обтягивающий ее молодые бедра, и, наверное, думает о незнакомой шумной стране, к которой плывет «Куин Мэри».

У дамы красивые холодные зеленоватые глаза, она часто про себя улыбается неожиданно открытой улыбкой. Будущее представляется ей похожим на этот белый шелк.

Она впервые едет из Франции в Нью-Йорк и для меня она вся словно какое-то предчувствие Америки. Мы всегда пытаемся отождествить представление о чужой земле с каким-нибудь новым лицом. Это неизбежная и временная ошибка.

Человек с корзиночкой предложил даме сладости; роскошная блондинка не взяла ничего, но неизвестно почему вдруг залилась румянцем. Она недружелюбно взглянула на этого сдержанного человека, потому что он ей нравился, но его положение в обществе казалось неподходящим для таких чувств. Музыкант торопливо исполнял последнюю вещь своего репертуара (великий Йоганн Себастьян, строгий органист храма Святого Фомы, конечно, простит его). Он страшно спешил, этот славный английский музыкант, потому что кончалась его смена.

Говорят, он каждый день пишет письма своей жене в Глазго и посылает все сразу авиапочтой, как только прибывает в Нью-Йорк. Это и есть его истинная fuga.

ХИРУРГ

Утром произошел инцидент. Генерал С. в обществе английского критика совершал прогулку по палубе. Чтобы скрасить себе этот обряд служения телу, оба ходили энергично, военным шагом, со страшным топотом. Этим они вывели из задумчивости епископа, который прохаживался с закрытым молитвенником по палубе. Он приветливо улыбнулся — ведь и он жил не в потустороннем мире, — а господа извинились с легким оттенком непочтительности к церкви.

— Здесь хорошо, — молвил епископ.

— Да, хорошо, — ответили они.

— Господь милостив к нашему плаванью, — продолжал благочинный. — Оно спокойнее, чем предполагали метеорологи.

— Это потому, — серьезно заявил литературный критик, — что вместе с нами путешествует такое высокое духовное лицо!

Епископ кокетливо отрицал это, но за обедом подсел к их столу; так они и оставались вместе до конца путешествия. Много ели, много пили, приправляя еду остро-тами, а епископ, кроме того, еще и молитвой.

Мы тоже охотно посещали ресторан первого класса. С нашей, еще домашней точки зрения, он напоминал общественную столовую, но столовую для «верхних десяти тысяч». Называли мы этот салон еще и *плавучей богдельней*. Здесь стояли пальмы в самых больших цветочных горшках мира, а обслуживало гостей невообразимое множество официантов. Официанты ежедневно переодевались в куртки нового цвета, меню всегда, и не без вкуса, украшалось новой картинкой. Часто это бывал печальный пейзаж, где солнце заходит столь меланхолично, что человек чувствует потребность побольше

съесть, чтобы удержаться на этом свете. Кажется вполне логичным, что метрдотель имеет чин морского офицера и носит золотые галуны на манжетах. Да и человек с золотой цепью, который предлагает вина, большой знаток своего дела. Он говорит:

— Разрешите предложить вам вино, которое покажется простым, как сама жизнь, но, вкусив его, вы поймете, как сложна она в действительности.

Чаевые здесь дают в конвертах, весьма конфиденциально и церемонно, перед последним ужином. Это единственная настоящая забота на «Куин Мэри», если, конечно, вы не страдаете морской болезнью. Чаевые создают определенные отношения между посетителями и обслуживающим персоналом: это своеобразная школа деликатности. Если чаевые велики, вы никого не оскорбите, но официант будет держаться все так же независимо. Если чаевые малы, он проявит недовольство. Но в обоих случаях сделает это незаметно. Деньги он оставит себе.

Здесь в почете эксцентричные гурманы. Когда я, страдая желудком, заказывал себе только чай с черным коржиком, меня обслуживали с улыбкой, полной понимания. Во время обеда за мной стоял официант с чайничком и, как только я опустошал чашку, подливал мне чай.

— Не желаете ли еще коржика? — спрашивал он, очарованный посетителем, у которого не вызывает аппетита ничто, кроме кипятка и простого хлеба.

С большим почтением относились здесь также к американскому хирургу П., который вовсе не давал на чай. Он привлек наше внимание уже на молу в Шербуре при вечерней посадке на пароход. Он прибыл не как все, а неизвестно почему на лодочке и был так сильно пропитан запахом коньяка, что каждый стоящий возле него начинал чувствовать легкое опьянение. Выяснилось, что он в полном отчаянии и пылает ненавистью к некоему Бартелотти.

— Бартелотти, — изрекал он, — запомните это имя. Это человек, которому я устрою адскую жизнь!

И подозрительно шептал:

— Вы его знаете?

Никто Бартелотти не знал.

Затем хирург показывал каждому портфель, в котором

находились пижама, зубная щетка, стетоскоп и прибор для измерения кровяного давления.

— Взгляните на меня, — кричал он, — вот так выглядит круглый идиот!..

В последующие дни он рассказал о том, как его обидели в Риме. Он остановил на палубе епископа и спросил:

— Ты слуга божий?

— Конечно, сын мой, конечно, — отвечал удивленный епископ.

— А сколько получаешь в месяц?

— Ну, это мое личное дело, мистер! — заявил, уже насторожившись, епископ.

— Поцелуй меня в... — отвечал обозленный хирург, а добродушный епископ еще долго пытался определить границы смирения, и в его памяти оживали жития терпеливых мучеников за веру.

О случившемся с хирургом П. рассказывали следующее.

Во время второй мировой войны он был военным врачом в американских десантных частях в Италии и там неизвестно каким образом сдружился с ватиканским сановником по имени Бартелотти. Воспоминания об этой дружбе, вероятно, укоренились в душе доктора П. достаточно глубоко, ибо, получив после девяти лет молчания телеграмму из Рима с драматическим текстом: «Приезжай — умираю», — он купил в тот же день билет на самолет в Вечный город, положил в портфель уже упоминавшуюся зубную щетку, пересек океан и на следующий же день, сделав операцию, сохранил жизнь человеку по имени Бартелотти.

Бартелотти был состоятелен и даже владел небольшим дворцом, унаследованным от каких-то аристократических предков. В этом-то дворце в честь своего спасителя он и дал ужин, где присутствовал, придавая этой церемонии блеск, дядюшка хозяина, министр железных дорог. За бутылкой доброго сицилийского вина друзья дали выход своим чувствам. Развлекались до утра: пили за неслыханную жертву, принесенную нью-йоркским хирургом. Обращаясь к своему дядюшке, министру железных дорог, господин Бартелотти поднял бокал и со слезами на глазах среди прочих тостов в честь своего друга провозгласил:

— И сказал Христос: «Продавайте имущества ваши, подавайте милостыню. Приготовляйте себе влагалища не ветшающие, сокровище не оскудевающее на небесах, куда вор не приближается и где моль не съедает»¹. Выпьем, друзья, за бескорыстие, скромность и самопожертвование!

После нескольких таких тостов самоотверженный хирург отвел своего приятеля в сторону и сказал ему потихоньку:

— Это правда, я всегда был самоотверженным, против фактов не пойдешь. Но кто мне оплатит билет до Рима и обратно в Нью-Йорк? Поймите, дорогой друг, ведь я только хирург и должен кормить семью, да еще тестя.

— Если я вам дам хотя бы один доллар, — ответил на это Бартелотти, — я захвораю снова. Ибо мое исцеление есть дело веры, и я благодарю господу за то, что он разрешил вам принести такую жертву.

— Не мелите чепуху, — сказал хирург, — это все ерунда, да к тому же еще и мистика, а со спиритизмом ко мне не лезьте, дружище. Верните, пожалуйста, деньги! Меня ждет жена!

Но Бартелотти денег ему не дал; он объявил хирургу, что это наверняка ухудшит его здоровье. И на основании современной христианской теории объяснил все научно.

— Я не могу материальным вознаграждением осквернить жертву, принесенную вами, — изрек он.

В каждом языке есть свои ругательства, которые нельзя печатать даже в переводе. Следует только сказать, что хирург, исчерпав их, ушел, затаив жажду мести. По пути ему пришла в голову идея напиться, он счел ее спасительной, и в этот день не попал туда, куда собирался.

Затем он явился на пароход, но ярость его не утихла.

Бартелотти прислал ему еще в отель письмо, которое хирург с горя прочитал своим сотрапезникам. Письмо гласило:

«Еще раз благодарю тебя, дорогой мой Эзра, за жертву, принесенную тобой на алтарь нашей дружбы.»

¹ Евангелие от Луки, гл. XII, стих 33.

Молюсь за тебя денно и ночью, а моя старшая дочь не преминет каждую среду поминать тебя в утренней молитве».

— Я буду на него жаловаться, — говорил хирург своим спутникам, — да и в кишках у него все равно что-нибудь осталось! Грязная свинья!..

Вот почему хирург П. не мог давать чаевых, чем сни-
скал себе уважение высокомерных официантов с «Куин
Мэри».

ТОНКИЙ ЭСТЕТ И ГРУБЫЙ СОЛДАТ

Утром генерал С. простился с человеком, который укутывает ноги. Говорят, он дал ему крупные чаевые и тот его горячо благодарил.

— Не благодарите, — отвечал ему генерал. — Что в этом такого?

Человек, который укутывает ноги, беспомощно улыбнулся, пробормотал что-то бессвязное, а генерал пожал ему руку... Генерал был великодушен, он не придавал значения мелочам жизни. Он сам скинул плед со своих ног, когда отправлялся обедать.

Патриотически настроенная дама с лиловатым оттенком волос, происходившая, как говорили, из семьи Вандербилтов, очень громко, так, чтобы ее слышало побольше народу, говорила епископу о том, как ее всегда, снова и снова, волнует вид Манхэттена и статуи Свободы. Епископ деликатно отвечал: «О, конечно, для этого нужно иметь очень юную душу». И добавил еще что-то о памятниках вообще: знаменитые-де покойники везде в почете. Он, вероятно, имел в виду не только статую Свободы...

Старого новобрачного мучил жестокий приступ кашля. День был туманный, и горизонт помутнел, стал расплывчатым и неправдоподобно близким. Казалось, что пароход плывет в лохани. Английский литературный критик нашел себе развлечение. Каждые сорок минут канализационные трубы «Куин Мэри» выбрасывают нечистоты со всего парохода, и океан за кормой на какой-то момент окрашивается в неприятный, грязный цвет, пока это не исчезнет в молочном кипении волн. Литературный критик подходил в нужный момент к перилам, чтобы увидеть то, что хотел увидеть. Он утверждал, что распознает, какие отбросы принадлежат пассажирам

первого класса, и указывал на них епископу, к великому удивлению последнего.

— Почему это вас занимает? — удивлялся благочинный. — Что интересного может увидеть там интеллигентный человек?

— Вам этого не понять, достопочтеннейший, — отвечивал критик, — вы слишком далеки от мерзостей этого света!

Епископ снисходительно улыбался. Он на своем веку сталкивался с различными чудачествами.

В последний вечер плавания состоится обязательное торжество; раздадут всевозможные бумажные шапочки и колпачки; официанты одеты в белое, и, так как чаевые получены еще в полдень, держатся непринужденно и предлагают гостям коронное блюдо прощального ужина — «креп Сюзетт» — особый омлет с изрядной примесью французского коньяка. Потом — танцы и вино в многочисленных салонах и барах. И лишь сентиментальные люди выходят на палубу подышать на прощанье влажным соленым ветром. Сверкают огни, доносятся приглушенные звуки джаза, вокруг раскинулся океан, а впереди — невидимые берега, к которым стремится пароход, — неясная, уже тысячу раз открытая Америка.

Приблизительно через час на палубу, называемую верхней, или солнечной, явились генерал С. с английским критиком в настроении более чем приподнятом. Они обнимались, и было совершенно ясно, почему они пришли так по душе друг другу, этот тонкий эстет и грубый солдат.

— Генрих, старый немецкий вояка, — спрашивал критик, — ты не мог бы сказать мне, куда мы, собственно, направляемся?

— Я еду в Вашингтон, — отвечал генерал, — а ты куда?

— Ich weiß nicht, Herr General¹, — отдал честь литературный критик.

Это он направил генеральские мысли в служебную колею.

— Боже правый! — ужаснулся генерал. — Ведь ты совсем не умеешь приветствовать. — И предложил критику обучить его военным приемам. С великим терпе-

¹ Не знаю, господин генерал (нем.).

нием он показывал ему, кроме приветствий, упражнения по команде «Налево!», «Направо!», «Ползком!», «Бегом!»

— Генрих, — сокрушался литературный критик на своем англо-немецком языке, — «mir graut' vor dir!»¹ — Это была только цитата из Фауста. Она должна была напомнить о том, что английский литературный критик был человек эрудированный и, возможно, не лишенный чувства юмора.

Лицо его было совершенно белым, а глаза затуманены вином.

Выплыл месяц, и публика поднялась на палубу. Было тихо, лишь легкие медлительные волны, озаренные голубоватым светом, набегали одна на другую...

И каждая несла на гребне свой маленький месяц — казалось, что чуть слышно звенят, ударяясь друг о друга, монетки...

¹ Ты, Генрих, страх внушаешь мне! (нем.)

ТУМАНЫ МАНХЕТТЕНА

Манхеттен возник перед нами внезапно. Это был всем известный вид, отвечающий уже сложившемуся представлению о нем до такой степени неправдоподобно, что первое чувство, которое вас охватывает, — разочарование. Мы ждем от незнакомых стран новых пейзажей, и невыгода почтовых открыток с видами в том, что они лишают нас чувства удивления. Правда, они приближают к нам далекие страны, но зато мешают сердцу забиться сильнее при встрече с незнакомыми берегами.

Мы в Америке.

Черные иглы небоскребов пронзают мягкий бархат небес. И кажется, не будь этой железобетонной колоннады, свод, подпираемый ею, рухнет и погребет под собой город. Но «Куин Мэри» подходит все ближе и ближе, и это отдаляет небосвод, подымает его ввысь. Чем ближе небоскребы, тем выше над ними небо. Так к нам возвращается чувство перспективы, и все становится на свои места.

Ведь небоскребы принадлежат одному Нью-Йорку, а небо над ними — всему земному шару.

Нью-Йорк сошел с открыток — живой город в пронизанном солнцем полуденном тумане. Море кишит небольшими пароходами, вертолетами; на розовом горизонте промелькнула стайка реактивных бомбардировщиков. На катере прибыли таможенники; маленький мирок «Куин Мэри» вливается в огромный мир Америки...

ЛЮДИ, КОТОРЫХ Я УВИДЕЛ ИЗ ОКНА ГОСТИНИЦЫ...

Прямо из порта мы направились в здание Организации Объединенных Наций. Открытие сессии было торжественным. Многообещающая атмосфера, речи... разобратся в происходящем дано лишь профессионалам. Там, где начинались ступени эскалатора, терпеливо стоял мальчуган, одетый, как взрослый, и с детским недоумением спрашивал всех входящих: «Didn't you see my dad?»¹ Люди становились на эскалатор, и он увозил их от ребенка. А в это время произносились громкие речи, и казалось, что большинство существующих конфликтов сосредоточилось именно здесь, в этом дворце над Ист-Ривер.

Мальчуган был черноглазый, лет восьми, и хотел только одного: попасть домой.

Крохотная человеческая судьба среди большой политики! Он плакал у движущейся лестницы — маленький человечек в огромной резиденции Объединенных Наций. И важность того и другого на миг оказалась одинаковой.

Горе мальчугана было всем понятно, и слезы унесли все, что было у него на сердце. Случилось, что на него обратили внимание, а это немалое событие в ООН; возможно, оно не осталось без влияния на мировую политику.

Возле него остановился делегат Саудовской Аравии в белом бурнусе и обратился к мальчугану, одетому, как взрослый.

— Почему ты плачешь? — спросил он на слишком правильном английском языке, — кто тебя обидел?

Мальчуган продолжал плакать.

— Я подарю тебе верблюда, хочешь? — сказал делегат Саудовской Аравии, желая успокоить мальчугана.

¹ Вы не видели моего папу? (англ.)

— Хочу, — моментально ответил тот и перестал хныкать. Но делегат ограничился лишь тем, что погладил его по головке и удалился.

Мальчик, одетый, как взрослый, снова всхлипнул, но теперь он плакал уже не только о папе: ему хотелось получить обещанного верблюда.

Это было мое первое знакомство с возможностями ООН.

В отель мы возвратились лишь вечером. Наш багаж был уже в номерах. Я не стал его распаковывать, а начал с того, с чего начинают обычно все иностранцы: подошел к окну, отворил его, вдохнул прохладу влажного вечера и стал смотреть. Небо было алым — особенное, нью-йоркское небо, сияние Бродвея.

Подо мной был двор невероятной глубины, а напротив — стена гостиницы. Там сверкали освещенные окна — мерцающий, многоликий, незабываемо новый мир, похожий на примитивный немой фильм с примитивной, неизменной декорацией: комнаты, столы, постели, стулья и опять комнаты, столы, постели...

И, конечно, люди за стеклом, немного неясные, но живые... В одной из комнат дома напротив разговаривает по телефону дама в шляпке. Шляпка высокая и, должно быть, новая, так как в течение всего разговора дама поправляет ее перед зеркалом и придает ей различные кокетливые положения, но ни одно из них ее, видимо, не удовлетворяет. Потом дама вешает трубку, и становится ясно, что она никуда не пойдет. Она тут же теряет интерес к шляпке и неожиданно, без всякого уважения, швыряет ее на постель. Очевидно, это был очень серьезный разговор.

В окне, слева, два элегантно одетых господина (один в белом галстуке бабочкой) наливают вино в маленькие рюмки. Потом один другому что-то подписал, и тот сразу же утратил всякую вежливость: он смотрит на часы и торопится. Человека словно подменили. Но тот, кто подписывал, не выглядел разочарованным: будто ничего иного он и не ожидал.

Так в далеком Нью-Йорке, заглянув в чужое окно, я убедился, как важна бывает подпись. Все это отличалось от подобных эпизодов во всем мире только неуловимым оттенком, но в этом оттенке была Америка.

НЬЮ-ЙОРКСКАЯ ГАЛАКТИКА.

Дама, которая так непочтительно обошлась со шляпкой, между тем пошла отворить кому-то дверь. Вошел мужчина в плаще и привел маленькую девочку. Дама с материнской страстностью целовала ребенка, а мужчина молча сидел у стола, не снимая плаща, безучастный, неподвижный.

Они долго пробыли вместе, не сказав друг другу ни слова.

Потом мужчина увел девочку и дама погасила лампу.

А в окне, прямо над ее комнатой, загорелся свет. Пришли двое и опустили штору.

Стоит только поднять голову, и вот они, окна Нью-Йорка, — загадочные, им нет числа...

Светят огромные яркие окна канцелярий и окошки бедняков, распахнутые в горячую ночь, — миллионы окон, миллионы огней, которые питают пылающий ночной небосвод над этим городом.

ПРИСЛУЖИВАЮЩАЯ ЕВРОПА

ОТЕЛЬ расположен в центре Манхеттена, между Медисон-авеню и Пятой авеню, неподалеку от Сентрал-парка. Это тихий и дорогой отель с традициями; здесь привыкли к постояльцам из хороших семей, которые делают вид, что им безразлична стоимость комнат.

Для миллионеров, знающих подлинную цену деньгам, такой отель слишком дорог. Подобная нью-йоркская гостиница предназначена скорее для наследников семейных капиталов, нежели для их приобретателей. Иностранцев, особенно прибывших из стран, о которых в этом фешенебельном доме не говорят, принимают здесь весьма неохотно. Они вносят беспокойство, и по их пятам следуют детективы. Кроме того, у нас были маленькие чемоданы, а у кого нет солидного багажа, тот в американском отеле доверием не пользуется.

На лифте нас поднимал старик лифтер, которому мальчишеское облачение лифтбоя очень не шло. Это был поседевший сутулый человек с открытым интеллигентным лицом.

— Вы откуда? — спросил он на плохом английском языке.

Мы ответили, что из Праги.

— Я это знаю, — сказал старик. — Мы об этом знаем. Нам сообщили.

— К чему же тогда ваш вопрос?

— Дело в том, что сам я из Вены, — ответил он.

— Ах, из Вены, в таком случае почти земляки!

— Да, — ответил он с печальной улыбкой, — почти земляки.

Как он себя здесь чувствует?

— Хорошо. Превосходная страна. Но то, что здесь называют венской кухней, вовсе не венская кухня. Хочу

БИЗНЕС.

БИЗНЕС.

вас предостеречь заранее. А то, что называют heuriges, вовсе не heuriges¹.

Потом он остановил лифт, вынес чемоданы, проводил нас в номер, который выглядел, как выглядят все гостиничные номера. И меня сразу охватило чувство безотчетной тоски.

— Ну, всего доброго! — сказал он. — Будьте у нас как дома.

Поклонился, взял доллар на чай и промолвил уже в коридоре:

— Ездить на лифте — не такая уж плохая профессия. Когда находишься внизу, знаешь, что через минуту снова очутишься наверху.

И прибавил с тонкой усмешкой:

— В этом, земляки, преимущество лифтовых перед остальными людьми.

И включил свет.

¹ Молодое вино (нем.).

ГОРНИЧНАЯ, ИЛИ ОДИНОЧЕСТВО

Итак, моя комната. Зеленый, тяжелый бархат портьер, старомодные супружеские кровати, ультрасовременный холодильник, библия и телевизор. Помимо этого, безвкусные белые шифоньеры, роскошная почтовая бумага, а на ночном столике — сюрприз: сброшюрованная молитва о погибших при атомном нападении.

Это маленькая, искусно оформленная серая брошюрка на меловой бумаге. На первой странице надпись:

Над надписью — черный крест.

Я прилег на кровать. Раздеваться не стал. Мне хотелось только почитать. Молитва была нудная: несколько пророчеств, цитаты из евангелия и совет посещать храм Святого Патрика в Лос-Анжелесе. Из всего прочитанного вытекало, что час человечества пробил и на крыльях мировых бурь скоро разнесется радиоактивная пыль. Черный крест подействовал на меня угнетающе. Я лежал, не снимая ботинок, и меня с новой силой охватила тоска, знакомая лишь чужестранцу. Потолок казался маленьким белым небом, а пятно на нем напоминало облако. Вдруг мне стало казаться, что оно похоже на самолет.

Неожиданно вошла горничная Бетти, немка, недавно приехавшая сюда из Дуйсбурга. Она прибыла в Соединенные Штаты к сыну, который выслал ей билет, но умер прежде, чем ее самолет приземлился на аэродроме в Ла-Гардиа. Ей шестьдесят лет, она сильно накрашена, нижняя губа слегка отвисла, волосы рыжие, крашенные. Чувствуется, что это — женщина не без прошлого и с претензиями на будущее. Она говорит по-немецки и немного стыдится своей службы.

— Вы желаете что-нибудь? — спрашивает она.

— Благодарю, ничего, — отвечаю я.

— Вы звонили?

— Нет, не звонил.

— Извините, — говорит она. — Тогда я пойду.

Она взглянула на открытую брошюрку, лежавшую на высокой подушке, и многозначительно, как посвященная, усмехнулась:

— Молитва?

— Да, молитва, — отвечаю я.

— Стрелки в коридоре указывают путь в убежище, — сообщила она. — У нас убежище «люкс»: ванны, телевидение, лампы дневного света.

Потом прибавила, что комнат, которые она должна убирать, много, слишком много для одной женщины; было сказано что-то и о старости, и о Дуйсбурге. У нее был модный оттенок волос, а лицо покрыто неприятно толстым слоем пудры.

— Это действительно аристократический отель, — заключила она скорее для собственного утешения, — здесь начинаешь чувствовать себя членом приличного семейства...

Она рассказала, что на аэродроме ее никто не встретил и что она ходит каждое воскресенье на могилу сына, но цветы здесь очень дороги и она никогда ему их не носит.

Зашла она без звонка, как заходит человек к человеку. Возможно потому, что Дуйсбург намного ближе к Праге, чем к Нью-Йорку.

ЧТЕНИЕ ПУТЕВОДИТЕЛЯ ПО НЬЮ-ЙОРКУ И НЕИСТОЛКОВАННЫЕ СНЫ

Молитву я засунул в ящик, где лежали библия и корочки с витамином «В».

Вечером я изучал путеводитель по Нью-Йорку, составленный Коппом. В нем можно найти следующие указания.

В предисловии Х. Д. Копп говорит, что Нью-Йорк — город большой, но гостеприимный, и рекомендует чувствовать себя здесь как дома. В Нью-Йорке, который можно смело назвать самой большой дачной местностью в мире, продолжает Х. Д. Копп, вы можете кататься на коньках летом, плавать зимой и заниматься ничегонеделаньем круглый год. Это город, где везде есть установки для кондиционирования воздуха, начиная от ресторана и кончая гробницей генерала Гранта; город, где можно загорать в полночь, сидя в любой приличной парикмахерской, где полмиллиона людей работают в то время, когда остальные спят. Здесь, в этом городе, вы можете заказать аристократический обед и заплатить за него столько, сколько губернатор Минутит заплатил когда-то индейцам за весь Манхеттен. Нью-йоркцы, прокутив всю ночь, спрашивают на рассвете друг друга: — А куда мы отправимся теперь?

И лишь после этого Х. Д. Копп подводит иностранца к рубрике «*Что делать в Нью-Йорке?*»

«Прежде всего посетить церкви!» — заявляет Х. Д. Копп, чтобы заручиться поддержкой церковной цензуры. Далее он дает советы, чего в Нью-Йорке делать не следует. Они многочисленны и предостерегают от опасностей, которые таит в себе этот огромный город.

«Если незнакомый человек пригласит вас проехаться с ним в автомобиле, не делайте этого, — предупреждает Х. Д. Копп, — у него недобрые намерения».

Больше пояснений нет, словно Х. Д. Копп знаком с человеком, который пригласит вас, давно и коротко. Х. Д. Копп — ваш гид по Нью-Йорку!

И далее:

«Не храните свой бумажник в заднем кармане».

— Да, великий человек, вы правы!

«Если вы обладаете значительной суммой денег, никогда, нигде и никому ее не показывайте».

— Не обладаю, Х. Д. Копп! Но все же благодарю вас, незнакомый друг, мой заботливый чичероне.

«Не сорьтесь с незнакомыми людьми у пивной стойки!»

— Не буду, Х. Д. Копп; у пивной стойки не буду!

«В ресторанах присматривайте за шляпой и пальто».

— Thank you, my friend! ¹

«Не уходите откуда-либо, не убедившись, что получили правильно сдачу».

— Не уйду! Пересчитаю! Yes, sir ².

«Если вы завели новую подружку и она настаивает на посещении уютного кабачка в тихой улочке, извинитесь, оставьте ее на минутку и наведите справки об упомянутом заведении».

— Но кому же я могу верить, Х. Д. Копп, дружище?

«Не верь никому», — заявляет Х. Д. Копп, знаток Нью-Йорка.

— Ну, хорошо, Х. Д. Копп, но где же мы находимся?

«Вы в великолепнейшем городе мира, — утверждает Х. Д. Копп, — живете полной жизнью. Господь да благословит вас!» — И тут же предупреждает:

«ПРИЕЗЖИЕ, ВНИМАНИЕ!»

«Гражданская противовоздушная оборона является нынче всеобщим делом, — заявляет в конце своего путеводителя Х. Д. Копп. — В обязанности корпуса гражданской противовоздушной обороны Нью-Йорка входит забота о приезжих, так же как и о коренном населении города. Сразу же по приезде осмотрите отель и постарайтесь запомнить, где находится убежище. На улицах обращайтесь внимание, в каких общественных зданиях существуют убежища; в случае тре-

¹ Благодарю вас, мой друг (англ.).

² Да, сэр (англ.).

воги идите — *идите*, но не бегите! — в ближайшее укрытие».

Прочитав этот путеводитель, я, как и подобает послушному иностранцу, никуда не пошел, лег спать и всю ночь видел беспокойные сны.

Мне снилось, что на нью-йоркской улице я покупаю жареные буржты¹ и знакомый колбасник с Вацлавской площади² спрашивает меня:

— Товарищ, почему это вы не в убежище?

— Мне хочется побыть на улице, дружище, — отвечаю я, — оставьте меня, я притулюсь возле Святого Вацлава³.

— Но не забудьте молитву, — предупреждает колбасник, — она у вас спрятана в ночном столике под коробочкой с витамином «В» в отеле на углу Медисон-авеню и Шестьдесят седьмой улицы.

¹ Род сосисок в Чехословакии.

² Центральная улица Праги.

³ Памятник в Праге.

ЕЩЕ НЕКОТОРЫЕ СВЕДЕНИЯ О НЬЮ-ЙОРКЕ. ИНОСТРАНЕЦ И СТАТИСТИКА

Самая крупная торговая сделка в городе Нью-Йорке была совершена еще при его закладке. Генерал-губернатор провинции Новые Нидерланды Петер Минуит купил остров Манхеттен у индейцев за двадцать четыре доллара и бочонок рома. Так была предопределена судьба этого города удачных сделок. Индейцы выпили ром, а капитал в размере двадцати четырех долларов вложили все в тот же ром. Их было двести человек, они пели и плясали, цена показалась им умеренной, а голландский ром — божественным нектаром.

Нью-Йорк продавался еще несколько раз.

В 1664 году воины Карла II Стюарта захватили Нью-Йорк у голландцев. Город получил название по имени герцога Йоркского, строптивного брата короля; этим было удовлетворено его честолюбие. Но голландцы не могли забыть пропавших втуне двадцати четырех долларов Петера Минуита, ибо они принадлежат к народу, который лишь ценой великой бережливости завоевал свое величие. Итак, в 1673 году они вернули себе Нью-Йорк, назвав его на сей раз Новой Оранией, в честь другого, не менее строптивного королевского брата. Голландцы пробыли там год и снова продали город. На этот раз англичанам. И, как говорят, опять по дешевке.

Итак, Нью-Йорк был продан вторично. С тех пор его продают частенько. Но, конечно, не так примитивно. Первый президент давал первую присягу на Уолл-стрите, но традицией это не стало. Президенты присягают в ином месте, а Уолл-стрит, как утверждает поговорка, одалживает им библию.

Голландцы исчезли из Манхеттена, но их флаг остался. До сих пор город Нью-Йорк носит голландские королевские цвета: оранжевый, синий и белый. В Запад-

ной Германии недавно объявился потомок Петера Минута; он считает, что Манхеттен был продан слишком дешево. Его предок, тот, что приобрел остров за двадцать четыре доллара и бочонок рома, не посчитался с потомками и, совершив сделку, выручил сумму, по их мнению, недостаточную. На основании других документов установлено, что Петер Минутит страдал, по-видимому, душевной болезнью. Потомок собирается подать в суд на город Нью-Йорк и вернуть обратно свой остров, с тем чтобы уступить Манхеттен Нью-Йорку, и, представьте, по сходной цене.

Манхеттен имеет двенадцать с половиной миль в длину и две с половиной в ширину. Здесь находится Колумбийский университет, Сентрал-парк, тысяча ночных заведений и двадцать мостов.

Потомок Петера Минута смотрит на вещи оптимистически, он доволен, что цена на остров возросла. Он счастлив, что будет наследником. Вчера он дал интервью одной из нью-йоркских вечерних газет:

«Я уверен, что мне вернут мой Манхеттен. Это было бы невозможно ни в каком другом месте, но в стране, которая одна только безоговорочно признает частную собственность, я свой процесс выиграю».

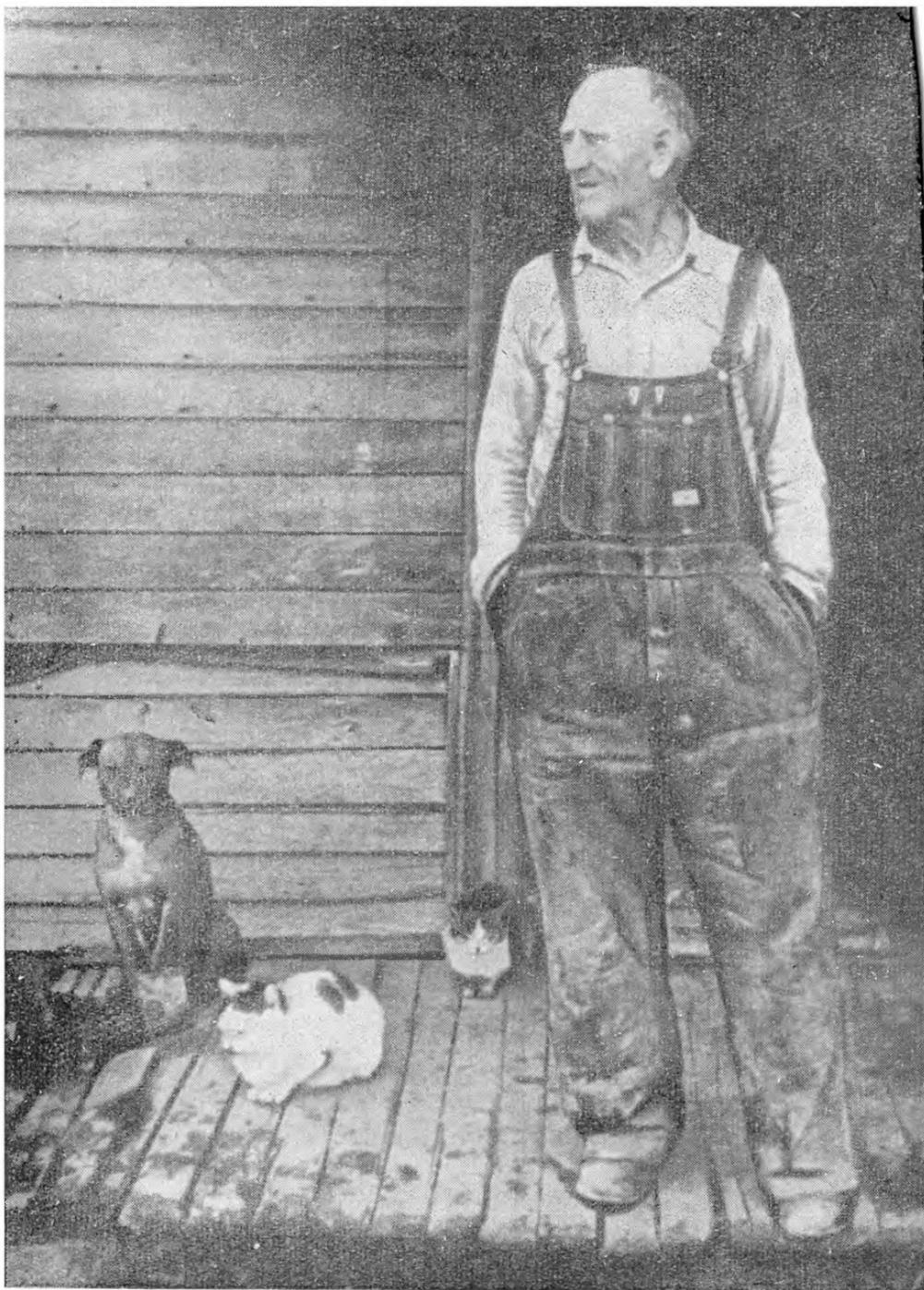
Но нам кажется, что он процесса не выиграет. Многие хорошо осведомленные деятели полагают, что если предок был невменяем, то и с потомком дело обстоит немногим лучше. Ему, пожалуй, тоже предложили бы бочонок рома, если бы не его опрометчивое заявление, что он употребляет лишь фруктовые соки фирмы «Калифорния сан».

Вечером я пил чай и знакомился с тем, что говорит о Нью-Йорке статистика. В моем распоряжении была книга знаменитого Джона Гунтера.

Я узнал, что Нью-Йорк разделен на пять частей: Манхеттен, Бронкс, Бруклин, Ричмонд и Куинс.

Далее я выяснил, что его площадь на сегодняшний день равна 365,4 квадратной мили¹ и что в 1950 году

¹ Так у автора. — *Прим. ред.*

ПИОНЕР, КОТОРЫЙ НЕ ЗНАЕТ, ЧТО ОН УЖЕ ОПОЗДАЛ.

население Нью-Йоркского округа составляло 12 миллионов 830 тысяч человек.

Я обнаружил также, что это наиболее плотно населенный город мира.

Свыше двух миллионов жителей Нью-Йорка — лица иностранного происхождения, свыше двух с половиной миллионов имеют родителей иностранного происхождения.

Среди американских граждан, родившихся за пределами Соединенных Штатов Америки, наиболее обширную группу составляют итальянцы, наиболее малочисленную — китайцы.

Затем статистика указывает:

Нью-Йорк потребляет ежедневно около 34,5 миллиона фунтов пищевых продуктов, 98 тысяч тонн угля, 4 миллиона галлонов нефти и 1200 миллионов галлонов воды. Здесь 43 тысячи лифтов, которые перевозят ежедневно 17,5 миллиона человек. Тут обитает 8 миллионов крыс, причиняющих ежегодно 45 миллионов долларов убытка. В 1950 году было отмечено 673 случая нападения крыс на людей. В связи с этим в Нью-Йорке был создан комитет по уничтожению крыс.

В этом году Нью-Йорк ассигновал 102 миллиона долларов на полицию; за год было совершено 14 229 преступлений и произведено 963 795 арестов. На бирже ежегодно регистрируется 208 миллиардов ценных бумаг. Городу не хватает 150 тысяч квартир, и 450 тысяч жителей живут в антисанитарных условиях. В Нью-Йорке 243 тысячи предприятий и 36 тысяч промышленных концернов. Они выпускают свыше трехсот различных видов продукции. Здесь 11 тысяч ресторанов, 2 миллиона 400 тысяч деревьев (где же они растут?), 10 тысяч такси, 500 шаек малолетних преступников, 2800 церквей и 300 тысяч собак.

Теперь, казалось бы, мы уже знаем о Нью-Йорке все, но — увы! — мы не знаем еще ничего.

В конце концов, что нам до того, сколько собак в Нью-Йорке?

Сегодня мы встретили много людей, и у каждого свое лицо. Захлопнем статистический справочник. Погасим свет и ляжем спать.

Что из того, что нам известно количество такси в Нью-Йорке? Шофер такси, который вез нас в отель,

ДРАМА.

очень торопился домой, — вот уже третий день умирает его отец.

Три дня умирает человек в огромном городе Нью-Йорке, где два миллиона четыреста тысяч деревьев и где перечень улиц в карманном путеводителе занимает сто девяносто две страницы.

Люди здесь рождаются и умирают, как и в любом ином месте земного шара.

Погасите свет.

HAM AND EGGS AND COFFEE¹, ИЛИ ИНОСТРАНЕЦ В ДРАГСТОР

На следующий день, обнаружив непомерную дороговизну завтраков в отеле, иностранец разыскивает ближайшую *драгстор*. Они встречаются на каждом шагу. *Драгстор* — это аптека, которая в результате постепенного исторического развития перешла от продажи слабительного к продаже бутербродов, омлетов и яичницы с ветчиной, а также к торговле сигаретами, книгами, парфюмерией, брезентовыми туфлями, непромокаемыми плащами, детскими игрушками и безалкогольными напитками. Это удивительная, чисто американская аптека с высокими табуретами и стойкой, как в баре, — порождение постоянной спешки, которой охвачены люди в этой стране. Уже после первого завтрака постигаешь разницу между европейским медлительным чревоугодием и американским отношением к еде, как к заправке горючим. *Драгстор* — это бензоколонка для людей: прохожий останавливается, поспешно заправляется горючим и мчится дальше.

В связи с этим возник и особый тип обслуживающего персонала. Человек в белом фартуке — личность, более или менее сходная с фокусником: в одно и то же время он варит кофе, разбивает дюжину яиц, обжаривает шницели и комментирует очередную статейку сплетника Уолтера Уинчелла² из газеты «Дейли ньюс». Этот паразитический человек — нечто среднее между официантом и заботливой мамашей — обслуживает около тысячи посетителей в день. Утром его заспанное лицо озаряет любезная улыбка, сменяющаяся к вечеру явной и все растущей неприязнью к вечному пожирателю яиц и бифштек-

¹ Яичница с ветчиной и кофе (англ.).

² Уолтер Уинчелл — американский журналист и радиокорреспондент.

сов — постоянно спешащему посетителю. Посещение *драгстор* и встреча с этим человеком — первое, что вводит иностранца в стремительный темп американской жизни. Избалованный европейский гурман, привыкший к дружеским беседам с официантами и совещаниям с метрдотелем, проходит здесь «крещение огнем». Это огонь электрической плиты, на которой человек в фартуке жарит кровавые шницели и яичницу с ветчиной.

Драма иностранца в *драгстор* выглядит приблизительно так.

Он входит, здоровается, усаживается на высокий кожаный табурет и окидывает себя в зеркале испытующим взглядом.

«Что-то у меня сегодня странный цвет лица», — думает иностранец и тихонько рассматривает, что заказал себе сосед на ближайшем табурете. Каждому иностранцу заранее известно, что новичку следует заказывать себе то же самое, что заказывают соседи. Сосед просит *ham and eggs and coffee* (яичницу с ветчиной и кофе); иностранец бодрым тоном, который тотчас же показывает человеку за стойкой, с кем он имеет дело, заказывает себе то же самое.

Официант уже заранее настораживается, ставит нос по ветру и бросает на иностранца долгий, изучающий взгляд. При этом он успевает зажарить пять шницелей сразу, нарезать хлеб, приготовить одиннадцать порций компота, два бокала апельсинового сока и один — замороженного какао.

— Кто желает *ham and eggs*? — бросает он в пространство.

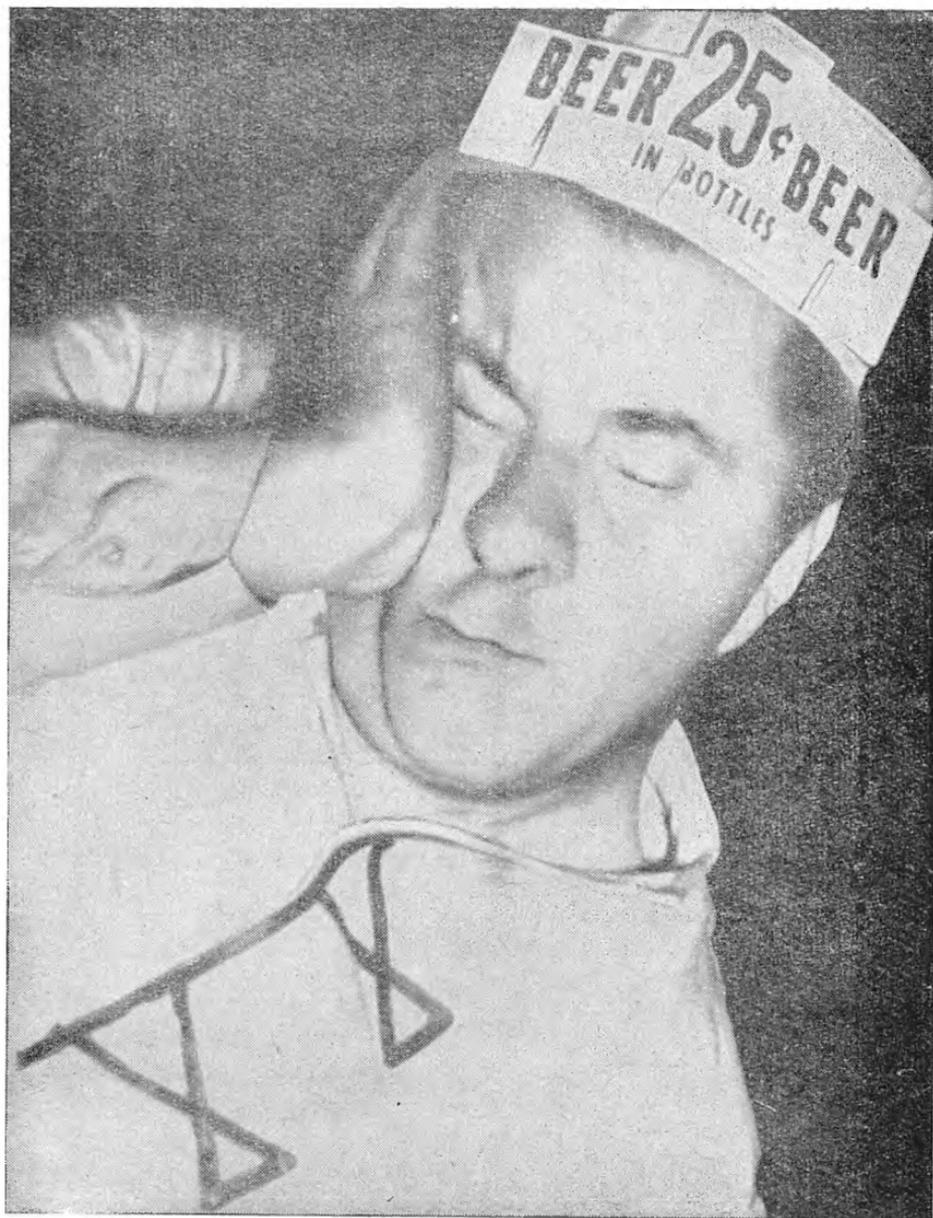
— *Me*¹, — сдавленным голосом отвечает иностранец, и человек за стойкой запоминает его. В неофициальной статистике отмечено, что средний иностранец выдерживает *ham and eggs and coffee* приблизительно неделю, более стойкий — десять дней. Потом европейская натура в нем бунтует, и чужестранец требует меню.

— Кто просит меню? — предостерегающе спрашивает человек за стойкой.

— *Me*, — отвечает иностранец.

Итак, перчатка брошена.

¹ Я (англ.).

ОСВЕЖАЮЩИЙ НАПИТОК (ПИВО).

Затем иностранец принимается изучать меню. На это уходит довольно много времени. Он обходит блюда с загадочными названиями и выискивает, если можно так выразиться, ароматы родины. В это время человек за стойкой, бросая на него злобные взгляды, разбивает яйца, а в свободную минуту точит на электрической точилке ножи.

Иностранец со вздохом облегчения находит в меню два слова, вызывающие приятные воспоминания, например: liver wurst.

«Ливер вурст! Да ведь это ливерная колбаса!» — радуется он про себя и мысленно благодарит бога. Он жаждет поскорее со всем этим покончить.

Затем поднимает голову и решительно заявляет:

— Liver wurst and coffee, please.

Человек за стойкой отвечает на это:

— Уай о ай?

В этом вопросе нет никакого скрытого коварства, человек за стойкой лишь хочет знать, какой сорт хлеба к этому «ливер вурст» желает джентльмен на табурете — белый или черный: white or rye (уай о ай)?

Иностранец не понимает, но не желает признаваться в этом.

— Да нет, — отвечает он с обезоруживающей улыбкой. — Я прошу только liver wurst and coffee, please.

Человек за стойкой поражен. Он нервно разбивает еще девять яиц, обслуживает четырех других посетителей и снова обращается к иностранцу. На этот раз его вопрос звучит уже более резко:

— Уай о ай?

«Боже правый! — ужасается иностранец. — Не лучше ли сказать, что я приду завтра?» — Но потом вспоминает, что поблизости такая же *драгстор*. Там человек за стойкой делает шесть омлетов на трех сковородках сразу.

— Liver wurst and coffee, please, — говорит он еще раз, как можно тверже, чтобы на сей раз произвести желаемое впечатление стопроцентного американца. Надвигается катастрофа! Входят несколько новых посетителей. Человек за стойкой мечет тарелки, как диски, грозно колотит шницели и, как всегда в таких случаях, у него что-нибудь не ладится: он разливает содовую воду. Тогда он, уже не сдерживаясь, устрашающе орет:

— Уай о ай?

И в этом крике звучит вся трагедия его профессии.

В большом зеркале иностранец ловит сочувственные взгляды очаровательной блондинки—девушки-подростка в коротких лиловых брюках; он замечает недовольство мужчины, который походит на страхового агента. Чужеземец охотно удалился бы с честью. Но, как говорится, надо спасать лицо.

И он заказывает себе ham and eggs and coffee.

Внезапно он обнаруживает, что человек за стойкой на минуту присел, тяжело дышит, бледен и покрыт испариной. И иностранец впервые понимает, что разбивать яйца и выжимать сок из апельсинов — дело совсем не пустяковое, что перед ним человек, чьи глаза покраснели от усталости.

Когда иностранец наконец уходит, он щедро оставляет на чай, и человек за стойкой, обрадованный и удивленный, приветливо кричит ему вслед:

— Приходите опять, будем вам очень рады!

КОКТЕЙЛЬ-ПАРТИ. ДЕТИ И ДАМЫ

После полудня в ООН служебные формальности, беглая проверка. Мы знакомимся с мистером Т., бюрократом международного масштаба, занимающимся рекламой. Это бодрый, приветливый, неискренний человек. Он поглядывает из окна на реку Ист-Ривер и говорит делегатам с Востока и Запада:

— Прежде всего обратите внимание на этот очаровательный пейзаж.

Мистер Т. преподнес нам проспекты и пригласил с собой на какую-то коктейль-парти, устроенную для журналистов, где много говорили и еще больше пили. Здесь, среди прочих, была и невероятно высокая англичанка, которая падала от хохота на гладкий блестящий паркет и каждый раз восклицала:

— Мальчики, поднимите меня! Я спешу в опекунский совет!

А впрочем, ее миссия после каждого падения менялась.

Вышеуказанный Т. дал нам совет, каким образом познать величие Америки.

— Подойдите, — сказал он нам, будучи уже слегка «под градусом», — к зданию ООН, станьте совсем близко к стене, посмотрите вверх, и вы сразу почувствуете собственное ничтожество.

Говорят, что то же самое можно сделать и возле любого другого небоскреба. Таким образом человек в этой стране научится скромности и перестанет преувеличивать значение собственной персоны. Мистер Т. сказал, что только так можно понять Америку.

Вскоре мы распрощались.

Мы поднялись еще несколько раз вверх на скоростных лифтах, которыми управляли красивые усталые

девушки. На каждой — форма ООН, у каждой — маленькое жалование и, судя по всему, большие надежды. Рассказывают о шведской девушке, которая вышла замуж за темпераментного делегата одной из стран Центральной Америки, деятельность которого в ООН свелась к езде на лифте. Он завоевал симпатию; о нем говорили, что этот человек по крайней мере не притворился деятелем.

Мы еще раз спустились на эскалаторе на первый этаж и там повстречали экскурсию школьников, совсем крохотных мальчиков и девочек, — наверное, это был первый класс. Их вела учительница с интеллигентным лицом в очках. Как раз в это время она объясняла детям слово «делегат».

— Делегаты, дети, — говорила она, — это люди, которых посылает сюда их страна, чтобы они смогли между собой обо всем договориться.

— И они договорились? — затаив дыхание, спросила одна из девочек.

— Да, дети, договорились, — ответила учительница. — И сейчас они все собрались здесь, в этом доме.

Ее слушали теперь не одни только дети.

— А скажите, пожалуйста, какая страна самая лучшая? — спросил другой голосок.

— Все страны хорошие, — ответила учительница в очках.

Голосок прозвенел снова:

— А русские тоже хорошие?

— Идемте, дети, — сказала учительница. — Мы поедем теперь на эскалаторе. Входите, пожалуйста, осторожней, по порядку, друг за другом. Ты, Хелен, иди первый, а Чарли пойдет вторым. Я покажу вам, где заседает Совет Безопасности.

— А для чего Совет Безопасности? — опять проявила интерес любознательная девчушка.

— Совет — это когда люди советуются, — терпеливо ответила женщина.

— А русские там тоже советуются? — снова спросил неотвязный мальчуган.

— Возьмитесь за ручки, когда спускаетесь вниз, — ответила бедняжка. — Джошуа, иди потихоньку за Дэвидом.

И ребяташки исчезли. Последним шел мальчик, на

лице которого отражалась уверенность, что в этой стране каждый может стать президентом.

Здесь много туристов, а у стены одиноко сидят какие-то женщины. Поговаривают, что они занимаются тайной проституцией в этой сфере международной политики. Сюда приезжают экскурсанты из различных американских городов. Их умиляют и приводят в восторг пушистые ковры, атлетически сложенные блюстителю порядка и марки с изображениями флага; они усердно разыскивают на карте Саудовскую Аравию и Западный Ириан.

Дамы у стены относятся к происходящему в большинстве случаев скептически, но терпеливо; трудно определить, чем они занимаются, так же как трудно определить род деятельности многих почтенных мужей, которые важно и быстро проходят по коридорам, наклонившись вперед, будто именно они, а не кто-либо другой, несут бремя ответственности за судьбы мира. Они — сотрудники этой организации, гордые своим положением. Разглядывая сквозь большие широкие окна нью-йоркскую реку Ист-Ривер, они размышляют большей частью о своих личных делах.

Дамы из общества, которые приехали на экскурсию из Огайо, Орегона и Северной Каролины, беседуют здесь о разоружении и восстановлении прав Китая в Организации Объединенных Наций так профессионально, будто делятся рецептами печенья к чаю. Мужчины более реалистичны, и мы слышали, как один бодрый провинциал сказал своей жене:

— Послушай, Энни, моя девочка, здесь сбивают такой коктейль, который застревает у людей в глотке!

Но дама мечтательно прохаживалась по коридорам. Это была женщина с возвышенными жизненными идеалами. Она высокомерно усмехнулась и, конечно, в глубине души пожалела, что ее муж — торговец скотом или компаньон владельца мыловаренного завода. В дипломатии что-то есть!

КОГДА ОПЯТЬ ПРИДЕТ АНТОНИО МУЦЦИ?

Парикмахера в отеле зовут Джованни Маруццо, он итальянец. Это чистенький, смуглый старичок с покорным выражением лица. У него мало посетителей и язва желудка. Чаще всего он сидит один в своем большом светлом зале, выкрашенном в синий и белый цвета — цвета корпорации парикмахеров. Помещение это весьма импозантно, и парикмахер Джованни платит за него отелю около трети всей выручки. Но ему кажется, что существование его обеспечено, а честолюбие удовлетворено.

— Я брею немногих клиентов, — говорит он, — но каждый из них в Америке что-нибудь да значит.

И потом из вежливости добавляет:

— И в Европе также.

Он утверждает, что в таком модном отеле можно неожиданно получить огромные чаевые и что однажды это уже произошло с ним, Джованни. Останавливался тут некий Антонио Муцци — букмейкер из Мессины, земляк, который в один прекрасный день сказочно разбогател. Так вот он-то и положил на этот самый мраморный столик стодолларовую бумажку.

«У меня нет сдачи», — сказал тогда Джованни.

«Оставьте себе, земляк», — заявил вышеупомянутый разбогатевший букмейкер Антонио Муцци из Мессины.

— Вот как это произошло, с вашего разрешения, — заканчивает парикмахер.

В итальянском квартале такого случиться не может, это — событие «большого света».

Джованни долго брил, стриг, массировал и причесывал нас, а в это время какой-то бледный, веснушчатый кандидат в миллионеры чистил нам ботинки. И еще мы узнали, что парикмахер Джованни уже тридцать пять лет обручен и что они с Лючией до сих пор не могут

обвенчаться, потому что семью содержать он не в состоянии. За это время Лючия лишилась ноги: она спешила на свидание с женихом и хотела побыстрее сесть в автобус. Но автобус набрал скорость, и теперь у Джованни одноногая невеста. Сейчас Лючия стоит Джованни много денег. О Мадонна, сколько денег!

Почему же Джованни не женится на своей невесте, если он все равно ее содержит?

— Невеста, — говорит Джованни, — это все-таки чужой человек. На невесте можно еще кое-что сэкономить.

— А видите вы часто?

— Нет, она уже не любит меня, — отвечает Джованни. — Я не проявил решительности, а женщины любят решительных мужчин. Вы это, верно, тоже заметили?

В парикмахерской у Джованни стоит вращающийся столик с красно-бело-синими полосами, расположенными наискось, — это какой-то герб американской корпорации цирюльников. Спираль бежит куда-то вверх, все дальше и дальше, без конца. Но это лишь оптический обман, прекрасная иллюзия — полосы всего-навсего кружатся вокруг столбика.

Уходя, я оставил Джованни чаевые с великим стыдом.

— Пожалуйста, — сказал я, — не обессудьте: я — не из Мессины.

— Благослови вас господь, — ответил он вежливо, но разочарованно. — Антонио обещал найти меня в этом отеле. «Оставайся тут, — говорит, — чтоб я тебя сразу нашел, чтобы мне не пришлось тебя разыскивать где-нибудь в Бронксе или на Бауэри». — Вот почему я и остаюсь здесь, хотя арендная плата в этих местах выше, чем во всем остальном Нью-Йорке.

— Когда же он был у вас в последний раз?

— Пойдите, — задумался Джованни, — кажется, это было в тридцать третьем году. Или в тридцать четвертом...

На прощанье он показал фотографию своей невесты Лючии. Это была женщина с типично итальянским лицом, сохранившим следы былой красоты.

ТАЙМС-СКВЕР, ИЛИ СИЛА РЕКЛАМЫ

Первый вечер всякого иностранца принадлежит Таймс-скверу. Мой приятель М., который приехал днем раньше и, следовательно, уже знает Америку процентов на сто лучше, нежели я, сидя рядом со мной в такси, заклинает меня не поддаваться чарам неоновой феерии на Таймс-сквере.

— Свежему человеку, — говорит он, — труднее всего устоять перед этим.

И с оттенком самодовольства добавляет:

— Но уже во второй раз ему все становится ясно.

Он разъясняет мне, что реклама — средство эксплуатации трудящихся. Между тем мы подъезжаем к Таймс-скверу.

В первый момент начинает казаться, что вы очутились в центре бомбардировки. Вас обстреливают самые мощные в мире световые батареи, и вам не остается ничего другого, как жмуриться, моргать, таращить глаза и снова жмуриться. На вас низвергается неоновая буря, буря без грома и дождя, но с беззвучными молниями ужасающей силы, которые отличаются от небесных тем, что всякий раз окрашены в иной, часто приятный цвет. И тут мне в голову приходит фантастическая мысль: а что, если бы люди стали красить весеннюю молнию в зеленый цвет, а осеннюю — в красный? Ведь тогда любая буря, при нашем пристрастии к различным фейерверкам и бенгальским огням, могла бы стать действительно народным гуляньем.

Очевидно, это был результат воздействия Таймс-сквера — площади рекламы.

Площадь эта попирает, кроме всего прочего, все законы гармонии. Краски совершенно не соответствуют друг другу, в них нет, как говорится, ни складу, ни ладу, и это неожиданно создает ощущение красоты.

CBET.

ТЬМА.

В нашем мире возникло новое удивительное произведение искусства — реклама. Но об этом никто не пишет даже в Америке. Ее воздействие, особенно в первый раз, поразительно, а ведь это также является мерилом искусства.

Мы беседуем о влиянии рекламы.

— Обрати внимание на эту безвкусицу, — сказал мой приятель М., указывая на неоновую курильщика фирмы «Кэмэл». — Этот человек курит бесконечную сигарету. Каждые несколько секунд из его рта вырываются клубы синеватого дыма, которые тут же растворяются в синем сиянии.

Потом он добавляет, что эта примитивная реклама рассчитана на людей малоинтеллигентных. Вслед за тем он с виноватой улыбкой достает пачку сигарет, называется «Кэмэл», и говорит:

— Не думай, что и я попал под влияние рекламы, но в конце-то концов это лучшие здешние сигареты!

Потом мы рассматриваем неоновую пташку, которая не взлетая, трепещет крылышками над пивом «Бадвайзер», и нас охватывает непреодолимая жажда.

Но, прежде чем отправиться пить пиво, мы еще долго ждем — не взлетит ли пташка? Это было бы большим сюрпризом для фирмы «Бадвайзер». А прохожие на Таймс-сквере, вероятно, этого бы даже и не заметили. Одна пташка тут не делает погоды.

ПЕРВЫЙ АМЕРИКАНЕЦ

Я сказал У., что хотел бы познакомиться с какой-нибудь американской семьей. Я объяснил свое желание чисто профессиональным интересом, но за всем этим скрывалось стремление увидеть квартиру с обычной кухней, где хлопочет женщина, которая смутится, если ее застать в фартуке, — квартиру, где резвятся дети и где, быть может, ест книжный шкаф и нет белого шифоньера, как в моем отеле.

Он привел меня к приятным молодым измученным людям; они не знали, радоваться моему визиту или нет, ибо хоть я и очень старался, но с трудом выдавливал из себя слова. Они старались быть приветливыми и приготовили для меня джин с содой.

Он — американец, экономист с принципами и поэтому без постоянной работы; она — чешка, синеглазое, доброе и, на первый взгляд, мягкое создание; она чем-то неуловимо отличалась от женщин, которых я встречал в отеле и на улице. Он называет ее Божка — с неповторимым американским акцентом, словно перемалывая звуки зубами. Его зовут Брайан. Он хороший муж и настолько любит правду, что не покупает детям сказок, стремясь оградить их от всякого вымысла. Божка тайком хранит книги моравских сказок о водяных, сапожниках и принцессах, и таким образом маленькие американцы получают то, что им положено.

Беседа велась с помощью Божены. Я задавал обычные вопросы, которые наметил еще в отеле: будет ли кризис, каковы в действительности размеры безработицы, велико ли влияние финансовых групп, есть ли у демократов шансы победить на выборах?

Он отвечал коротко и устало, а потом спросил:

— Как долго вы собираетесь пробыть здесь?

— Три месяца, — отвечал я.

БЛЮЗ В МИНИАТЮРЕ.

НОКЮРН.

— Этого слишком мало, чтобы узнать (досконально) хотя бы одну улицу на Манхэттене, — сказал Брайан.

К моим планам он отнесся скептически.

— Не сердитесь, — заметил он, — но я не понимаю, как можно, прожив в стране неделю, заявлять, что собираешься писать о ней книгу.

Потом он пошел проводить меня, и мы вместе рассматривали витрины. На углу Сорок третьей улицы и Пятой авеню, неподалеку от отеля, в здании нового банка «Мэньюфекториз траст компани», в одной из витрин находится, по слухам, самый большой в мире сейф. Освещенная табличка утверждает, что одни лишь дверцы его весят тридцать тонн. Витрина была залита лиловатым светом, слишком сильным для глаз, и свет этот придавал длинному пустому помещению с гигантским сейфом какой-то зловещий и в то же время безвкусный вид. Казалось, в этот необъятный сейф можно упрятать весь земной шар.

— Не бойтесь Америки, — сказал вдруг Брайан, — это по сей день еще страна романтики.

И в эту минуту, стоя перед чудовищной до неправдоподобия стальной громадой, мы оба внезапно ощутили простое человеческое волнение и симпатию друг к другу. На нас пахнуло свежее и теплое дыхание расположенного неподалеку Сентрал-парка. Этот чужой человек слегка коснулся меня рукой и с тех пор остался для меня самым дорогим из всех тех людей, которых я имел возможность узнать в Америке.

АПЕЛЬСИНОВЫЙ СОК

Нью-Йорк благоухает тремя ароматами: бензином, джином и апельсиновым соком. Первые два — унылые, это запахи Нью-Йорка делового и сурового. Они оба, каждый по-своему, как будто усиливают манхеттенский туман. Апельсиновый сок принадлежит к светлым явлениям города, несмотря на то, что и его выжимают в страшной спешке и, конечно, с помощью электричества. Но это все-таки поэтический напиток, и потому, как видно, у него меньше приверженцев, чем у «кока-кола», «пепси-кола» и «севен-ап»¹, столь популярных в Америке. Кроме того, он дороже.

Вчера я пил апельсиновый сок в небольшом баре напротив отеля; остряки из нашей делегации выдумали для него название — «У вора». Здесь обслуживает пожилой плешивый официант в белом пиджачке с красными отворотами, а в кассе сменяют друг друга две старушки — одна толстая, другая тощая. Кое в чем они, однако, сходны: во-первых, у обеих волосы отливают синевой, во-вторых, обе берут двадцать пять центов за маленький бокал апельсинового сока, хотя это цена большого бокала.

Вообще же здесь, за маленькими столиками, скучно и пусто.

Официанта в белом пиджачке с красными отворотами пришел навестить его сын. Он строен, русоволос и очень красив; вместо рук у него протезы из стальных прутьев, поэтому он не снимает белых шелковых перчаток. Он улыбается бодро и в то же время жалобно.

Сын молча подсел к стойке, а отец радостно приветствовал сына со своей официантской дорожки между столиками.

¹ Названия прохладительных напитков в Соединенных Штатах.

— Сейчас приду, boy! — воскликнул он.

Затем поставил перед ним бокал апельсинового сока и объявил:

— One orange juice for you, mister ¹.

Это была, как видно, дежурная острота, и произносил он ее, вероятно, всегда одинаково, без малейшего оттенка юмора.

Юноша поднял своими стальными пальцами влажный, искристый бокал с апельсиновым соком, но стекло внезапно выскользнуло и с резким звоном упало на синевелый кафель. Все сделали вид, что ничего не заметили. Ничего не случилось. Осколки отливали красивым желтым цветом — это было, как видно, дорогое стекло. Капли жидкости сияли маленькими апельсиновыми звездочками. Потом пожилая мисс из кассы вытерла пол, и все было кончено.

Ничего не случилось! Только официант с красными отворотами на белом пиджаке, улучив свободную минуту, спросил сына:

— Еще один бокал?

— Спасибо, отец, — ответил тот. — Как-нибудь в другой раз, отец.

И ушел.

¹ Порция апельсинового сока для вас, мистер (англ.).

РЕЛИГИОЗНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ

Среди своей корреспонденции я обнаружил листовку, которую распространяет Религиозный исследовательский институт — фирма, зарегистрированная по адресу 551, Саус Креймерси плейс, Лос-Анжелес, 5, Калифорния.

Вот полный текст этой листовки.

«Молитва может ускорять всхожесть семян и рост растений. Эта простая истина была многократно доказана более чем девятыстами опытами, проведенными Институтом исследования действия молитвы, который является частью фирмы «Религиозное исследование». За два года проверено свыше 24 тысяч семян, около 120 человек приняли участие в непрекращающейся работе над исследованием влияния молитвы на растения. Иными словами, молитва существует. Ее существование доказано. *«Ибо обращающийся к Богу твердо должен верить, что Бог есть».* (Эпистола Св. Павла иудеям, гл. II, стих 6.)

Люди будут охотнее молиться, если по-настоящему уверуют в действенность молитвы.

Что может быть убедительнее в наш XX век, век науки, нежели подтверждение прорицаний лабораторными опытами? Опыты эти объективны, измеримы и повторимы, что непреложно доказывает силу, заключенную в молитве. В этом случае, как и во многих других, факты, доказанные религиозным исследованием, укрепляют веру, положив в основу убеждения нечто действительно существующее.

Наши исследования уже открыли множество интересных фактов, касающихся молитвы. Римско-католический обычай использовать освященную воду (по-англий-

ски «*святую воду*») был обоснован открытием, что сила молитвы может быть сконцентрирована в воде и с водой перенесена на семена.

Утверждение современной медицины, что негативные мысли и потрясения вредно отражаются на нашем организме, было подтверждено и путем религиозного исследования: отрицание и тут имеет губительное влияние. *Отрицание*, то есть молитва не о росте, а о приостановлении роста злаков, может замедлить рост растения, может даже воспрепятствовать всхожести семян вообще...

Ученые-физики нашего времени постоянно работают с различными видами энергии, существование которой не отрицается, несмотря на то, что она невидима, как например, электричество, солнечный свет, атомная энергия, космические лучи и т. д. Таким образом, невидимость молитвенной энергии также не является аргументом против ее существования. Существуют еще три разновидности невидимой энергии, все они при лабораторных исследованиях дали положительные результаты. Это *молитвенная кинетика*: духовная, нервная и интеллектуальная.

Религиозное значение этих исследований трояко:

1. Оно доказывает, что молитва является весьма реальной силой в нашем мире.

2. Это лабораторное начинание будет способствовать постижению молитвы как оружия в повседневной жизни, как динамической силы, которая может быть всегда к услугам каждого из нас персонально.

3. Доказано, что современные научные опыты могут распространяться и на религию.

Перед нами открываются все новые и новые перспективы этой работы. Может ли молитва, если это касается сельского хозяйства, увеличить мировую производительность продуктов питания количественно или качественно? Поможет ли она доказать, что *врожденное различие видов и победа сильнейшего* необъяснимы с точки зрения развития и эволюции растений, животных и людей? Зарекомендует ли себя с психологической стороны молитвенное исследование, проведенное на растениях?..

Уильям Джеймс, который является, пожалуй, славнейшим психологом XIX столетия¹, однажды подчеркнул, что все вероисповедания держатся или рушатся в зависимости от силы своих молитв. Молитва, продолжает он, должна влиять на явления действительности. Она не должна быть лишь субъективна, но и объективна; она должна не только *согреть душу*, но и быть силой, способной улучшить материальный мир вокруг нас. Большинство людей до сего дня не были убеждены в реальности молитвы в смысле ее объективного действия. Если бы они действительно верили в реальность воздействия молитвы, у нас не было бы сейчас столько церквей без молитвенных кружков и столько людей без истинной молитвенной жизни.

Молитвенное исследование Религиозного исследовательского института имеет решающее значение для религии жизни. Когда к нашим услугам будет больше денег, молитвенное исследование расширит свои опыты как на животных, так и на растениях. Само собой разумеется, что все достижения молитвенного исследования вполне применимы к излечению молитвой, к молитвам за лучшие жизненные условия — личные, мировые и социальные.

Кто может сегодня сказать, каковы будут дальнейшие открытия молитвенного исследования? Но даже первые опыты с растениями доказали то, что желал доказать Уильям Джеймс: действительную реальность молитвы в нашем объективном мире.

¹ Уильям Джеймс (или Джемс) (1842—1910) — американский психолог и философ-идеалист, основатель прагматизма — реакционного субъективно-идеалистического течения в современной буржуазной философии, злейший враг материализма и диалектики, защитник религии. Одно из основных положений его реакционной философии — отрицание объективной истины. Истиной он именуется то, что «удобно», «полезно», или попросту все, что выгодно империалистической буржуазии и соответствует ее классовым интересам. Истина подменяется у Джеймса «волей к вере», то есть откровенным мракобесием. Джеймс боролся против материализма и науки и призывал к подмене естествознания теологией.

Для Джеймса характерно отрицание объективных законов общественного развития, игнорирование роли народных масс и враждебное отношение к ним. Отрицая законы общества и трактуя историю как результат произвольной деятельности людей, Джеймс полностью оправдывал экспансионистскую политику американской буржуазии и ее борьбу против социализма и рабочего движения.

Мы высылаем за плату свои листовки по любому адресу. Цены:

1 экземпляр	—	10 центов
3 экземпляра	—	25 центов
15 экземпляров	—	1 доллар
100 »	—	5 долларов
500 »	—	22—30 »
1000 »	—	40 »

Религиозный исследовательский институт проводит исследования в области действенности молитв, излечения молитвой, «душевной динамики» (религия и психология), проводит исследования сверхъестественного, парапсихологии и парафизики.

Ждем с нетерпением ваших вопросов и ваших взносов».

„ЕСТЬ У ВАС ЦВЕТНОЕ ТЕЛЕВИДЕНИЕ?“, ИЛИ ПРОПАГАНДА

Шофера такси, судя по табличке в машине, звали Станислав Потоцкий. Но это был не изгнанный польский князь, а всего лишь потомок «хлопов» с Краковщины, до такой степени американизированный, что не умел даже правильно выговорить название родной деревни.

С этим Станиславом Потоцким у меня была беседа, которая окончилась печально.

— Вы откуда? — спросил он, определив во мне иностранца.

— Из Чехословакии.

Потом мы ехали и молчали.

— Эмигрант? — спрашивает он.

— Нет, с визитом, — отвечаю я.

— Гость?

— Пожалуй, гость, — говорю я.

Мы ехали и молчали.

— Вам здесь нравится?

— Да как вам сказать... Кое-что нравится, кое-что нет.

— Вы, как я, — засмеялся он. — Мне тоже кое-что нравится, а кое-что нет.

— А что же вам нравится?

— Мэрлин Монро¹, — ответил он. — Вы знаете эту даму? Вы вообще любите женщин?

— Люблю, — сказал я.

— А вы видели Мэрлин обнаженной?

— К сожалению, нет.

— Вы действительно ее не видели?

— Нет.

Мы ехали и молчали.

¹ Мэрлин Монро — очень популярная в Америке кинозвезда.

— Ну, — сказал он, — а цветное телевидение у вас есть?

— Нет, — говорю я.

— Вот видите, — обрадовался Станислав Потоцкий, — а у нас есть. И если я захочу, то куплю себе телевизор, пан понимает? Но не сейчас.

— Почему? — спрашиваю я.

— Потому что у меня жена в родильном доме.

— Ну, и что же?

— Ничего, — отвечает он, — жена у меня в родильном доме. Это стоит много денег.

— Сколько?

— Много денег, пан понимает? Все сбережения и кое-что сверх того.

— Кто у вас родился?

— Девочка, — ответил он разочарованно.

Мы ехали и молчали.

— У нас это бесплатно, — коротко сказал я.

— Что у вас бесплатно?

— Родильный дом.

— Ну, это мне, положим, известно. Мы тоже о вас кое-что знаем, пан понимает? Но детей-то ведь отдают государству, не так ли?

— Какое там, — говорю я, — мамашам.

— Ладно, — заявил Станислав Потоцкий, — это я вас просто проверяю.

Мы ехали и молчали.

— Послушайте, — говорит он, — а зубы у вас дергают тоже даром?

— Конечно.

— А на рентген тоже можно пойти бесплатно?

— Можно.

— Каждому?

— Каждому.

— Это я тоже знаю, — ухмыляется Станислав Потоцкий, — я вас просто проверяю — правда ли, что вы оттуда.

— Ну что ж, — говорю я, — проверяйте.

Мы ехали и молчали.

— А детская коляска тоже бесплатно?

— До некоторой степени, — отвечаю я.

— Не выкручивайтесь, — говорит он, — коляска даром?

— Нет, но они получают деньги.

— Кто?

— Матери.

— На коляску?

— На коляску.

— Довольно, — говорит он, — можете вылезать!

— Не вылезу, — отвечаю, — вы должны отвезти меня на Первую авеню.

— Вылезайте, — заявил он, — я для пропаганды не гожусь, понятно? Мне пропаганда противопоказана, boy. Задумаюсь еще над вашим враньем и могу нарушить правила.

— Тогда я вылезу, — говорю я.

Мы ехали и молчали.

— Зачем вы сочиняете? — спрашивает он.

— Я не сочиняю.

— Ваша жена даром получила коляску?

— Нет, но ей выдали деньги.

— На коляску?

— Yes.

Мы ехали и молчали.

— Вот мы и приехали, — сказал он.

— Спасибо.

— А когда же у вас будет цветное телевидение, boy? — воскликнул он. — И вообще: у вас есть телефоны в автомобилях?

— Нет.

— Вот видите, — заявил он, — а у нас есть!

И уехал.

ДЕНЬГИ

Вчера вечером, когда мы пили чай у Р., кто-то позволил: пришла гостя. Это была старая робкая женщина с молодой застенчивой улыбкой.

Брайан встретил ее с искренней радостью.

— Каким образом вы меня нашли? — спросил он.

— Это было нетрудно, ведь вы каждый год посылаете мне рождественские поздравления. На своих собственных бланках, — добавила она, явно пытаясь пошутить.

Брайан представил ее нам. Она оказалась его школьной учительницей.

— Вы все еще ведете первый класс? — спросил он.

— Да, все еще веду, — был ответ. — А вы все еще занимаетесь экономикой?

— Все еще занимаюсь, — сказал Брайан, — и все так же безуспешно.

Потом он сделал попытку выяснить, зачем она приехала в Нью-Йорк. Рут Т. уклонилась от ответа, и вопрос замаяли. Все занялись дешевыми конфетами и лимонадом. Начались воспоминания: то была беседа, понятная лишь посвященным. Она велась одними намеками. Брайан расспрашивал о какой-то школе в Западной Вирджинии, интересовался, по-прежнему ли миссис Рут живет над мастерской химической чистки, что подельывает какой-то Джонс и как поживает матушка миссис Рут.

— Матушка больна, — ответила она.

Потом она рассказывала о своем классе. Она заявила, что семилетний возраст — самый ответственный в жизни ребенка: в эту пору дети вспыльчивы, полны противоречий, очень нуждаются в ласке и в то же время сторонятся ее.

— Им нужна любовь, а я свои запасы уже исчерпала.

— Не верю, — воскликнул Брайан, — вы их вовсе не исчерпали, у вас еще все впереди!

— Я слишком бедна, — ответила она, — чтобы иметь возможность любить так, как должен любить учитель.

Но когда Брайан спросил ее, продолжает ли она одевать маленьких оборвышей на свои деньги, она ответила, что, конечно, продолжает и делает это с радостью и что это вовсе не оборвыши, а дети бедных родителей.

— А жалованье у вас все такое же? — спросил он.

— Почти, но по субботам и в каникулы я веду счетные книги в небольшом магазинчике.

— А оборвышей в школе стало меньше? — деловито осведомился экономист Брайан.

— Нет, по-прежнему много. Но время идет: мы старимся, а из бывших оборвышей вырастают профессора-экономисты.

— Да, и при том нередко безработны, — добавил Брайан.

На это женщина ничего не ответила. Было видно, что она чем-то сильно взволнована, хочет что-то сказать, но не решается. Она смотрела испытующим, учительским взором на своего взрослого ученика Брайана, которому в первом классе подарила свитер, а он — благодарное дитя! — принес ей за это сладких корешков. Последний раз они виделись четырнадцать лет назад, когда он окончил школу.

— Так-то, Брайан, милый мальчик, — сказала она вдруг этому отцу семейства и тяжело вздохнула.

На лице Брайана появилось мальчишеское выражение.

— У меня больна матушка, — повторила она, — и я перестала учительствовать. Теперь из моего жалованья вычитают плату для моей заместительницы.

— Да, таков закон, — неожиданно сухо произнес Брайан, совсем не так, как должен был бы это сказать. — Пройдемте в соседнюю комнату, я покажу вам своих сынишек.

Жена Брайана Божка спросила ее:

— Зачем вы, собственно, приехали в Нью-Йорк?

А так как женщина опять ничего не ответила, то вопрос снова замяли.

Конечно, Рут Т. должна послушать новые пластинки с детскими песнями и, собственно говоря, могла бы остаться поужинать.

Она отказалась, и Брайан пошел проводить ее до дверей. Он вернулся и выглядел таким несчастным, что Божка кинулась обнимать его.

— Она надеялась занять у меня денег, — простонал он, — ей, вероятно, говорили, что дела у меня идут хорошо!

Он собрался на улицу, хотя шел дождь. И был так грустен, что мы без разговоров отпустили его.

Уже надев пальто, Брайан вернулся:

— Она о деньгах и не намекнула. И я тоже. А теперь я кажусь себе самым низким человеком на свете, хотя всего капиталу у меня девять долларов тридцать пять центов!

„ЭМПАЙР СТЕЙТ БИЛДИНГ“

Каждый должен повидать «Эмпайр стейт билдинг» — небоскреб из небоскребов! Этого в Нью-Йорке никому не избежать. Меня много раз спрашивали:

— Вы уже видели «Эмпайр стейт билдинг»?

Кривя душой, я отвечал: да, мол, видел, он действительно необычайно высок...

Но пока еще мой нью-йоркский опыт туриста был крайне ограничен: раскаленные камни Манхеттена, высокий табурет в *драгстор*, окна в номере гостиницы, добряк Купферберг — продавец газет, неон на Бродвее и кино на Пятьдесят восьмой улице...

Было совершенно необходимо, хотя бы для поддержания собственного престижа, взобраться, по обычаю всех путешественников, на «Эмпайр стейт билдинг», небоскреб из небоскребов, и взглянуть на Нью-Йорк с высоты полета здешних птиц.

Я отправился на пресловутый угол Тридцать четвертой улицы и Пятой авеню, заплатил доллар и за шестьдесят секунд взлетел на трехсотвосьмидесятиметровую высоту. Здесь, наверху, тоже была Америка, жарились шницели и рекой лился «кока-кола», коричневый, ледяной. На мужчинах пестрели яркие галстуки, а дамы, ощутив на такой высоте потребность в ласке, слегка прижимались к своим спутникам.

Туристу полагается послать отсюда открытку, сфотографироваться на фоне Нью-Йорка, приобрести миниатюрный металлический небоскреб и посмотреть в запотевший телескоп. Прюделав все это, он усаживается на скамейку и глядит на высокое, неинтересное нью-йоркское небо.

Внизу, как детские кубики, — Нью-Йорк!

Темный город в зеленоватой мгле со смарагдовым озером Сентрал-парка и коричневым алчным языком Манхеттена.

БИРЖА.

А вот и Бруклин с мрачной головой Лонг-Айленда и бесконечные улицы Бронкса и Куинса — кирпичная безобразно-монотонная Америка пассажиров подземной дороги.

Вот он, Нью-Йорк!

В его пейзаже таится какая-то ультрасовременная, неизъяснимая прелесть; вместе с тем этот гигантский памятник людской суеты и усталости, надежды и покорности, бушующих страстей и одиночества чем-то пугает. Глядеть вниз на людей, на их города не стоит, уж лучше глядеть с земли на звезды — это придает нам больше уверенности в себе.

Приветствую тебя, Нью-Йорк, трагический муравейник, шахматная доска с никогда не заканчивающейся партией! Там, внизу, с трудом продвигаются вперед пешки. В засаде притаился слон. И ждет своей минуты коренастая, терпеливая ладья!

Возможно, у этого города есть и другие оттенки, но у меня в памяти остался цвет старого мха и растрескавшейся рыжей коры, серые арки мостов, черные трубы кораблей и дым — желтый и седой...

У одного из телескопов стояла пожилая супружеская пара. Жена — увядающая красавица с кожей оливкового тона. Муж намного старше ее, с бледным некрасивым лицом, полускрытым большой бесформенной шляпой. Он каждую минуту отрывался от телескопа и, оборачиваясь к оливковой супруге, восторженно восклицал:

— Вот это где, Сьюзанн!

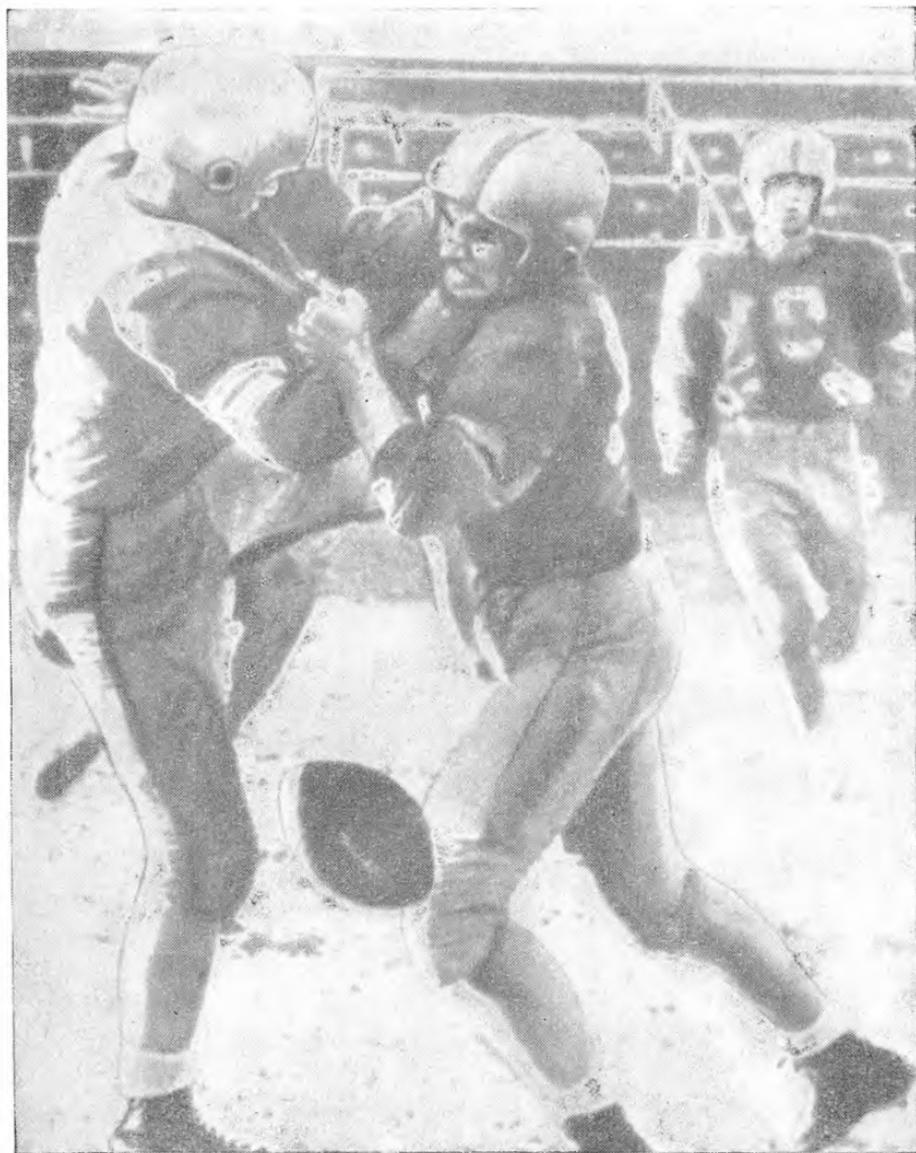
— Ах, оставь, карапузик, — отвечала оливковая красавица, — ее нельзя разглядеть!

— Клянусь, Сьюзанн, я вижу ту скамейку, — настаивал старик. — На ней ты обычно сидела и читала книгу. Потому-то я тебя и приметил.

— К сожалению, — ответила она без тени иронии.

Потом деловито добавила, что этот доллар за вход они вполне могли бы сэкономить, что не к чему предпринимать головомомные экскурсии да еще платить за них и что ту скамейку все равно не видно, пусть Джилберт будет любезен не выдумывать. Если бы он не был *фантазером*, возможно, все вышло бы иначе.

— Ведь мы родились в Нью-Йорке, — сказал старик с пергаментным лицом. — А здесь еще никогда не были!

НАЦИОНАЛЬНЫЙ СПОРТ.

— Мне здесь неинтересно, — заявила она враждебно, — ничто не интересно, понимаешь? Разве что прыгнуть!

— Полно, Сюзанн, — испугался муж. — Что ты опять выдумываешь?!

Оливковая красавица упрямо молчала.

Тут достойный супруг заметил мальчугана лет десяти и ласково обратился к нему:

— Красиво, паренек, а?

— Что привязываешься, старая развалина! — огрызнулся этот милovidный мальчик и сплюнул вниз, на горod.

ЭТО ТА САМАЯ ВОДА...

(Объявления, помещенные в газете
в один из октябрьских дней)

Рисунок изображает молитвенно сложенные руки, обвитые четками. Текст гласит:

«Эти четки наполнены водой из чудесного источника в Лурде¹, взятой в том самом месте, где святой Бернадетте было видение непорочного зачатия.

Значительная скидка по случаю года девы Марии! Обычная цена 4,89, ныне всего 2,98 долл. Представьте, что вы будете держать в **своих** руках, видеть **своими** собственными глазами, осязать **своими** пальцами воду из чудесного лурдского источника, которая наполняет прозрачные бусинки четок. Это та самая вода, которая исцелила тысячи немощных, хромых и слепых. Четки сделаны из превосходного граненого хрусталя! Великолепная упаковка! К вашим услугам четки, прозрачные, как диамант, синие, как сапфир, или темные, как черное дерево. **Не посылайте денег** заблаговременно! Вы заплатите всего 2,98 долл. за каждую нитку четок (5 долл. за две) с надбавкой за доставку, когда уже получите посылку. Если же вы хотите сэкономить за счет расходов на доставку, — пошлите деньги вместе с заказом. **Бесплатно** прилагаем отличный проспект: «*Лурдские чудеса*». Заказы посылайте по адресу:

«КОРПОРАЦИЯ ЧУДЕС».

¹ *Лурд* — город во Франции, славящийся своими минеральными источниками, один из которых почитается верующими чудотворным. Согласно легенде, в одной из пещер, имеющих в окрестностях города, в 1858 году крестьянской девушке Бернадетте Сибирю явилась божья мать — святая дева Мария. В силу этого с середины XIX века Лурд стал центром паломничества католиков.

ВСТУПИТЕ СЕГОДНЯ ЖЕ НА ПУТЬ ИСТИНЫ!

Если жизнь проходит мимо, если вы не можете бороться против злых духов, одиноки или вас преследуют неудачи, не везет в любви и люди к вам недружелюбны, то вам необходим этот позолоченный 24-каратовый святой чудотворный крест в стеклянном футляре, украшенный великолепными поддельными бриллиантами. Вы можете пользоваться им в интимной тишине своего дома. Люди клянутся этим крестом, благословляют день, когда его приобрели. **Не бойтесь и предоставьте этому кресту работать на вас. Стопроцентная гарантия** или возврат денег в течение 7 дней! **Только 2 доллара!** Вступите сегодня же на путь истины! Вместе с **каждым** заказом посылаем пузырек святого, чудотворного бальзама для помазания с приложением способа употребления.

* * *

Бог **желает** вам истинного счастья. У вас неприятности? Вы больны? Затруднения с деньгами или работой? Страдаете от несчастной любви или семейных неурядиц? Пьете? Вы несчастны? Если это так, дорогой друг, мы приносим вам приятное известие о новой молитве, **заслуживающей внимания**; она **поможет** вам обрести настоящее счастье. Вышлите 3 цента, и мы отправим вам новую молитву авиапочтой.

ЕСЛИ ВЫ КОСТЛЯВЫ...

Если вы исхудали и стесняетесь раздеться, потому что ваше тело, грудь, бедра и ноги костлявы, **немедленно** вырежьте купон из этого объявления и пошлите его нам.

За 6 долларов — двойная порция чудесного средства, которое поможет вам приобрести солидный вес и механически нарастить красивое тело в тех частях вашей фигуры, где вы этого пожелаете. Это средство чудодейственно, костлявая фигура округлится, обретет великолепный вид, и вы достигнете успеха.

ЧЕЛОВЕК, КОТОРЫЙ ДОВОЛЕН

На Бродвее слишком много света, и поэтому нищих туда допускают неохотно.

Бродвей — я разумею под этим названием отрезок между Сорок первой и Пятьдесят восьмой улицами — это проспект красавиц, саксофонов и ослепительного сияния. Это шумная, торопливая, похотливая артерия города. В воздухе носится аромат пудры и алкоголя.

Попрошайничать между Сорок первой и Пятьдесят восьмой улицами — привилегия немногих. Человек, который протягивает руку среди этого неистовства света, должен иметь особый вид. Он не может быть тонушим, взывающим о помощи: в этом случае никто руки ему не протянет. Он еще должен держаться на поверхности; он может быть даже элегантен — это роли не играет. Напротив, это преимущество. Он не смеет выглядеть очень несчастным: если человек не может позаботиться о себе сам, к чему тогда переходить дорогу людям, которые шагают по жизни, как по Бродвею? Если же этот человек еще способен на что-то и брюки у него выутюжены, то к нему будут благосклонны. Такой еще поднимется. Через лежачего же перешагнут. Кто лежит и над ним уже сосчитали до десяти, тот — живой труп. Если хочешь нищенствовать — начисти ботинки до блеска и веди себя в соответствии с требованиями Бродвея.

Здесь выстаивает один такой: костюм из серого английского сукна, во рту сигара, котелок на макушке, на груди белый плакат:

Я ИГРАЛ НА БИРЖЕ

Его никто не спрашивает, когда он играл на бирже. Вероятно, это было очень давно. А может быть, и вовсе не было.

Он производит впечатление главным образом на людей, которые процветают. Стараясь сделать это незаметно, они суют ему в руку милостыню, эту малую жертву на алтарь легкомысленного американского бога — Просперити (процветания. — *Ред.*), который может столкнуть человека в пропасть и снова вознести до небес. Мужчина принимает деньги с выражением некоторого презрения, слегка приподнимает свой котелок и говорит:

— Благодарю. Сегодня — вы мне, завтра — я вам. Его спрашивают:

— Джо, старина, когда вам снова улыбнется счастье?

А старина Джо все стоит на углу среди волн похоти, в парфюмерном водовороте Бродвея, снисходительный, с седой, как старый снег, головой. Он даже немного злораден: ему приятно, что подающие исчезают, чтобы уже больше никогда не появиться, а он все еще здесь.

У него есть конкурент, и конкурент солидный — бывший герой Коррехидора¹, высокий слепец с огромной немецкой овчаркой. У слепца красивое мужественное лицо. На нем хороший готовый костюм с претензией на элегантность, воротнички всегда белоснежны, и кажется, что галстуки пестрых американских расцветок он меняет ежедневно. Слепой возбуждает участие своей военной выправкой, черными очками и даже безукоризненным белым воротничком. Равнодушные бродвейские прохожие удовлетворенно говорят:

— Смотрите, каким Энтони опять франтом!

Энтони проаживается взад и вперед — розовый и упитанный, потому что выпрашивает он немало и его жизненный уровень высок. В одной нью-йоркской газете появилось интервью с этим бродвейским слепцом.

«Вы довольны своей профессией? — спрашивает репортер.

— Да, доволен, — отвечает незрячий ветеран, — моя профессия весьма доходна и я благодарю Бога за то,

¹ *Коррехидор* — морская крепость на острове того же названия, входящем в группу Филиппин. В конце 1941 года гарнизон крепости и население острова оказали упорное сопротивление японским войскам, оккупировавшим Филиппины.

что Он меня не оставил. Напишите, что я глубоко признателен мэру Нью-Йорка, который предоставил мне концессию на нищенство между Сорок первой и Пятьдесят восьмой улицами.

— Чего вы ждете от жизни? — спросили его затем.

— Пищи, — ответил человек».

Однажды возле него остановилась подвыпившая красавица на высоких каблуках в сопровождении компании мужчин.

— Можете обнять меня, — сказала она, — это вам вместо милостыни!

Энтони улыбнулся привычной оптимистической улыбкой. У него красивые белые зубы, и он охотно их показывает.

МЕХОВОЙ ВОРОТНИК, ИЛИ РАССКАЗ О СВОБОДНОМ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВЕ

Бродвей заманчив и расположен неподалеку от отеля. Я прогуливаюсь по Бродвею. Вчера на углу Тринадцатой улицы отплясывали трое маленьких пуэрториканцев. Их, собственно, было четверо, но четвертый не плясал и не пел, на нем было пальтишко с меховым воротником и красные полуботинки.

На остальных не было ни пальто, ни красных башмаков — они были босиком, маленькие, смуглые, тощие. Их ужимки и кувырканье были не слишком веселы. Это было скорее вызывающе профессиональное, лицемерное веселье, которое не заражает зрителя. Но люди, окружившие пляшущих детишек на углу Тринадцатой улицы, были довольны. Здесь столпились зеваки невысокого пошиба, наблюдавшие за происходящим не столько из интереса, сколько из злорадства; продувной бродвейский сброд ежеминутно раздражался громким недобрым хохотом: они со злорадством осмеивали чужое убожество.

Там стояло несколько человек и с добрыми намерениями. Они задерживались, чтобы в перерыве между двумя танцами бросить на мостовую маленьким пуэрториканцам десятицентовую монетку, а затем удалялись по бурлящему Бродвею с сознанием, что совершили доброе дело.

Стоило монетке звякнуть о мостовую, как за ней бросался паренек с меховым воротником. Никто иной — только меховой воротник и красные башмаки. Черные босые ноги служили для пляски и кувырканья. Девятилетний импрессарио — меховой воротник — занимался лишь финансовой стороной этого предприятия. Он не плясал — это был предприниматель. Он даже закурил сигару, к великому удовольствию зевак,

— Эй, босс, — орали зеваки, — почему ты без цилиндра?

Босс ответил им испанским ругательством; зеваки покатались со смеху.

Случилось так, что один из этой босоногой троицы, маленький барабанщик, заметил серебряную монетку в четверть доллара, которая подкатилась близко к нему, и, полагая, что импрессарио смотрит в сторону, ловко и поспешно схватил ее.

— Эй, босс! — крикнул кто-то из толпы. — Дай разок этому, с барабаном, он ворует у тебя входную плату!

И «босс», маленький девятилетний мальчик с очаровательным детским носишком и глазами смуглого херувима, кинулся на барабанщика, как дикая кошка. Комичным, несмотря на всю жестокость, ударом, заимствованным из кинофильмов и телепередач, он свалил мальчугана на землю. Зеваки хохотали до слез.

— Тресни его по морде, шляпа! — завопил чей-то голос. — Или убирайся, ты!..

Никто не вступился за барабанщика, и маленький пуэрториканец с разбитым носом встал и снова взялся за барабан. Он даже не казался очень опечаленным. Как будто ничего особенного не произошло.

В толпе стояла полная добросердечная дама, та самая, которая бросила эту роковую монетку. Она не знала, что сказать, ей только хотелось, чтобы сказанное было достойно ее доброго сердца.

— Вы поделите деньги между собой? Не так ли? — нашлась она. — Правда ведь, поделите, мальчики, а?

И один из артистов ответил не без гордости, что их нанимает Пьетро, меховой воротник, и что они получают деньги сразу за неделю. Они на службе и имеют постоянное жалованье:

— Sure, Ma'am, thank you! ¹

— Не мели языком! — прикрикнул на него Пьетро, меховой воротник. — Придурок несчастный...

В этих словах прозвучало даже нечто похожее на нежность.

¹ Конечно, мэм, благодарю вас (англ.).

Вдруг кто-то из них заметил огромного нью-йоркского полисмена и все актеры бросились врассыпную. Они казались такими маленькими среди небоскребов Таймс-сквера! Убедившись, что им уже не грозит опасность, мальчуганы пошли медленнее и принялись шалить, как все дети на земном шаре.

И лишь бизнесмен, меховой воротник, одиноко шагал впереди, навстречу ослепительному сиянию Бродвея.

„КОМИКСЫ“

Выяснилось, что маленький Павел, старший сын Брайана, опустошил копилку, куда откладывались деньги на атлас. Он дважды в неделю покупал в *драгстор* на углу «комиксы» по десять центов за выпуск, а прочитав, продавал их мальчишкам со своей улицы за полцены.

Произошла семейная сцена.

— Почему ты нам ничего не сказал? — спросила Божка. — Ведь ты нам все рассказываешь.

Он молчал.

— Почему ты читал это? — говорила она.

— В нашем классе все это читают, — хмуро ответил провинившийся.

— Почему же ты, в таком случае, скрывал это от родителей?

— Потому что у вас нет денег, — ответил он, — и вы против убийств.

— А ты нет? — ужаснулась Божка.

— Когда человек имеет право, он должен убивать, — изрек ребенок.

Потом у него отобрали книжки, и Павел горько плакал. Брайан прочел нам начало рассказа. Оно выглядело приблизительно так:

«Был поздний вечер. По одной из улиц предместья большого города двигалась одинокая девичья фигурка, освещенная луной. Девушка шла мимо спящих домов.

В этот глухой час ночи всякое может случиться...»

Картинок было тридцать семь, и они рассказывали о том, как на одинокую девушку напал человек в черном и повалил ее наземь, срывая с нее одежду. Потом шли два рисунка: убитая девушка с явными следами насилия,

черный человек скрывается в неизвестном направлении. Что будет дальше — узнаете в следующем выпуске.

— Почему он убил ее? — спросил Брайан.

— Не видишь? — удивился его восьмилетний сын.— Он же хотел ее изнасиловать, папочка! — И задумчиво добавил: — А может быть, чтоб замести следы.

— А может быть, и шпионаж, — заметил Брайан.

— Ах, — взмолился сын, — не дразни меня, папочка! Ты вот шутишь, а потом все равно не разрешишь дочитать!

В конце концов, как обычно, в этой семье все наладилось. Мальчику ничего не запретили, а просто стали читать «комиксы» вместе с ним и очень смеялись над всякими ужасами, смеялись так долго, что в конце концов стал смеяться и сам Павел. Ко дню рождения ему подарили абонемент в городскую библиотеку. Он очень им гордился и начал читать только настоящие книги. Этот американский мальчуган родился в хорошей семье.

Но «комиксы» продолжают выходить. Их цена — десять центов за выпуск, купить их можно в любой *драгстор*, в каждом газетном киоске. Эти брошюры предназначены специально для детей. Не путайте их с рассказами в картинках, предназначенными для взрослых, которые журналы печатают «с продолжениями». Они отличаются от «комиксов» тем, что все-таки проходят через какую-то импровизированную цензуру и аморальны лишь настолько, насколько это допускают епископы. В отношении же детей предполагается, что неведение безгрешно.

Это огромный, общеамериканский бизнес с годовым оборотом в сто миллионов долларов, превосходный бизнес. Вкладываемый капитал заманчиво мал: несколько графоманов, которых никто не ограничивает, вагоны дешевой бумаги и знание того, что называются *тайниками детской души*. Капитал минимален, в то время как прибыль сказочна! Поэтому выступать против «комиксов» не рекомендуется. Почтенные поставщики яда неуязвимы более, чем кто-либо другой, когда дело идет о признании конституционной свободы слова. Они рьяные защитники основных американских свобод! Не отбирайте у человека его возможностей, пусть каждый использует их по своему усмотрению, говорят они.

Создана даже соответствующая теория; ее авторы заявили об окончательном упадке сказки.

«Сказка чужда детской душе, — пишет один из таких знатоков. — Дайте ребенку привыкнуть к жестокой правде жизни. Детская душа жестока. На смену драконам и волшебницам сейчас пришли убийцы. Но детям это безразлично».

Кое-что от сказок в «комиксах» действительно осталось. Их сюжет сохранил основные черты сказки. Здесь также есть праведники и злодеи, зло наказывается, а добродетель торжествует, есть и герои без страха и упрека, которые все могут и, главное, никому и ни в чем не уступают.

Герой современной американской сказки для детей, как правило, белокур, высок ростом, отличный боксер и владеет всеми видами оружия, включая даже те, которые еще не изобретены. Принцессы выдержаны в современном стиле; их место заняла цивилизованная красотка типа Мэрлин Монро с пышным бюстом и беспредельным декольте.

Ол Кэб и Боб Лабберс — люди, которые создали одну из роскошнейших героинь «комиксов», — написали небольшую исповедь о творческом процессе, в результате которого и появилась эта Лонг Сэм — звезда «комиксов».

«Нам хотелось, — пишут они, — чтобы Лонг Сэм была красивой девчонкой из лесного захолустья, чтоб она была прекраснейшей в мире женщиной, соблазнительной и в то же время невинной. На первых рисунках она была блондинкой и выглядела премиленькой, но еще не удовлетворяла нашим эстетическим представлениям. Мы перевернули челку на ее лбу, и завиток принял сердцевидную форму. Решили также сделать Лонг Сэм прическу, которая называется *конский хвост*, — мы, собственно, сделали ей два конских хвоста. Это помогло, но Лонг Сэм еще не стала Лонг Сэм. Чего-то не хватало. Она была соблазнительна, но слишком кротка. Тогда мы решили сделать ее брюнеткой, слегка перекинули один из *конских хвостов* вперед и немного укоротили его. И правда, черные волосы цвета воронова крыла — вот в чем таился успех! Но все же она была недостаточна ди-

кой. Мы растрепали ей волосы и, так как в ней должно быть что-то демоническое, завернули локоны над лбом наподобие рожек. Это, пожалуй, подходило. Только ее лицо, несмотря на его красоту стало слишком утонченным для нашей Лонг Сэм, той, какую мы задумали. Мы придали ее чертам чуть больше распушенности. И вот наконец родилась Лонг Сэм — детская невинность в теле современной Венеры. Как раз то, чего мы добивались!»

Вот как выглядит Лонг Сэм, принцесса века телевидения.

Герои сказок всегда были немногословны. В сказках никогда многого не болтали, чудеса совершались без пояснений, но всегда поэтично. Правило свершения чудес без пояснений было перенято производством «комиксов». Поэтичность, конечно, не переняли.

Герои их не говорят, диалог в лучшем случае односложен. Это объясняют обычно неприязнью детей к длинным фразам. Атлет и сопровождающая его женщина-вампир говорят на языке, который сыграл уже свою роль в те далекие времена, когда наши предки жили стадами и только еще начинали проявлять свои смутные, но бурные чувства. Перечень основных выражений героев «комиксов» примерно таков:

Арх (кто-либо задушен или душит сам).

Глук-ух (кто-либо тонет и пускает пузыри).

Бумс (удар).

Оу (чувство боли, радости, удивления и ужаса).

И так далее и тому подобное.

Действующие лица, по законам драматургии, — положительные и отрицательные. Личности задушенные, утопленные, забитые насмерть, засеченные плетью, снабжены темной кожей, асимметричной физиономией и различными физическими дефектами. Это главным образом негры, итальянцы, евреи, китайцы, корейцы. Они могут быть также косыми, горбатыми, одноглазыми и ходить на костылях.

Коммунисты стараются выглядеть неприметными и выдают себя лишь фанатичным блеском глаз. Естественно, что люди, настигнутые атлетом и его красоткой, не вызывают сочувствия, и нормальный ребенок с удовлетворением воспринимает их уничтожение. Дети привыкают

к тому, что смерть — явление обычное, она перестает быть событием в человеческой жизни. Но она еще не настолько обыденна, чтобы не возбудить в них любопытства, — это простое любопытство без страха. Ценность человеческой жизни в глазах маленьких читателей «комиксов» сведена к ничтожному минимуму.

Так смещаются границы добра и зла, и в душе маленького человека происходит процесс, последствий которого мы сегодня, пожалуй, еще до конца не понимаем. Ясно одно: человек остается человеком; дети в конце концов не поддадутся этому — в них победит человечность.

Но почти через день в здешних газетах появляются сообщения: четырнадцатилетний (пятнадцатилетний, шестнадцатилетний) преступник совершил убийство. Соседи в ужасе, учителя заявляют:

— Он был как все дети. В нем не было ничего особенного.

Родители сгорают со стыда.

— Он был хороший, — рыдают они, — он никого не обижал!

Преступника спрашивают:

— Зачем ты убил?

— Не знаю, — отвечает тот, — мне хотелось посмотреть, что это такое...

В его душе сместились границы добра и зла, перестали работать тормоза.

А началось все это очень просто: мальчишечьи мечты о геройстве и человеческое желание выделиться. К тому же ежедневно — восемь часов телевидения, школа, «комиксы», улица. И неожиданно из голубоглазого любимца, из милого сына порядочных родителей вылупился убийца, враг с точки зрения общества, сенсация с точки зрения газет, а в сущности — шалопай.

Ничего более, как шалопай.

В «Нью-Йорк геральд трибюн» я обнаружил любопытные статистические данные. Название статьи: «Упадок интереса к чтению книг в Соединенных Штатах».

«Американцы — это нация, — пишет «Нью-Йорк геральд трибюн», — которая не слишком много читает. Двадцать пять процентов всех взрослых американцев прочитывают одну книгу в месяц. Недавнее исследова-

ние Гэллапа¹ показало, что лишь около 39 процентов американцев с высшим образованием читает «немного книг», только 19 процентов людей, окончивших средние школы, и 7 процентов, посещавших начальную школу, иногда заглядывают в книгу».

Это поколение, воспитанное на «комиксах» ценой десять центов за выпуск. Человек привыкает к картинкам, и понемногу у него пропадает охота затруднять себя чтением...

¹ *Институт общественного мнения Гэллапа* — американская организация, периодически производящая опросы среди самых различных слоев населения США с целью выяснить мнение общественности по каким-либо важным вопросам.

ТАЙНА ОТЕЛЯ, ИЛИ ФБР

Сегодня днем у меня пропали брюки от синего костюма. А так как мне по вечерам приходится ходить на приемы, это стало равносильно маленькой личной драме. Не то, чтобы была поставлена под угрозу моя элегантность, — нет, это означало полную невозможность продолжать журналистскую деятельность. Я позвонил горничной Бетти, и она явилась, весьма удивленная: наши отношения не были строго официальными и к звонку я прибегал очень редко.

— Пропали брюки, — сказал я сокрушенно.

— Так, — поразилась она. — Что вы хотите этим сказать?

— Хочу сказать, что у меня пропали брюки.

— Простите, — заявила она, — но, при всем моем уважении к вам, я не представляю, кому здесь могли понадобиться ваши брюки? Вы недооцениваете Америку!

Мы осмотрели шкаф. Брюк не было.

— Um Gottes Willen¹, — воскликнула Бетти, — ведь к вам сюда никто не ходит! Das kommt mir ganz mysteriös vor!²

Потом мы побеседовали: о жизни вообще и о брюках в частности.

— Между прочим, — заметила горничная после минутного размышления, — к вам все еще заходит радиотехник?

Оказалось, что у меня чуть ли не каждый день портится радиоприемник, и ко мне присылают техника. Это было странно: приемник работал отлично и я никого не вызывал.

¹ Боже правый! (нем.)

² Мне это кажется совершенно загадочным! (нем.)

КОГДА ЧЕЛОВЕКУ КАЖЕТСЯ, ЧТО ОН НАЕДИНЕ С СОБОЙ.

Я отправился к толстому управляющему отелем и заявил ему, что у меня исчезли брюки и что ко мне заходит радиотехник безо всякой на то причины.

— Он действительно заходит к вам? — поинтересовался управляющий.

— Говорят, что заходит, — ответил я.

— В таком случае, это возможно, — сказал управляющий. — Об этом поговаривают в отеле?

— Об этом поговаривают во всем Нью-Йорке, — ответил я, и мы отлично поняли друг друга. А что касается брюк, он объяснил мне, что их отель не какой-нибудь низкопробный, что здесь самые дорогие номера во всем городе и что у них жил сам вице-президент Никсон. Здесь могло бы пропасть бриллиантовое кольцо или чековая книжка с чеками *bianco*¹, но уж никак не штаны, да еще из Европы. Мне не следует забывать, что я нахожусь в Соединенных Штатах, вблизи Пятой авеню, и что в этом районе города самый зашудалый воришка имеет гардероб получше, чем, прошу прощения, тот, который мистер сюда привез.

— Вы не обиделись? — спросил он.

— Нет, — ответил я, — но мне хотелось бы получить обратно свои брюки.

— Ладно, — молвил он задумчиво, — вы допускаете, что могли их просто не заметить при поисках?

Я допустил. Ничего иного мне не оставалось.

— Вы обязательно найдете брюки, — повеселев, сказал управляющий. — Будьте покойны и ступайте прогуляйтесь. Через часок возвращайтесь — и наденете свои брюки.

— Вы полагаете? — поинтересовался я.

— Полагаю, — ответил он, и в тоне его прозвучала конфиденциальность.

Ему тоже не нравились загадочные происшествия в столь солидном отеле.

Я прогулялся и вернулся. Брюки висели в шкафу.

— Видите, — неуверенно сказала горничная Бетти, — вот и ваши брюки! *Das ist doch ganz mysteriös!*²

— Вор?

— Нет, дипломатия, — ответила она.

¹ *Bianco* (итал.) — незаполненные банковские чеки с подписью.

² Это совершенно фантастично (нем.)

«И РАЗМНОЖУ ВАС, КАК ПЕСОК НА БРЕГЕ МОРСКОМ . . .»

— Обнаружили карманную водородную бомбу? — спросил я обиженно.

— Не шутите! — запротестовала Бетти. — Международная обстановка так серьезна...

Но в конце концов улыбнулась и заявила, что лично она, Бетти И., горничная, верит мне. Она уже убедилась, что я тоже человек.

МАРСИАНЕ В АМЕРИКЕ, ИЛИ НАУЧНАЯ ФАНТАСТИКА

Днем мы смотрели в захудалом кинематографе на Пятьдесят восьмой улице фантастический фильм: человек с Марса, «летающее блюдце», сеющий смерть робот, полицейские сирены и стрельба без промаха — достаточно наивная, но, несмотря на это, тенденциозная и воздействующая на зрителя чепуха. Человек, сидевший рядом с нами, все время сплевывал на пол остатки жевательной резинки.

В картине, помимо иных, разрешалась и такая проблема: в Вашингтоне приземлился человек с другой планеты с особо важной секретной миссией. На этой планете давно уже отошли в прошлое человеческие страсти, там носят туники из дакрона¹ фирмы «Дюпон де Немур» и слушают нечто вроде «музыки сфер». Узнав, что на Земле взрывают водородные бомбы и что человечество, как сообщил посланец Космоса, зашло в тупик, марсиане выслали на помощь Земле «летающее блюдце» и одного рядового представителя марсианской интеллигенции с помощником-роботом, оснащенным магическим оком. Марсианский интеллигент должен был предостеречь человечество от последствий атомной войны, через которую с большими потерями прошли марсиане еще на низшей ступени своего развития. Он приземлился на «летающем блюдце» на центральной площади Вашингтона. Посол был молод, обладал атлетическим телосложением и стандартной улыбкой джентльменов со страниц журнала «Лук», поднимающих кружки с пивом «Балантайн». Он предложил созвать всемирный конгресс ученых по вопросу о запрещении атомного оружия. Это вызвало подозрение в официальных кругах Вашингтона.

¹ Ткань типа нэйлона.

В драме принимали также участие влюбленная жительница Земли и растрепанный учный, долженствующий напоминать зрителям Альберта Эйнштейна; далее следовал невероятно корректный секретарь президента Соединенных Штатов и ребенок с замашками детектива. Конфликт построен так: робот убивает магическим оком нескольких солдат, охраняющих «летающее блюдо»; это вызывает недовольство в армии; интеллигентный марсианин застрелен в драке на улицах Вашингтона.

Но марсианин бессмертен. Раны, полученные им в уличной схватке, заживают, и ему, окончательно разочаровавшемуся в нашей планете, остается лишь произнести прощальную речь на конгрессе, собравшемся вокруг «летающего блюда». В этом конгрессе принимают участие советские ученые с монгольскими лицами, в косматых папах и маршальских мундирах. Судя по их физиономиям, речь марсианского интеллигента не производит на них никакого впечатления; их лица остаются непроницаемыми и грозными. Марсианин тем временем заканчивает свой монолог и исчезает в межзвездных просторах.

Жительница Земли утешает себя следующим образом:

— С Джо было страшно скучно. Он был помешан на созыве конгресса. Но его сексуальная жизнь так и осталась для меня загадкой.

Вот чем окончилась миссия интеллигентного марсианина на Земле.

Все задумано вполне серьезно, это отнюдь не сатира. Какая-то девушка, которая выходила из кино впереди нас, сказала, обращаясь к подруге:

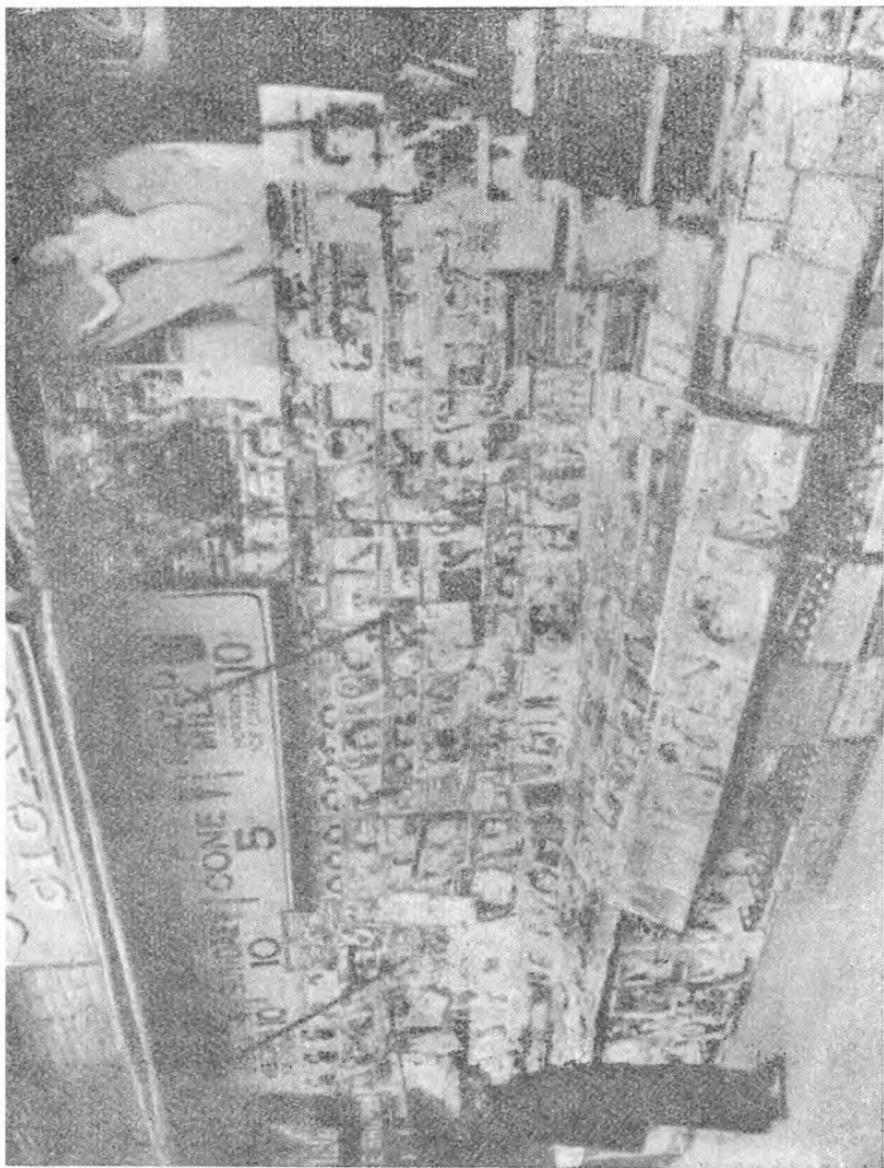
— Ты думаешь, он вернется?

— Конечно, вернется, — отвечала подруга без тени иронии.

В те дни местные газеты отмечали годовщину пресловутого «нападения марсиан на Америку». Это случилось в 1938 году, когда радиоккомпания «Коламбия» передавала постановку Орсона Уэллса «Война миров». Во время репетиции Уэллс спросил у радиотехника его мнение о постановке.

— Весьма посредственная *индианка*¹ — ответил тот.

¹ Так в Америке именуются стандартные приключенческие произведения.

ГАЗЕТЫ И ЖУРНАЛЫ.

— Вы думаете, передача вызовет интерес? — поинтересовался Орсон Уэллс.

— Возможно, — сказал техник, — вы же знаете нашу публику: они, как дети!

Вечером, накануне праздника Всех Святых, передача пошла в эфир. Это была пьеса о нападении марсиан на Америку.

Сначала передавали сводку погоды, потом обычную танцевальную музыку. Внезапно передача была прервана бюллетенем из Вашингтона. Старый опытный актер Говард Смит, комментатор компании «Коламбия», прочел этот бюллетень в своей обычной блестящей манере. Затем он сыграл роль американского пилота, самолет которого преследуют марсиане, потом столь же великолепно перевоплотился в моторизованного полицейского, передающего донесение из Принстона в Нью-Джерси. Во время передачи три раза объявляли, что это — вымышленная история, автор которой — Орсон Уэллс, а главные роли исполняет Говард Смит. Но Америку охватила паника. Тысячи людей вызывали центральную телефонную станцию радиостудии. С Западного побережья звонил Джон Барримор, не появились ли уже марсианские разведчики в Калифорнии, а из Вашингтона раздался отчаянный вопль одного официального учреждения, запрашивающего, куда будут эвакуировать министерства.

— Будете эвакуироваться на Марс! — вскричала издерганная телефонистка. Официальное учреждение на основании такого ответа решило, что и радиостудия «Коламбия бродкастинг компани» уже захвачена марсианами, и вызвало своим сообщением панику в самых высоких сферах. Телефонистка была немедленно уволена.

Радиокментатор продолжал между тем описание внешности агрессора с Марса таким образом:

«Я вижу тело этого существа! Оно огромно, как у медведя, и лоснится, как мокрая кожа. Лицо вообще невозможно описать: рот имеет форму буквы V, губ нет, а изо рта капает слюна; глаза черные, блестящие, как у гадюки».

— Помогите! — раздался затем по радио крик комментатора, и все смолкло.

Орсон Уэллс впоследствии так рассказывал об этих событиях:

ВРАЩАЮЩИЙСЯ «СТОЛЕ СЧАСТЬЯ».

«Особенно испугал радиослушателей официальный тон. Все, что сказано официальным тоном, американец принимает за чистую монету. Посредственный оркестр наигрывает популярный мотивчик, и вдруг музыку прерывает официальное сообщение! Затем выступает актер, подражая голосу президента Рузвельта. И как только этот голос стал призывать граждан сохранять спокойствие, граждане смертельно перепугались».

— Нашлись ли добровольцы, пожелавшие защищать Америку? — был задан вопрос Орсону Уэллсу после его выступления.

— Какое там, — ответил он, — каждый спешил скорее унести ноги и убраться подальше из города.

ОДИНОКИЙ, ТРОНУТЫЙ ТЛЕНИЕМ ЛИСТ

В эти дни над Нью-Йорком пронеслась влажная удуш-ливая волна. Потом откуда-то с побережья налетел ураган, который здесь называют *гезел*; он коснулся города лишь краем своих тяжелых крыльев, и все окончилось высоко взлетавшими вихрями пыли, которые утихомирил и прибил к земле внезапный теплый ливень. Ураган умчался на запад, оставив на память о себе потоки воды, обломки и печаль. Испуганный Нью-Йорк отдыхал. В Сентрал-парк медленно входило красноватое, спокойное, слегка сентиментальное бабье лето. Посыпались багровые листья, в прозрачной мгле ранних вечерних зорь заблестали освещенные окна небоскребов.

Богатые красавицы с Пятой авеню начали кутать своих собачек в теплые попонки. У этих собачек худощавые выбритые тела и тонкие лапы; они удивительно напоминают своих хозяек: те и другие кажутся поразительно неуместными в этой стране предельной целесобразности. Красавицы в самом деле молоды и одеты более чем изысканно, они бледны и трагичны в своей аристократической скуке. Люди напрасно ищут в их жизни какой-то загадочности: они читают абстрактную поэзию, покупают оригиналы картин, холят тело электрическим массажем и придерживаются строгой диеты, ежедневно измеряя объем талии и бюста. Они поддерживают свое существование фруктовыми соками, постными бифштексами и менее постным томлением. И, конечно, деньгами богатых родителей.

Я ежедневно встречал одну из них — черноволосую, стройную и загадочную. Она прогуливалась по каменистым дорожкам, вдоль ровных рядов подстриженного кустарника; маршрут ее прогулки был неизменен, как путь часовых стрелок. Она то и дело нелюбезно обращалась к собачке и, без видимой причины, за что-то пеняла

ей. За что — было ведомо лишь ей и собачке. Она оставалась дважды: у бюста Уильяма Шекспира и у своей скамеечки под нью-йоркским деревом с красивой поредевшей листвой; она неизменно читала «Идиота» Достоевского. Все та же книга и все та же печальная улыбка, которую обращала к доброму князю Мышкину эта красавица, возлюбленная знаменитого баскетболиста, с которым она проводила каждый вечер в баре отеля, здесь же неподалеку.

Было время, когда опадают листья.

Я не решался заговорить с ней, потому что не совсем удобно заговаривать с незнакомыми женщинами на нью-йоркской улице. Но я сел на ту же скамью, и эта роскошная, лишняя девушка из соседнего дома отмечала про себя мое присутствие. Однажды перед ней остановилась рыжая девица с огромными клипсами в розовых ушах; разговор их был интимным.

— Кажется, Сэмми свободен? — сказала девица в клипсах.

Красавица взглянула на своего песика и ответила с драматической интонацией:

— Он знает, что я занята, Сидни!

— Я могу вести себя с ним как мне будет угодно? — спросили клипсы.

— *May be*¹ — недружелюбно ответила черноволосая и с подчеркнутой нежностью прижала к себе собачку.

— Все еще «Идиот»? — недвусмысленно молвила Сидни с клипсами. — Это, очевидно, связано с Сэмми?

— Нет, это связано со мной! — ответила вторая. — Увидишь, меня тоже зарежут огромным ножом, как Настасью Филипповну.

— Для этого Сэмми слишком ничтожен, — ревниво заявила рыжая и вежливо распрощалась.

Они чем-то очень напоминали друг друга, несмотря на то, что выглядели совершенно по-разному.

От отеля «Плаза» курсируют старые фиакры — память о викторианском Нью-Йорке. Здесь, в Сентрал-парке, — озеро, зелень и темный солнечный свет меж деревьев.

На скамье лежит одинокий, тронутый тлением лист.

¹ Может быть (англ.).

В полдень она ушла домой, оставив после себя аромат миндаля и джина.

Ей девятнадцать лет, а может быть, еще меньше; она слишком умна, чтобы читать «комиксы», слишком цинична, чтобы ее мог возратить к жизни проповедник Билли Грэхэм, у нее слишком хороший вкус, чтобы ей хотелось выйти замуж за европейского маркиза.

Вот она и томится в Сентрал-парке, неподалеку от дома своих родителей.

Здесь — тихо,

СТАЧКА НА ПЯТОЙ АВЕНЮ. КЛАССОВО-СОЗНАТЕЛЬНЫЙ КАПИТАЛИСТ И РАСТОПТАННАЯ ВИЗИТНАЯ КАРТОЧКА

На Пятой авеню, неподалеку от отеля, сегодня ба-
стывали служащие «Дома шелковых изделий» Бар-
тона. Витрины сияли фиолетовым светом, излюбленным
цветом бартоновского дамского белья. В витринах
стояли манекены, немного комичные в своих голубых,
розовых и белых сорочках из дакрона. И их улыбки в
сравнении с улыбками женщин, останавливающихся пе-
ред витриной, совсем не казались искусственными. Это
была в совершенстве воспроизведенная улыбка чело-
века из приличного общества, стильная улыбка мане-
кенш, актеров, духовных пастырей и кандидатов на
выборах; улыбка не без сарказма, одобренная малой
толикой национального оптимизма.

Перед магазином прохаживался долговязый муж-
чина в пенсне: с него, словно ризы, свисали спереди и
сзади два больших плаката с надписью:

*БАРТОН НЕСПРАВЕДЛИВ!
ИЗБЕГАЙТЕ ЕГО МАГАЗИН!*

Тощий человек в пенсне был явно недоволен уча-
стью, которая выпала на его долю по его же собствен-
ной неосторожности. Скорее всего он взялся за такое
дело лишь из чувства солидарности с коллегами по ра-
боте. Человек этот производил впечатление хорошо опла-
чиваемого служащего, скорее всего он был бухгалте-
ром. Мимо него текла надушенная эlegantная толпа,
характерная для Пятой авеню, и этот забастовщик про-
тив воли обращался к ней не только текстом плакатов;
он провозглашал сиплым неуверенным голосом:

— Избегайте, пожалуйста, этот магазин. Mister Barton is unfair¹. Воротник его пальто был поднят, и он старался поглубже упрятать в него лицо. Перед пикетчиком остановилась дама, одетая с причудливой элегантностью, покачала хорошенькой в американском стиле головкой и сказала укоризненно:

— That's you, mister Schnitzer?²

— О, я к вашим услугам,— смутился бедняга Шнитцер.

Шикарная дама удалилась, не взглянув больше на него и обдав незадачливого забастовщика облаком крепкого аромата сирени. Мистер Шнитцер почувствовал себя уничтоженным. Он стал выкрикивать свой лозунг реже, внимательно всматриваясь в прохожих. Вскоре появилось подкрепление: смуглый продавец явно итальянского происхождения, обладатель звучного голоса. Он хлопнул несчастного Шнитцера по спине и очень громко, не без иронии похвалил его.

— Мистер Шнитцер, а вы здорово квакали,— воскликнул он,— эх вы, старая облинявшая шкура!

— Я уже могу уйти? — с надеждой в голосе спросил мистер Шнитцер.

— Бог с вами, — отвечал итальянец, — ступайте домой, старый революционер!

И голосом, который потряс Пятую авеню, загремел:

— Не покупайте у Бартона, Бартон мошенник!

Это была цельная натура, не то что раздраемый сомнениями мистер Шнитцер.

В маленькой драме на Пятой авеню принимал участие и третий, в силу каких-то обстоятельств скрытый и безмолвный актер. Это был румяный господин, чья физиономия, словно зеркало, отражала все, что творилось в его, как видно самодовольной, душе. Казалось, что румяному господину каждый выкрик темпераментного итальянца причиняет страдание: на его лице последовательно отразились ужас, гнев и в конце концов решимость. Итальянец тем временем перешел к более эффективному методу борьбы против несправедливого мистера Бартона и запел нечто, звучавшее примерно так:

¹ Мистер Бартон несправедлив (англ.).

² Это вы, мистер Шнитцер? (англ.).

Бартон нарушил договор!
Постой, ты пожалеешь, вор!
Сохни, сохни за прилавком
Одинокий в пустой лавке.

Это был фольклор, импровизация от души, и человек с более поэтичной натурой, чем румяный господин, нашел бы в этой песне какую-то прелесть. Но румяный человек напоминал скорее кипящий самовар, готовый вот-вот взорваться. Он, видимо, не любил бранных слов, и пристрастие итальянца к столь шумным проявлениям чувств было ему отвратительно. Он вошел в магазин, провожаемый неаполитанскими ругательствами, долго не возвращался, а затем вышел с большой белой коробкой в руках — очевидно, с дамским бельем.

Сперва румяный господин сделал попытку проскользнуть незамеченным мимо разъяренного продавца, но потом в нем выиграла классовая гордость и он надулся, как индюк.

Итальянец остолбенел.

Однако южный темперамент взял верх, и он со страшной горечью обратился к румянному господину:

— Thank you, thank you!¹

Румяный господин сделал вид, что не слышит.

— Главное в жизни — это дамское белье, не так ли? — вскричал итальянец. — А что кое-кому надо кормить семью, это вам безразлично?

— Да, это мне безразлично, — ответил розоволикий, — мне тоже никто ничего даром не дает!

— Верните это белье, — попросил итальянец, — и скажите, что придете за ним завтра!

— Я специально покупал сегодня, — ответил розовощекий человек, — чтобы продемонстрировать мистеру Бартону свою солидарность. У меня тоже магазин дамского белья.

И удалился без дальнейших объяснений.

Только оставил итальянцу визитную карточку с адресом своей фирмы. Не для того, конечно, чтобы ему послали секундантов. Скорее по привычке рекомендовать свой магазин при любых обстоятельствах. Итальянец еще долго и яростно топтал ногами белую визитную карточку.

¹ Вот спасибо, так спасибо! (англ.)

КОГДА НА НАС НАПАДУТ...

Старший сын Брайана Павел, который учится в первом классе, вернувшись из школы домой, спросил:

— Мамочка, а мы не можем уехать туда, где совсем нет неба?

— Как так? — удивилась Божка. — Небо есть везде!

— Очень жаль, — огорчился Павел, — а может быть, ты просто не знаешь? Ведь ты и пишешь с ошибками...

Втайне он лелеял надежду, что есть все-таки где-то такая страна, над которой нет неба, что они уедут туда на автомобиле с папочкой Брайаном, мамочкой Божкой и братишкой Дэйвом. Вчера в школе Павла учили приемам противоатомной защиты; он прятался под парту и воображал, что он солдат в окопах. К тому же ревела сирена и игра была жестоко похожа на правду. Одним детям она нравилась, другим — нет, а впрочем, лучше такая игра, чем урок арифметики. Павел очень любил разные тревоги, каски, походные фляги, но на этот раз ему было как-то не по себе под партой и он сказал Мэрлин, девочке, с которой обычно сидел рядом:

— Лин, если во время этого налета я погибну, похороните меня с воинскими почестями.

— Хорошо, — ответила Лин, — а что это такое: «с воинскими почестями»?

— А это когда на кладбище приходит оркестр.

— Да что ты, глупенький, — возразила девочка, — ведь и оркестр тоже умрет!

Больше они уже не разговаривали, а только боялись.

Дома Павел рассказал обо всем этом Божке, и ему пришла в голову мысль, что они могли бы уехать туда, где нет никакого неба. Наверное, мальчика мучают страшные сны, и обычное голубое детское небо, где всходить бы и закатываться солнцу, сиять звездам да плавать добродушному милому месяцу из сказок,

ПРОБЛЕМА ДЛЯ ПЕДАГОГОВ — ЛИСТЬЯ ТРАВЫ.

ДЕВОЧКА С КОРОБКОЙ ИЗ-ПОД ШОКОЛАДА.

превращается в пламенный, удушливый кошмар, несущий гибель.

— Мама! — кричит по ночам ребенок. — Божка!

— Спи, — успокаивает его Божка, — тебе опять что-нибудь приснилось?

Но Павел не может уснуть. Он вспоминает противо-
атомные занятия в школе, вспоминает слова учитель-
ницы, что лучше всего носить белый костюмчик, потому
что белый цвет отражает радиоактивные излучения, что
хорошо также обернуть голову газетной бумагой или
засунуть ее в глину и тогда, мол, все будет «о кэй».

— Ну и ладно, — размышляет Павел, когда его
сердечко начинает биться спокойнее, — у нас дома тоже
есть убежище. Не забыть бы только шарики для игры
в лунки!

И он спокойно спит дальше, до самого утра.

А утром он говорит отцу:

— Брайан, это хорошо, что ты каждый день поку-
паешь газеты: когда на нас нападут, будет по крайней
мере чем обернуть голову!

БЕРЕЗЫ

На одном из аристократических перекрестков Парк-авеню продает газеты Джоэл Купферберг, человек со странным характером, тщедушным телом и большой головой, который, как выяснилось, родился в конце прошлого столетия где-то в Литве. Его киоск весьма обычен и ничем не выделяется, он затерян на этой элегантной улице среди каменных домов, так же как и сам Джоэл Купферберг, человек, который не стремится выделиться. Он словно плывет в своем киоске-ковчеге, и его уже ничто не волнует, лишь бы плавание протекало спокойно. Джоэл Купферберг, как и всякий американец, мог бы стать миллионером. И никто не знает, почему он не стал им. О своей жизни тех времен, когда на это еще была надежда, он рассказывает каждый раз по-новому. Вероятно потому, что прочитывает множество газет; и мне иногда казалось, что газетные истории переплелись у него в голове с фактами его собственной жизни. Это случается, впрочем, со многими американцами.

Наш первый разговор выглядел примерно так:

— Что вы такое? — спросил мистер Купферберг.

— Как я должен вас понимать? — откровенно не понял я.

— Я спрашиваю, откуда вы приехали? — сказал он.

— Из Праги.

— Красный?

— Yes.

Он заявил, что «Дейли уоркер» у него не бывает. Я ответил, что буду покупать «Нью-Йорк гералд (трибюн)». Пожалуйста, в любое время! «Мэссис энд мейнстрим» у него тоже не бывает. Он может рекомендовать «Юнайтед Стейтс ньюс энд Уорлд рипорт». Это солидный журнал на отличной бумаге, в каждом номере помещается

беседа с выдающейся личностью, а иногда — с особо выдающейся... Зачем я здесь... Ах, да, как же... Объединенные Нации. Мистер Купферберг заходил туда посмотреть. Великолепное здание, Вышинский, молодой Кэббот Лодж, высокий класс, — каждому американцу это стоить десять центов в год. А что толку, мистер?

Потом он спросил:

— Вы, конечно, знаете, где Вильно?

Я ответил утвердительно.

— А вы не знаете, почему теперь он называется Вильнюс?

— Вероятно, по-литовски, — ответил я.

— По-литовски, по-литовски, — проворчал мистер Купферберг, — почему вдруг по-литовски? Вильно есть Вильно и всегда был Вильно. Но достаточно прийти красным — и нет Вильно!

— Это древний литовский город, — сказал я.

— А я разве литовец? — возразил мистер Купферберг. — Поглядите на меня хорошенько. Я — литовец?

Это был аргумент, против которого нечего было возразить. Затем он спросил, знаю ли я Россию. Я ответил, что знаю.

— А в Вильно вы были?

— Не был.

— Там еще ездят на тройках?

— В Вильно?

— Нет, в России.

Я ответил, что на тройках ездят. Мне даже удалось убедить мистера Купферберга в этом. И он даже вспомнил старую песню о ямщике, который умирал в степи.

— Когда мне было пять лет, — сказал мистер Купферберг, — графиня Воронина прокатила меня на тройке; везде был снег и снег, вдоль дороги стояли полузасыпанные снегом березы. Мне в Нью-Йорке больше всего не нравится то, что здесь не растут березы.

Я возразил: вероятно, все-таки растут...

— Может быть, и растут, — допустил мистер Купферберг, — но у кого в Нью-Йорке есть время искать березы?

ОРАНЖЕРЕЯ

В огромном застекленном, словно оранжерея, здании Объединенных Наций поддерживается ровная, умеренная температура. Здесь работает мощная установка для кондиционирования воздуха. Задумчивые административные служащие в предчувствии близящейся зимней спячки (сессия Ассамблеи скоро закончится) поглядывают на реку Ист-Ривер, на небольшие парходики, на желтоватую воду. Этот маленький импровизированный мир с шумными кулуарами, честолюбивыми ораторами, швейцарами, полными достоинства, и великолепными, быстроходными лифтами производит впечатление скорее крупной американской фирмы, где все страшно томятся, сами не зная почему.

Мне рассказывали историю о даре Рокфеллера, связанную с этим зданием: земельные участки на Первой авеню и старые дома на них принадлежали Рокфеллеру, и он решил один из своих участков подарить Организации Объединенных Наций. Это была щедрость особого финансового сорта: Рокфеллерам принадлежало на Первой авеню много земельных участков, и после подписания дарственного акта их цена в одну ночь резко подскочила вверх. Таким образом Рокфеллер сам себе сделал подарок. Говорили, что это не спекуляция: мистер Рокфеллер де искренне сожалеет, что ему не удалось одарить Организацию Объединенных Наций, не нажившись на этом. Говорили также, что дело заключается в самом характере капитала: мистер Рокфеллер уже не в состоянии сделать ничего, что так или иначе, сейчас или позже, не принесло бы ему прибыли.

Ну что ж, пусть будет так!

В конце концов здание построено и, конечно, через сотню лет никто не вспомнит об этом событии неприязненно, включая потомков мистера Рокфеллера. Они

охотно забудут о коммерческих начинаниях своего пращура, заработавшего первые доллары на поставках негодного оружия армии северян. В перспективе веков сам факт того, что из этих ружей нельзя было стрелять, может приобрести совершенно иную окраску.

Как уже было сказано, в здании ООН свой собственный воздух, — химически чистый, но искусственный. Это климат ни морской, ни континентальный и вообще это не земная атмосфера. Это атмосфера политическая. Опасаюсь, что она не пригодна для человеческого организма.

Эта, если можно так сказать, оранжерея оборудована лишь для определенных разновидностей растительного мира. Тут отлично чувствуют себя орхидеи, но подснежники погибают.

В последнее время здесь много толкуют о совести. Ходят разные осрамившиеся делегаты и очень тонко и двусмысленно намекают, что мистер Х. У. слишком самоуверен, что он в конце концов всего лишь молодой человек, делающий свою политику чересчур откровенно. Это в общем интересный народ. Они слушают советского делегата с неподдельным интересом, им все в нем нравится: и его седая голова, и его реплики, и, наконец, его юридическое образование. Но они голосуют против его предложений. Вопрос голосования нельзя смешивать со взглядами. Взгляды — взглядами, это мое личное дело. Мои мысли тоже принадлежат мне. Это тоже мое личное дело. Но моя рука принадлежит моему государству, она получает жалованье, она и голосует.

Здесь достаточно людей, которые голосуют против своей точки зрения. Точка зрения не ограничивается лишь Объединенными Нациями и Соединенными Штатами.

А в то время, когда заседают комитеты, в барах ведутся приглушенные разговоры. Здесь сидят знатоки и статисты, любопытные и журналисты и уже упоминавшиеся загадочные дамы; они сбивают свой особый, кулуарный коктейль из джина, черного кофе, сплетен, сообщений из достоверных источников и минеральной воды из источников сомнительных.

— Что-нибудь происходит? — спрашивает один.

— Ничего, — отвечают другие.

— Кто говорит?

- Белаунде.
- Ну, бог в помощь.
- Куба не выступает?
- Почему должна выступать Куба?
- Мне очень нравится эта дама!
- Из Четвертого комитета?
- Из Четвертого комитета!
- Хороша!
- Наоборот, слишком хороша.
- Что вы скажете о ситуации?
- О какой ситуации?
- О политической.
- Я или моя газета?
- Вы, конечно!
- Не переходите, пожалуйста, на личности!
- Давайте выпьем.
- Ваше здоровье!

Все это сдобрено толикой едкого цинизма.

Но вечером, когда окна этого громадного здания на Ист-Ривер бросают свет в нью-йоркскую ночь, человек, проходящий по Первой авеню, останавливается и поднимает голову. И кажется ему, что он не так уж далеко от своего дома и что библейская кончина все-таки минует этот современный Вавилон.

ПЕС ПОМПЕЙ И ДИТЯ ФОРТУНЫ

Собачонка была старая и безобразная — коротконогая угрюмая китайская болонка. Одета она весьма экстравагантно — в зеленую замшевую попонку. Ее представил нам мистер Купферберг, наш поставщик газет, владелец киоска на углу Пятьдесят седьмой улицы и Парк-авеню.

— Это Помпей, — заявил мистер Купферберг, — самый достопримечательный пес на Манхеттене.

На этот раз на серьезном лице Купферберга сквозила ирония, он напоминал Бестера Китона¹.

Пса привела старая негритянка. Она ответила на экспансивное восклицание мистера Купферберга усталой и понимающей улыбкой и попросила его не насмехаться над Помпеем. Пусть, пожалуйста, он не делает этого.

— Я ни над кем не насмехаюсь, — отвечал мистер Купферберг, — по крайней мере не над своими покупателями.

Он продал женщине вечернюю газету и какой-то кинологический журнал² с большой собачьей головой на обложке.

— У этой негритянки, — сказал он, когда покупательница ушла, — привилегированное положение, с вашего разрешения. Она — дитя фортуны. Представьте себе, живет на Парк-авеню, тут за углом! Но что будет, когда умрет Помпей?

— Когда умрет Помпей?..

— Да, — продолжал мистер Купферберг, продавец

¹ *Бестер Китон* — популярный в Америке в двадцатые годы комический киноактер.

² *Кинология* — наука о собаках, изучающая породы и происхождение домашних собак, их дрессировку и другие вопросы, связанные с собаководством.

газет, — да, эта слезливая косматая тварь, с вашего разрешения.

В нас заговорило любопытство, и нам захотелось узнать о судьбе Джесси Т., дочери фортуны.

Есть в Нью-Йорке негры богатые и негры бедные. Есть негры, которые ездят в собственных кадиллаках, и негры, собирающие объедки в урнах. Нельзя сказать, что участь всех негров в Нью-Йорке одинакова. Есть негры, которые осмеливаются любить белых женщин, негры, выставляющие свои кандидатуры в городское самоуправление, и негры — профессора университетов. Разные бывают негры, с вашего разрешения.

И лишь в одном судьба их совершенно одинакова: никому из них никогда еще не удавалось снять квартиру на Парк-авеню или между Тридцатой и Девяностой улицами. Это молчаливый, нигде не зафиксированный сговор между владельцами недвижимости. Владельцы недвижимости тоже не все одинаковы: среди них есть люди различных взглядов (один из них даже подписывается на коммунистическую газету). Но они солидарны в одном: Парк-авеню — улица слишком чистая (на ней даже цветут деревья). Непосвященные уверены, что в этом мире чистогана за доллары можно получить все. Да, все, но не квартиру для чернокожего на Парк-авеню. Только не это. Это полностью исключено. Здесь проходит граница *бизнеса*.

Вот почему можно говорить о необыкновенном счастье черной женщины Джесси Т., с которой во всем остальном жизнь обходилась не слишком-то ласково. Лишь на склоне лет, случайно — здесь сыграла роль и протекция — на ее долю выпал счастливый номер: Джесси Т. переехала из Гарлема в один из домов на великолепной Парк-авеню. В этом доме мраморные лестницы, а фасад украшен фресками. Джесси Т. — женщина исключительных талантов в области ухода за собаками и обладательница отличных рекомендательных писем, полученных в лучших семьях. Здесь, на Парк-авеню, она стала компаньонкой собачонки пекинской породы по имени Помпей, которая принадлежит вдове бизнесмена миссис Элеоноре Ван Доорен.

Обязанности дочери фортуны — Джесси Т. определены ее профессией: по утрам она покупает печенку и тушит ее с рисом. Кроме того, каждое утро она промывает

Помпею глаза опталом, чтобы пес мог предстать перед миссис Ван Доорен свежим и бодрым. Миссис Ван Доорен угощает пса конфетами и называет *«ненаглядным душечкой»*. Она женщина одинокая, с чувствительным сердцем, и Помпей для нее дороже всего на свете.

В тот час, который миссис Ван Доорен посвящает Помпею, Джесси Т. может заняться самообразованием. Ей предложено читать кинологические журналы. Вот почему в ее историю оказался замешанным и продавец газет Купферберг.

Около полудня Джесси Т. обычно выводит Помпея прогуляться по Парк-авеню. В последнее время она с тревогой замечает зловещую безучастность своего подопечного, который равнодушно обходит самые прекрасные фонари и не обращает внимания на обольстительнейших сук. Джесси Т., эта опытная воспитательница собак, вынуждена была призадуматься над близящейся кончиной Помпея. А так как она стара и одинока, то ее охватывает страх. По вечерам она опять приходит к мистеру Купфербергу, мудрому продавцу газет, купить «Дейли ньюс» и услышать участливое слово. Однако в это время мистер Купферберг бывает очень занят, и она терпеливо ожидает, когда же он по обыновению спросит ее:

— Как поживает мистер пес Помпей?

— Вам не следовало бы смеяться над Помпеем, — отвечает Джесси Т. — Может быть, он издохнет скорее, чем вы ожидаете.

— Возможно, may be, — вздыхает мистер Купферберг, продолжая заниматься своим делом. Потом он спрашивает, не собирается ли миссис Ван Доорен завести себе еще какую-нибудь тварь.

— Это невозможно, мистер Купферберг! — отвечает расстроенная Джесси Т. — Миссис Ван Доорен слишком любит Помпея, чтобы его смогла заменить другая собака!..

И уходит с тяжелым предчувствием в душе. Как-то раз деловитый мистер Купферберг заявил:

— Собаки этой породы так похожи друг на друга, что если вы приведете миссис Ван Доорен собачонку помоложе, она не заметит подмены. Вы даже можете сослаться на статью Дж. Геловея *«Как улучшить характер вашей собаки»*.

— Вы считаете, что миссис Ван Доорен так глупа? — спросила наивно Джесси Т.

— Нет, она просто жаждет вечной любви, — уклонился от прямого ответа мистер Купферберг.

С тех пор Джесси Т. безмятежно любит милую ее сердцу Парк-авеню.

Она больше не боится возвращения в Гарлем.

Пес Помпей обрел в некотором роде бессмертие.

НЕНАПИСАННЫЙ БЛЮЗ О BALLROOM ¹

В «Савое», в Гарлеме, только танцуют. Это *болрум*, здесь играют два джаза и негры чувствуют себя, словно в раю. Рай по билетам, где ангелы черные, — царство бога джаза.

Пока не начались танцы, «Савой» — это весьма обыденное заведение. *Болрум* как *болрум*: давно не мытые столики, посредственное пиво, медлительные официанты и высокие цены. У столиков сидят элегантные негры, их манеры напоминают давнишних посетителей «Мещанской беседы»². У этих негров достаточно средств не только на входную плату в «Савой», но и на кутежи; они дают понять это сдержанно и изысканно.

Но вот раздается дробь барабана и по залу проносится искра, одна, другая, третья — сонм обжигающих искр. Все горят нетерпением; никто не притворяется равнодушным: в «Савое» будут танцевать! В «Савое» будут плясать, yes, sir!

И сразу же за деревянным барьерчиком в центре огромного зала возникает живая, искрящаяся, колышущаяся радуга, нечто такое, что не удастся увидеть никому, кто не побывал в «Савое» и не сидел у немытого столика. Это танец танцев, простой, нежный, дякий, сладостный...

Я никогда еще не видел такого множества людей, собравшихся вместе, которые веселились бы так искренне и с такой непосредственностью, словно «Савой» — это самостоятельный розовый мирок, существующий вне Нью-Йорка, вне его будничных, невеселых забот. Словно все печали остались на бесконечных улицах Гарлема, в его черных домах с белыми хозяевами и пожарными

¹ Танцевальный зал (*англ.*).

² Название старинного ресторана в Праге.

лестницами, покрытыми ржавчиной. Такие ступени не сулят восхождения — не далеко пойдет человек, если жизнь не подставит ему лестницы побогаче. В «Савое» веселятся; будто черная кожа в Америке ничего дурного не предвещает, будто человек, имеющий лаковые штиблеты, имеет также и перспективы в жизни.

Ах, эти юбки, пурпурные, синие, кремовые, изумрудные и золотистые — орхидеи, васильки и маки! Розы и мимозы!

А круглая лоснящаяся физиономия над барабаном, черная луна *болрума*, плывущая в облаках джаза! Лица без тени сомнений, открытые, счастливые лица; забывшая обо всем на свете, легкомысленная, наиочеловечнейшая радость гарлемская!

Отплясывайте, длинные ноги, сегодня суббота!

И вдруг хриплый старый голос выкрикивает имя миссис Мортимер. Миссис Лилиан Мортимер, проживающую на Восьмой авеню, неподалеку от Сто тридцать первой улицы, просят поскорее бросить веселье и спешить домой. Дом на Восьмой авеню горит.

Никто не обратил внимания, ушла ли миссис Мортимер. Танцы продолжают, пожар в Гарлеме — обычное явление. В Гарлеме бывает много пожаров. Это квартал, пожираемый огнем. Люди выскакивают из объятых пламенем окон прямо на мостовую. Репортеры не спешат к месту происшествия, все подробности сообщаются по телефону; пожар в Гарлеме не сенсация. Элегантные танцоры в лакированных штиблетах и продавицы, одетые в пурпур, живут в высоких домах с настолько узкими лестницами, что в случае опасности невозможно спастись. Они американцы, некоторые из них даже имеют холодильники и жарят свои бифштексы на электрических вертелах, но дома в Гарлеме, где они живут, — старые-старые, скверные, грязные дома, словно восставшие из романов Диккенса. Такой дом запыляет, как костер, не нужно и спички.

А миссис Мортимер уже ушла? Никто ее не видел, — какая на ней была юбка? Кто оставался дома на Восьмой авеню? Ради бога, миссис Мортимер...

Из-за одного пожара в этом мире не прекратят танца. Так мы и живем: на какой-то Восьмой авеню кто-то выбрасывается из горящего дома, в каком-то «Савое» продолжают танцевать...

ГОСПОДЬ БОГ, КОТОРЫЙ ПОСОЛИЛ СУП

После полуночи мы вышли на гарлемские улицы. Небо было светлым, без звезд. Сполохи неона здесь тусклее, лимузины потрепаннее. А в остальном это тот же Нью-Йорк, только еще более мрачный.

На улице, сбоку, перед маленькой лавчонкой граммофонных пластинок, открытой для запоздалых покупателей, заводи́ли одну и ту же охрипшую пластинку-боевик, из тех, что могут взволновать город на один месяц. Вскоре на смену ей приходит другая — песни здесь умирают быстро. Но каждая песня сопровождает кого-нибудь всю его жизнь, — эта сторона организованной продажи чувств достойна умиления.

Мы купили пластинку; старая женщина вместе с пластинкой, но уже даром, предложила нам газету, которую выпускает негритянский Бог-отец в Чикаго — бывший методистский священник. Он с успехом выдает себя за бога и назначает земных ангелов и архангелов. Господу-богу принадлежит несколько отелей и загородных коттеджей. Это, так сказать, филиалырая на земле, обставленные с комфортом недорогих американских отелей. Приглашенные сюда ангелы и архангелы вкушают утонченные яства и напитки; в коттеджах — безукоризненная прислуга, а Господь-бог, который, хотя и не всемогущ и в божественном теле имеет всего лишь человеческую душу, ведет с ними интимные беседы. Он угощает ангелов сладостями, архангелов — сигаретами. И, так как эти люди видели на грешной земле мало хорошего, они встречают столь тонкое обхождение с величайшим почтением — Господь-бог остается для них Господом-богом во всех своих проявлениях, а рай в коттедже почитается за истинный рай на земле.

Кроме того, он — единственный бог, издающий газету. Он не любит, чтобы верующие объединялись в по-

литические организации или профсоюзы. В этом вопросе негритянский бог не терпит компромиссов, как, собственно, и остальные его коллеги любого вероисповедания. Бог сам раздает счастье — к чему платить членские взносы?

— Он посолил мой суп, — умилялась старая женщина из лавчонки с граммофонными пластинками. — Сам пришел и посолил собственной рукой. Суп недосолен, говорит, как это можно, чтобы суп был недосолен?

Она, слава тебе господи, два раза побывала в земном раю, и это воспоминание никогда не сотрется из ее памяти.

— Господа над тобой смеются, Бесси, — воскликнула вторая женщина, — не рассказывай им об этом!

— Я говорю только, что он посолил мой суп, — отвечала Бесси, — я и сама знаю, о чем можно говорить с такими господами. И все-таки это было очень мило с его стороны, ведь он все-таки Господь-бог!

БЛЮЗ О ЛОМБАРДЕ

Неподалеку от нас находится ночной ломбард. Там за богатой мраморной стойкой сидел рыжий человек с бледной кожей; он дремал. Каждую минуту пробуждался и снова принимался клевать носом.

Пришел клиент — тот был черным. Он принес маленький, вероятно старинный, серебряный кувшинчик неопределенного назначения и положил его на мраморную доску стола, перед рыжим мужчиной. Рыжий с некоторой брезгливостью приподнял кувшинчик, повертел его в пальцах и молча вернул. Их разговор был неслышен. Негр что-то сказал, белый ответил — все это происходило за стеклом витрины. Не надо было ни о чем догадываться — это был ломбард, а разговоры во всех ломбардах мира имеют одинаковую тональность и одинаковое содержание.

Посетитель вышел, а мужчина начал бриться новейшей электрической бритвой фирмы «Ремингтон» с четырьмя лезвиями. Это была единственная в ломбарде деталь, напоминавшая нам, что сейчас по календарю 1954 год.

Черный посетитель еще минутку постоял перед ломбардом, заметил нас и улыбнулся легкомысленной и приветливой улыбкой.

— Придет поезд, — сказал он, — каждый, кто захочет влезть, влезет... Этот поезд поедет в рай, но рыжих оставят в ломбардах.

— Э, парни, — добавил он, — мне очень жаль его! Потому что вдоль пути разрастется зеленая листва. Кто захочет — может срывать. Но рыжих в этом поезде не будет.

Человечек за окном все еще брился. Негр с кувшинчиком отошел, еще раз улыбнулся нам издали ослепительной улыбкой и крикнул:

РОЖДЕСТВЕНСКИЙ НАТЮРМОРТ СО ШЛЯПОЙ.

— А на деревьях будут апельсины и фиги, голодные смогут насытиться...

Бритва «ремингтон» сделала свое дело; рыжий лениво посмотрел на пустой стол и задремал. Его витрина освещала кусок улицы — это был единственный сильный источник света на темной Сайд-стрит.

МОЛИТВА

(Из негритянской газеты в Гарлеме)

Ради моего народа, который без устали поет свои песни рабства; элегии и песенки, и блюзы, и торжественные песни; моего народа, который молится по ночам неведомому богу и покорно преклоняет колени перед незримой силой;

Ради моего народа, у которого годы минувшие, настоящие и те, что наступят, уносят силы; ради моего народа, который стирает, гладит, варит, чистит, шьет, чинит, окапывает, пашет, сеет, возвращает, латает, влачит жалкое существование и нигде ничего не получает, нигде не снимает урожая, ни о чем не догадывается и ничего не понимает;

Ради моих друзей, которые играли со мной в грязи, в пыли и песке запущенных дворишков Алабамы в крест и проповедь, доктора и тюрьму, в солдат и школу, маму и кухню, в театр и концерт, в лавку и мисс Чумби, в парикмахера и людей из общества;

Ради диких, лихорадочных лет учебы в школе, когда мы еще только познавали азы, учились отвечать на вопрос «почему?», узнавали, как зовут людей, которые... отвечали, где находится такой-то город и когда произошло такое-то событие; ради воспоминаний о тех горьких часах, когда мы начали убеждать, что мы малы, черны, сиры, что мы не такие, как все, и никто этому не удивился и никто не понял смысла этого;

Ради юношей и девушек, которые наперекор всему вырастут, станут мужчинами и женщинами, чтобы смеяться, танцевать и петь, испить свое вино, познать свою религию и свои успехи, супружеством продолжить свои игры, чтоб воспитать детей, а потом жалко погибнуть от чахотки, малокровия, линчевания;

Ради моего народа, что так густо населяет Сорок седьмую улицу в Чикаго, Леннокс-авеню в Нью-Йорке и Рэмпорт-стрит в Новом Орлеане; народа погибшего, гонимого, обездоленного, но все-таки *счастливого* народа, заполнившего кабаре, пивные, танцплощадки, которые принадлежат другим; народа, страдающего от недостатка хлеба и обуви, молока, земли и денег и того — того, что принадлежит нам всем вместе;

Ради моего народа, который, словно слепой, тычется из стороны в сторону, распространяя вокруг себя радость, спит, когда ленится, сетует, когда голоден, пьет, когда утомлен, когда потерял надежду, связан и закован в кандалы, доведен до отчаяния невидимыми существами, которые, словно всевидящее око, с издевкой следят за ним;

Ради моего народа, бредущего на ощупь, который неуклюже топчется во мраке церквей и школ, клубов, обществ и советов, комитетов и компаний, — скорбный, измученный, обманутый, обескровленный упырями, жаждущими денег и славы, — легкая добыча государственной власти, страстей, моды, фальшивых пророков и святых верующих;

Ради моего народа, который стоит, как зачарованный, и смотрит, пытаясь найти выход из хаоса, лицемерия и недоразумений, который пытается создать мир для всех народов, всех рас, всех Адамов и Ев и их многочисленных потомков, —

Да подымется новая земля, да грядет новый свет, да будет мир, омытый кровью, вписан в небеса, да встанет новое смелое поколение, да придет свободолюбивый народ. Пусть исцеляющая красота, всепобеждающая сила кипит в наших душах, в нашей крови.

ДИКТОФОН

Отрывок из телевизионной передачи, которую вчера организовали представители Американской рабочей партии, выдвинувшие своих кандидатов на пост губернатора и вице-губернатора штата Нью-Йорк.

Передача посвящена школьным проблемам.

К. М. — кандидатка на пост вице-губернатора:

Я попытаюсь пролить некоторый свет на вопрос о преступности среди молодежи — для родителей, которые сейчас слушают меня. Взрослые напуганы. В каждой шумной компании юношей и девушек они видят преступников. Причин для этого вполне достаточно. Но я хотела бы вместо предисловия напомнить элементарную истину: ни один ребенок не рождается преступником; дети сначала вступают в мир взрослых — мир матерей, отцов, тетюшек и дядюшек, учителей и полицейских, торговцев и пасторов, а позже — в мир политики. Если дети ведут себя враждебно в отношении взрослых, то в этом повинны лишь сами взрослые, вызвавшие в них такие чувства.

Есть здесь и еще одно обстоятельство: мы охотно сваливаем свои собственные грехи на детей. Много говорится о преступности среди детей, а преступность в среде взрослых считается фактом само собой разумеющимся. Дети — это тоже люди, а человек — удивительное существо: он не хочет быть затоптанным в грязь; пусть он даже мал, он уже мыслит, как человек! Каждый честный ученый-социолог, каждая церковь, которая работает в местах, где людям плохо живется, каждый отец и каждая мать знают, как бунтуют дети против тесной квартиры, против плохой и скудной пищи, против

скверной школы, против дурных родителей. Этот бунт ведет к преступлению.

Здесь кончаются все отговорки и начинается прямая человеческая ответственность отцов и матерей.

Много говорилось о возвращении к авторитарным методам в школах, о необходимости телесных наказаний, о насилии как о выходе из положения.

Детей же никто ни о чем не спрашивает.

Вот почему, с вашего разрешения, их спросим мы. Перед нами диктофоны с записью. Дети назовут лишь свои имена, свой возраст; их фамилии мы должны скрыть от взрослых.

Д и к т о ф о н

— Как тебя зовут?

— Сэмми.

— Сколько тебе лет?

— Мне девять. (*Слышно, как смеются дети.*)

— А ты маловат...

— Я часто хвораю...

— Какую школу ты посещаешь?

— В Бронксе.

— Сколько детей в вашем классе?

— Не знаю, может быть, сорок, может, пятьдесят... ужасно много.

— Места хватает всем, Сэмми?

— Кто хочет, сидит на полу. А другие по двое на одном стуле.

— Должно быть, у вас весело?!

— Еще бы! Как в сумасшедшем доме. И ничего не делаем, потому что учительница все время должна успокаивать нас. Мы обливает ее из водяных пистолетов, а ей это не нравится.

— Тебя это удивляет, Сэмми?

— Она ненормальная. И мы тоже.

— Не могли бы вы относиться к ней лучше?

— Мы не можем так долго сидеть на одном месте.

— Это верно, Сэмми.

— Не жалейте меня, этого я не терплю... все только жалеют, да жалеют.

К. М. Да.

Конец беседы.

Диктофон

Вот девочка. Ей тринадцать лет и зовут ее Сьюзи.

— Сьюзи, сколько за это время у вас было учителей математики?

— Четыре. Теперь придет следующий.

— Они так часто меняются?

— Все время. И каждый учитель начинает сначала. «Потому что, — говорит каждый из них, — тот, кто был до меня, ничего не стоил». И еще...

— Что еще?

— И еще полкласса его не понимает.

— Почему, Сьюзи?

— Потому что полкласса говорит по-испански.

— Только по-испански?

— Да, только по-испански.

Конец беседы.

Диктофон

Перед вами маленький пятилетний мальчик, его зовут Джерри.

— Джерри, ты ходишь в детский садик?

— Нет, не хожу.

— Почему же?

— Меня не берут, нет места.

— Вы ходили туда с мамой?

— Ходили, и мама сказала: «Идем, миленький, пойдем-ка лучше домой».

— Что ты делаешь целый день?

— Играю на улице.

— Тебе это нравится, не правда ли?

— Нравится, только Джо заставляет меня учить других детей курить сигареты.

— Сигареты?

— Да, сигареты.

— Твоя мама ходит на работу?

— Да, она ходит гладить и утром всегда целует меня. Разбудит и поцелует. А потом я одеваюсь и иду к привратнице. А привратница говорит: «Беги играть, беги и не крутись у меня под ногами, маленький дурачок».

- А что делает твой папа?
- Он ушел.
- Как так ушел?
- Ну просто один раз утром ушел и больше уже не приходил. Разбудил меня и говорит: «Пошли, мальчуган, куплю тебе жевательной резинки, радуйся, недоносок».
- Ах, вот как!
- Ага.
- А что ты умеешь?
- Сам варю себе на обед яички у привратницы. Один раз у меня яичко разбилось прямо на плите и очень надымилло. И привратница стукнула меня по затылку, а я ей сказал: «Разве вы не знаете, что людей не полагается бить по голове?»

Конец беседы.

К. М. Мы обходимся со своими детьми, как с гражданами второго сорта, а потом наказываем их по всей строгости законов, как взрослых преступников, за то, что они бунтуют против нас. А в действительности не существует детской преступности, существует лишь преступность взрослых и ее юные жертвы. Стоимость *одного* только авианосца разрешила бы целый ряд наших многочисленных школьных проблем на много лет вперед.

Никто не прислушивается к голосу родителей. Люди, стоящие во главе нашей воспитательной системы, не считаются с родителями. Здесь, в студии, находится несколько матерей, дети которых посещают школы нашего штата.

Д и к т о ф о н

Это миссис... (*Первая мамаша называет свое имя.*)

- Сколько у вас детей?
- Шесть. Четыре мальчика и две девочки.
- Вы живете здесь?
- Да
- Почему?
- Мы не хотим жить в Нью-Йорке.
- Почему?

— Я не хочу об этом сейчас говорить, потому что меня видят мои дети. Вы видите меня, дети?

— Нет, вы все-таки скажите.

— Улица сделала их хулиганами. Вы меня видите, дети? Это я, мама. Посмотрите на меня в телевизор — как я вам нравлюсь?

— Вы не могли бы...

— Фрэнк, хулиган, это правда, что ты с друзьями остановил автомобиль, в котором ехал человек, потерявший на войне обе ноги, и вы отобрали у него четыре доллара? Сиди и смотри на свою маму. Ты это сделал или нет? Правда, что вы били его? А этот человек сказал вам: у меня нет пальцев на руках и нет ног? Это правда, Фрэнк, что вы кричали на него, чтобы он замолчал, и ударили его дубинкой? Сиди, говорю тебе, и слушай свою маму.

— Вы не могли бы говорить по существу?

— А как это?

— Попробуйте осветить ситуацию более обобщенно.

— Ведь я же говорю, что мои дети стали хулиганами. Том, ты тоже смотришь на меня? Том, как же это так, ведь ты такой большой, а еще не умеешь как следует читать? Том, я хотела бы...

— Вы не могли бы говорить только по существу?

(Женщина на экране хочет ответить, но ее изображение меркнет.)

Конец беседы.

Кандидат на пост вице-губернатора. Пусть выступит другая мамаша. Пожалуйста, миссис.

(Появляется негритянка и называет свое имя.)

— Вы давно живете здесь?

— Очень давно.

— Хорошо живете?

— Да, живем хорошо. Я, мой муж и двое наших детей.

— У вас есть автомобиль?

— Да, есть.

— Что вы любите больше всего?

— В воскресенье мы надеваем праздничные платья и выезжаем за город. Мы и наши дети. В воскресенье мы

собираемся вместе и наши дети едут с нами. Но никто не знает, куда ходит Майк после школы...

— Кто это Майк?

— Мой мальчик.

— Вы не знаете, куда он ходит после школы?

— Не знаю. Когда я его спрашиваю: «Где ты был, Майк?» — он отвечает: «Ну, где я мог быть, мама?» — Я говорю ему: «Что с тобой будет, Майк?» — «Буду продавать drugs¹, мама, — отвечает он. — Не беспокойся, тебя я буду всегда любить». — А еще говорит...

— Что еще говорит?

— Говорит: я куплю тебе зонтик, мама. А ночью...

— Что ночью?

— Ночью он говорит: меня всюду обижают, мама!

Кандидат на пост вице-губернатора. Благодарю вас, это было очень интересно. Но, к сожалению, наше время истекло. Мы должны заканчивать. К сожалению, наше время истекло.

¹ Наркотики (англ.).

БОЛЬШОЙ ПРАЗДНИК — ДЕНЬ КОЛУМБА

Жарко. На Пятой авеню манифестация.

Во главе идет девица; одежды на ней маловато, но ботинки достигают колен, в руках дирижерская палочка; за ней следуют пехотинцы и моряки. Девушка очень красива; она чувствует себя на солнцепеке лучше, чем моряки: на ней лишь легкая прозрачная юбочка намного выше колен.

Это удивительно кокетливое шествие, и каски морской пехоты не в силах изменить впечатления. На Пятой авеню сейчас царит *pin up girl*¹. Хорошо одетые господа осматривают ее с видом знатоков; девица вертит бедрами. Эта ежегодная манифестация имеет свою давнюю традицию; местные жители относятся к подобным шествиям доброжелательно, иностранцы — с удивлением.

Они внезапно начинают ощущать, как мало понимают эту страну.

За моряками следуют католические колледжи.

Каждый колледж возглавляет девица, за ней пасторы, ведущие своих питомцев. Пасторы разных возрастов и различной близости к богу. Взоры некоторых из них устремлены на узкие бедра девушки, которая несет хоругвь колледжа. Это откровенные грешники, но вины за собой они не чувствуют; другие в безмолвном раздумье вперяют свои очи в неопределенность уличного пространства — это грешники скрытые.

А парни бьют в барабаны и дуют в трубы, бренчат на потешных маленьких арфочках. Девушки парятся в старомодных шляпах.

¹ Так в Америке называют картинки с изображением красивых девушек, по большей части кинозвезд. Любители таких картинок вешают их на стенах, зачастую у изголовья постели.

В данном случае автор хочет подчеркнуть, что девушка, возглавлявшая шествие в День Колумба, была похожа на тех, что обычно изображаются на такого рода картинках.

И нет конца этому шествию.

Колледжи названы в честь различных католических святых; здесь отмечена Святая Троица, но не забыт и Эразм Роттердамский. Естественней всех шагают пасторы в первых рядах, и есть в этом какая-то святая простота и неизжитое американское средневековье, как бы вклинившееся в эпоху циклотрона и телевидения. Они отлично уживаются вместе без всяких раздоров.

Пять мѹжей в сутанах едут в небольших автомобилях — они возглавляют колонну. За ними следуют юноши в белых одеяниях и звонят в министрлантские колокольчики.

К чему все это — известно одному только богу...

БИЛЛИ ГРЭХЭМ

Утром миссис Бетти убирала комнату довольно долго. Она была чем-то обеспокоена и неразговорчива. Сказала только, что приедет великий проповедник Билли Грэхэм и что, к сожалению, его можно увидеть лишь по телевизору, так как все билеты уже распроданы. Говорят, Билли Грэхэм уже многих наставил на путь истинный и после его проповеди в человеке происходит перелом.

— Вам хочется, чтобы в вас произошел перелом? — спросил я.

— Человеку нужна надежда, — ответила она серьезно.

Потом вместе с миссис Бетти мы сидели у телевизора и смотрели на великого проповедника. Он говорил быстро, а передвигался по импровизированным подмосткам еще быстрее. У него лицо молодого американского солдата, на шее тугой воротничок. Голос тоже молодой, но удивительно обыденный, без какой бы то ни было экзальтации, скорее назойливо убеждающий. Он говорил, как хороший американский диктор. Я его не понимал, миссис Бетти тоже. Но ей было достаточно духа Билли Грэхэма, его голоса, его очей. Она была растрогана до слез.

А юный воин божий в тугом пасторском воротничке, окончив свое выступление, застыл в библейской позе с поднятым кверху перстом: палец некоторое время укоризненно торчал на телевизионном экране.

Потом диктор сообщил, что Билли Грэхэм начал крестовый поход (против кого — сказано не было), что во время этой проповеди он отшагал полтора километра и должен был немедленно сменить рубашку, что он носит рубашки фирмы «Эрроу» с особым покроем воротничка «Грэхэм».

— Что вы на это скажете? — спросила миссис Бетти.

— Любопытно, — ответил я.

— Я будто вновь родилась, — вздохнула женщина. — Словно перевоплотилась... Мне жаль вас, неверующих.

Почему она вновь родилась, миссис Бетти так и не сказала, — просто родилась вновь.

Таково воздействие Билли Грэхэма, современного евангелиста. Его карьера — одна из многих поразительных американских карьер, не попятных консервативным по своему мышлению европейцам. Билли Грэхэм был весьма заурядным студентом захудалого колледжа в Северной Каролине; он играл в бейсбол и баскетбол, водил автомобиль, превышая дозволенную скорость, и отличался непостоянством в отношениях с женщинами, но в один прекрасный день он был обращен неизвестным проповедником в истинную веру. Билли охотно взялся проповедовать сам, и оказалось, что эта вера пользуется успехом.

За пять лет своей деятельности проповедника Билли Грэхэм приобрел около 10 миллионов постоянных радиослушателей и телезрителей; рубрику «*Билли Грэхэм отвечает...*» читает еще 15 миллионов жаждущих спасения. У него собственный штаб, где работает около тридцати секретарей. Единственное, что Билли обещает верующим, — это духовное воскрешение.

Каждое свое путешествие он именует крестовым походом. Любит большие хоры и церковное великолепие. Одна из его последних проповедей сопровождалась хором в составе пяти тысяч человек и аккомпанементом самых больших органов Америки. Билли Грэхэм ежедневно меняет три пропотевшие рубашки и изнашивает за год четыре габардиновых костюма.

За невысокую плату он предлагает людям соответствующие ценности, в основном метафизические: духовное пробуждение — воскрешение одиноких, которые не хотят быть одинокими и поэтому обращаются к Иисусу. За умеренную мзду Билли Грэхэм избавляет их от одиночества, но при этом одиночество отнюдь не оставляет их.

Этот пророк не лишен вкуса, он ежедневно бреется. На подмостках жизни он не желает играть в трагедиях, а когда обнаруживает трагедию, старается ее не замечать. В организованном производстве чувств и мечтаний, которые вырабатывают кино, телевидение и грампластинки, нашлось место и для пророка. Моторизован-

ный человек желает иметь пророка по своему образу и подобию. Пророк должен уметь сменить шину.

Любимый цвет костюма Билли Грэхэма — цвет незрелых плодов.

Каждый день по несколько часов кряду он слушает пластинки с текстами Ветхого и Нового завета.

Он говорит: «Я должен насквозь пропитаться библией!»

Билли регулярно играет в бейсбол, женат, у него четверо детей. Ему тридцать пять лет, фигура у него спортивная.

Он основал организацию *Союз возрожденных Грэхэма* с годовым оборотом в два миллиона долларов и двумястами постоянными служащими. Его лучший друг — Клифф Бэрроуз, он сопровождает проповедь Билли гудением на тромбоне.

Мир слышит тромбон Клиффа Бэрроуза и голос Билли Грэхэма, современного евангелиста.

В чем заключаются чары пробуждения, знают лишь бог и женщины. Может быть, это знает и Билли Грэхэм, которому следует отдать должное: он первым пережил это.

Вечером я снова спросил у горничной, миссис Бетти, продолжает ли она еще чувствовать себя вновь рожденной.

— Я не люблю коварства, — ответила она с неприступным видом. — Билли Грэхэм уже обращал и не таких, как вы!

Она рассказала о последнем деянии Билли Грэхэма: владелец табунов скаковых лошадей поднялся вчера на собрании и громкогласно заявил, что чувствует себя обращенным.

Потом она сообщила мне, что выходит замуж. А в общем была молчалива — короче говоря, вновь рождена.

БЕВЕРЛИ НИНА О'МАЛЛИ — ЕСТЕСТВЕННАЯ БЛОНДИНКА

В газетах появилась заметка: Беверли Нина О'Малли, официантка сорока четырех лет, разводится в тринадцатый раз. Судья, принципиальный человек, строг к истице; сам он еще холост, и Беверли с неудовольствием выслушивает его наивные возражения.

— Что он хочет, — кричит она раздраженно, — чтобы я со всеми жила не венчаясь?

Беверли Нина О'Малли — естественная, некрашенная блондинка. Она уже не помнит имен всех своих мужей. Первого, за которого она вышла шестнадцати лет, звали Эдвард. Он был лесником. Замужество длилось шесть недель. Эдвард хотел пристрелить ее из винтовки, и Беверли удрала в Кливленд, чтобы потребовать развода.

— Он не был дурным человеком, — заявила она с нежной улыбкой.

Через год она уже обвенчалась с торговым агентом по имени Тоуминс. Этот брак затянулся на пять с половиной месяцев.

— Фрэнк был дурак, — сказала она мечтательно, — но славный парень!

Она припомнила, что он лупил ее молотком.

Третий муж работал официантом у Юма. Его звали Тэд, она выходила за него замуж два раза.

Этот колошматил ее ежедневно, утром и вечером.

— За что? — спросил судья.

— Он знал, что я люблю самцов, — отвечала Беверли. — Но всему есть свои границы. — Она добавила, что Тэд по натуре был славным малым.

Следующий муж, Розенкранц, был коммивояжером фирмы дамского белья.

— Я от него видела одни побои. Я заплатила за него в больнице, а он плюнул мне два раза в лицо, когда я пришла его навестить.

Репортер записал в свой блокнот, что в эту минуту лицо ее приняло скорбное выражение.

Последний муж О'Малли, шофер грузовика, поджигал ей волосы и гасил сигареты о ее грудь.

— Ничего не поделаешь, — печалилась Беверли, — такая уж я несчастная, у меня всегда были плохие гороскопы. Все они были неплохие ребята, но мы не понимали друг друга!

И, вздохнув, спросила:

— О'Малли, почему ты стукнул меня кулаком в глаз?

О'Малли опустил голову и ничего не ответил.

— Скажите, пожалуйста, — обратился он к судье, — вы не могли бы поскорее развести нас?

Их развели.

— Я больше никогда не выйду замуж, — сокрушенно заявила Беверли, — никогда, *никогда!*

Ее новый друг, стоявший в сторонке, влюбленно взглянул на Нину и подмигнул репортеру.

OH, HOW ARE YOU?..¹

Сегодня Брайан рассказал мне случай, относящийся к тем временам, когда он преподавал в небольшом университете в Т., недалеко от Нью-Джерси. Они занимали коттедж с садом и бассейном, имели автомобиль марки «Понтиак», и отпуск провели в Калифорнии. Правда, через год все это кончилось, но тот год был удачным. Брайан и Божка ни о чем не сожалеют, потому что эти люди умеют быть счастливыми и без денег.

Однажды, рассказал мне Брайан, к ним явились гости: владелец местного банка, пастор, земельный агент и мэр города. Они были непринужденно веселы, беседовали на всевозможные темы, но Брайан вскоре умолк, ибо всегда терпеть не мог говорить о вещах, в которых не разбирался. Божка отнеслась к загадочному визиту по-своему: принесла сэндвичи и приготовила виски с содой. Подняли тост за процветание города, потом за университет, потом за местный приход. Мэр заметил, что у Брайана отличная квартира, но для столовой больше подошла бы, пожалуй, старинная мебель. Сам он обожает кушетки и стулья в стиле рококо; не известно, почему он так любит именно кушетки, а вот его супруга сходит с ума по французскому инкрустированному секретеру.

Брайан сказал, что да, мол, и он тоже любит старинную мебель. Пастор заметил, что атмосфера благополучия, царящая в этом доме, приносит душевное умиротворение и хозяевам и гостям.

Божка пожаловалась, что с хозяйством много хлопот. Поговорили о хозяйстве.

Брайан дважды очень внимательно перелистал какие-то бумаги, лежавшие на столе. Поведение хозяина вызвало замешательство, хотя никто открыто не выра-

¹ О, как вы поживаете? (англ.)

ПОЛИТИК.

зил недовольства. Стало очевидно, что гостям все-таки придется приступить к цели своего визита.

Заговорил земельный агент. Он заметил, что еще ни разу не видел семью профессора в местной церкви и сожалеет об этом, что в таком маленьком городишке это производит дурное впечатление. Конечно, нет нужды каждое воскресенье слушать проповедь, в этом нет никакой необходимости, но, с другой стороны, в обычаях всякой истинно американской семьи печься не только о теле, но также и о душе!

Пастор сказал, что ценители старинной музыки, без сомнения, получат удовлетворение в местной церкви. В ответ на все это Брайан заявил, что в церковь никогда не ходил и ходить не будет.

Земельный агент дал понять, что подобный ответ он считает проявлением недоброжелательности; к тому же, если ему не изменяет память, его сын и сын Брайана Павел посещают одну и ту же школу и даже сидят на одной парте. И еще одно: то, что могут снести взрослые, никогда не потерпят дети, ибо они более естественны и менее сдержанны.

Брайан поинтересовался, не угроза ли это.

Пастор поднялся: пора было уходить. Им было очень приятно познакомиться с такой милой семьей.

— Славен господь наш, Иисус Христос, — произнес он.

Остальные ограничились молчаливым рукопожатием.

На следующий день Павел вернулся из школы с большим фонарем под глазом.

В четверг его снова избili.

А в воскресенье Брайан с Божкой и Павлом пошли в церковь, где слушали старинную музыку и проповедь о блудном сыне. Земельный агент дружески похлопал Брайана по спине, а брат мэра пожал ему руку. Все они были методисты.

— Oh, how are you?

„НЕ РАБОТАЙТЕ, ПОЖАЛЕЙТЕ СЕБЯ!..“

Швейцар вручил мне письмо:

«Уважаемый друг!

Вечером, когда я уже собирался спать, мне под руку попала записка с Вашим адресом. Я вспомнил о нашем вчерашнем разговоре в баре Х. и, так как повидать Вас уже не имею возможности, решил написать то, что мне хотелось бы Вам сказать.

Вы и Ваш спутник произвели на меня впечатление людей, имеющих все предпосылки к роскошной жизни, — все, кроме опыта. Я был искренне растроган Вашим приглашением выпить рюмку джина: в деньгах я не нуждаюсь, но ценю гостеприимство. И, так как я чувствую, что это гостеприимство вызвано лишь сердечной добротой, а вовсе не самонадеянностью богатых людей, я решил рассказать Вам о себе то, что не всякому поведал бы.

Мне сорок лет и я уже собираюсь на покой, располагаю деньгами, уважаем соседями, а на визитной карточке, которую я вчера забыл Вам дать, под моим именем Вы можете прочесть: *«Коммерсант, удалившийся от дел»*.

Я живу на Парк-авеню, квартира стоит мне четыреста долларов в месяц.

Никогда в жизни я не работал. Опасаюсь, что Вы по неведению иностранца начинаете свою жизнь в Нью-Йорке с поисков работы. Предостерегаю Вас: не работайте! Это — путь наименьшего сопротивления, и если Вам очень повезет и Вы не превратитесь в среднего американца, который полагает, что иметь жену, холодильник и электрическую стиральную машину — наивысшее благополучие, то можете стать миллионером. В тот же момент Вы перестанете замечать прелесть жизни. Вы начнете интересоваться лишь тем, как увеличить свой капитал, и будете дрожать при мысли, что в один прекрасный день может наступить разорение.

И я был разорен. Но я не отклонился от своей цели и всегда сохранял уверенность, что в Нью-Йорке достаточно иметь элегантный костюм и визитную карточку, а почет и уважение придут сами собой. Я так и поступил: оплатил постоянные почтовые и телефонные услуги. Это стоило три доллара в месяц. Свою фирму я назвал: «Мэнки паблишинг компани. Пятая авеню». Адрес, как вы видите, весьма импозантен.

Затем я заказал роскошные фирменные визитные карточки и превратился в предпринимателя.

Фирма была дутая, часто не на что было пообедать. Я просматривал объявления в различных газетах: сколько в Америке одиноких женских сердец! Я начал писать им письма. И вскоре стал получать отклики от директоров брачных контор. Один из них нанес мне личный визит и, когда достаточно ясно понял положение вещей, спросил меня:

— Вы не смогли бы изобразить «сильный кашель»? ¹
Я попробовал. Получилось.

— Я познакомлю вас с одной женщиной, которая хочет выйти замуж, — сказал он. — Назначайте ей свидание у Индейского музея, «кашляйте» до тех пор, пока она не пригласит вас к себе в дом. Встречайтесь столько, сколько это понадобится, а потом просите ее руки. Когда она заплатит мне соответствующую сумму, можете хоть в самом деле на ней жениться.

Я был занесен в списки постоянных кандидатов в женихи. Стал специалистом по «сильному кашлю». Брачные конторы гонялись за мной, потому что у меня респектабельный вид. Еще ни разу не случалось, чтобы контора не получила своих денег сполна. Получив комиссионные, я незаметно удалялся со сцены и ждал следующего приглашения.

Я завел счет в банке, и хотя мне не раз хотелось попытать счастье на бирже, я этого не делал. Помогал своим друзьям. Женил нескольких на богатых женщинах. Последний случай — это Вилли из Бостона, парень с Бовери, лет пятидесяти. У него была привычка засыпать посреди разговора. Но я за ним присматривал и познакомил с вдовой Джонсон, женщиной богатой, прикованной

¹ «Сильный кашель» — жаргонное чешское выражение, означающее в данном случае «серьезные намерения».

болезнью к постели. Она была скупа и высчитала, что дешевле содержать мужа, чем сиделку.

Теперь Вилли посиживает в кресле у постели своей больной супруги. У него полно еды, а возни с женой не так уж много.

Я знаю двух женщин из Бруклина, обе из уважаемых семей, и в том возрасте, который обещает тихую пристань после всех житейских бурь. Обе готовы доверить свое имущество надежному и чистоплотному мужчине. В этой связи я вспомнил Вас, дорогой иностранец, Вас и Вашего друга. С чувством симпатии и одновременно с некоторым сожалением я наблюдал Ваши первые неопытные шаги в этом городе неограниченных возможностей.

Если Вас заинтересует мое предложение, позвоните по номеру, указанному на визитной карточке.

Жизнь ваша будет покойна, время пролетит, как сон. Вы не будете отягощены никакими мыслями — комисионные можете выслать мне лишь через полгода счастливой супружеской жизни!

Не работайте, пожалейте себя! Не стремитесь стать миллионерами, это лишит Вас душевного покоя! Станьте супругами».

Подпись неразборчива.

„НЬЮ-ЙОРК ИНКУАЙЕР“. ПРОРОЧЕСТВА КРИСВЕЛЛА И МЕЛКИЕ СООБЩЕНИЯ

В газете «Нью-Йорк инкуайер» некий Крисвелл предсказывает будущее, а Джон Дж. Миллер занимается светской хроникой. Сегодня я прочел следующие пророчества и сообщения:

КРИСВЕЛЛ ДАЕТ СОВЕТЫ ЖЕНЩИНАМ

«Дорогой Крисвелл!

Моя сестра, старая дева, наконец вышла замуж и совершает сейчас свадебное путешествие. Она мне не написала, не приехала с визитом и даже не позвонила по телефону, и я беспокоюсь. У ее мужа злодейский вид, и я никогда ему не доверяла. Не думаете ли Вы, что он убил мою бедную сестру, как иногда об этом пишут?

Зелда Г. Х.»

Ответ Крисвелла. «Моя дорогая Зелда! Будьте терпеливы. Ваша сестра скоро даст о себе знать. Я чувствую, что этому человеку можно доверять, но это, безусловно, не тот тип мужчины, которого могли бы избрать в супруги Вы, так как у Вас различные темпераменты».

«Милый Крисвелл! Много месяцев я собиралась и готовилась к большому танцевальному вечеру. Я купила великолепное новое платье и красивые туфельки и стрепетом ждала этого долгожданного дня! Когда я была уже одета, я позвала своего мужа, но он не откликнулся. Через несколько минут выяснилось, что у мужа был сердечный припадок, так как я нашла его в столовой мертвым; рядом с телом лежала бутылка виски. Врач предостерегал его против пьянства, ибо у него большое

сердце. Я никому ничего не сказала и скрывала его смерть до следующего утра: я ушла на танцы и отлично провела время. Теперь его родственники со мной почти не разговаривают. Мне кажется, что я не сделала ничего дурного. Как вы полагаете?

Миссис Феба».

Ответ. «Моя дорогая Феба! Многие годы Вам приходилось сидеть безвыходно дома, так как Ваш муж был тираном и ревнивцем. Когда его здоровье пошатнулось, Вы были вынуждены оставаться дома и ухаживать за ним. Можно считать, что он покончил с собой, употребляя алкоголь. И Вы не могли помешать ему, потому что он не обращал внимания на Ваши предупреждения. Вы его не бросили в беде и если его родственники с Вами не разговаривают, радуйтесь, что избавились от этих людей».

«Милый Крисвелл!

Я люблю свой дом и не желаю лишаться его. Он расположен как раз там, где должно проходить новое большое шоссе. У меня пытались откупить дом, но я не желаю его продавать, хотя цена заманчивая. Недавно я отремонтировала спальню и столовую, и сочетание красок великолепно. Один из инженеров пригласил меня поужинать с ним, и я приняла его приглашение. Не кажется ли Вам, что он пытается повлиять на меня, чтобы я все-таки продала свой дом?

Дженни О.»

Ответ. «Моя дорогая Дженни! Я знаю, как неприятна Вам мысль о продаже дома, но думаю, что в конце концов Вы охотно его продадите, потому что Вам предложат еще более высокую цену. Вы сможете приобрести дом в другом месте, в лучшем квартале города, и будете снова жить в той обстановке, которая Вам нравится. К инженеру не относитесь серьезно».

«Милый Крисвелл!

Я очень люблю свою маму, но не чувствую склонности к человеку, за которого она недавно вышла замуж. Он тоже не любит меня и каждый раз недовольно

ворчит, когда я захожу в комнату. Позавчера он плюнул в меня через накрытый к обеду стол. Я считаю, что это негигиенично. Не лучше ли мне уехать?

Агнесс М. Н.»

Ответ. «Моя дорогая Агнесс! Не беспокойтесь из-за нового мужа Вашей матери. Я чувствую, что человек, с которым Вы теперь встречаетесь, в скором времени сделает Вам предложение. Это будет великолепный брак. Таким образом будет решена Ваша проблема и все обернется как нельзя лучше».

ПРОДОЛЖЕНИЕ ПРОРОЧЕСТВ КРИСВЕЛЛА

Рашель МУССОЛИНИ. Пьеса из Вашей жизни станет в Нью-Йорке сенсацией.

Кэйтлин УИНДЗОР. Ваша следующая книга о приключениях «Вечной Амбры» вызовет еще больший взрыв негодования, нежели первая.

ГАНДИ. На том месте, где Вы были убиты, Вам воздвигнут колоссальный храм.

Пегги Хопкинс-Джайс расскажет в популярном еженедельнике волнующую историю своих замужеств. Восьмой, самый шикарный брачный союз ожидает ее приблизительно в апреле 1956 года.

Экс-президент Гарри С. Трумэн издаст сборник фортепианных пьес и выпустит пластинки с записью «Прекрасного мечтателя» Стефана Фостера в исполнении своей дочери Маргарэт.

СВЕТСКАЯ ХРОНИКА ДЖОНА ДЖ. МИЛЛЕРА

Лекс Баркер, муж Лэни Тарнер, сшиб ударом в подбородок парня, который приставал к Лэни.

Некоторые люди собирают марки. Доналд О'Коннор собирает фотографии обнаженных девушек, которым хоть раз назначал свидание.

Один из известных дирижеров джаз-оркестра не знает нот и не умеет играть ни на каком инструменте.

Пакет с наркотиками стоимостью в 200 тысяч долларов был на этих днях продан. Это произошло в 4.15 утра на углу Бродвея и Пятидесятой улицы.

Бобо Рокфеллер завела нового друга. Новый друг имеет старые судимости.

Ева Габор носит великолепный бриллиант, полученный от представителя золотой молодежи Манхеттена.

Ронда Флеминг, сохраняя строгую тайну, посетила недавно хирургическое отделение швейцарской клиники.

Один богатый гражданин из Техаса объявил, что на рождество наполнит свой бассейн шотландским виски.

Вечер, устроенный в честь дня рождения Айлин Бартон, был оживлен продолжительной дракой. Много избитых.

Линда Кристиан обратилась за советом к астрологу, как помириться с Тайроном Пауэром.

Тайрон Пауэр начал носить парик.

Мэрлин Монро сняла квартиру на Беверли-Хилл за 300 долларов в месяц. На почтовом ящике указано вымышленное имя.

Джоан Симонс и Стюарт Грэнджер поцеловались и помирились после бурной ссоры.

ПСЫ МИНИСТРА ВИЛСОНА

Министр обороны Чарлз Вилсон, муж из «Дженерал моторс», рассказал басню Эзопа. Это весьма странно для столь осторожного человека, но басня содержала в себе аллегорию, которая произвела на Америку неблагоприятное впечатление.

— Я не терплю собак, — заявил министр, ссылаясь на мудрость древних греков, — которые сидят у будки в ожидании миски с похлебкой. Предпочитаю охотничьих псов — да, предпочитаю охотничьих псов.

От этих слов веяло духом свободного предпринимательства.

Символика выступления была весьма недвусмысленна. Чарлз Вилсон занимает пост министра, помимо того, он миллионер и попросту захотел намекнуть безработным штата Иллинойс, например, чтобы они погрузили в автомобиль свои электрические кофейники, одеяла, детей и портативные радиоприемники и отправлялись искать работу на новом месте.

Где искать, это уже дело самих охотничьих псов.

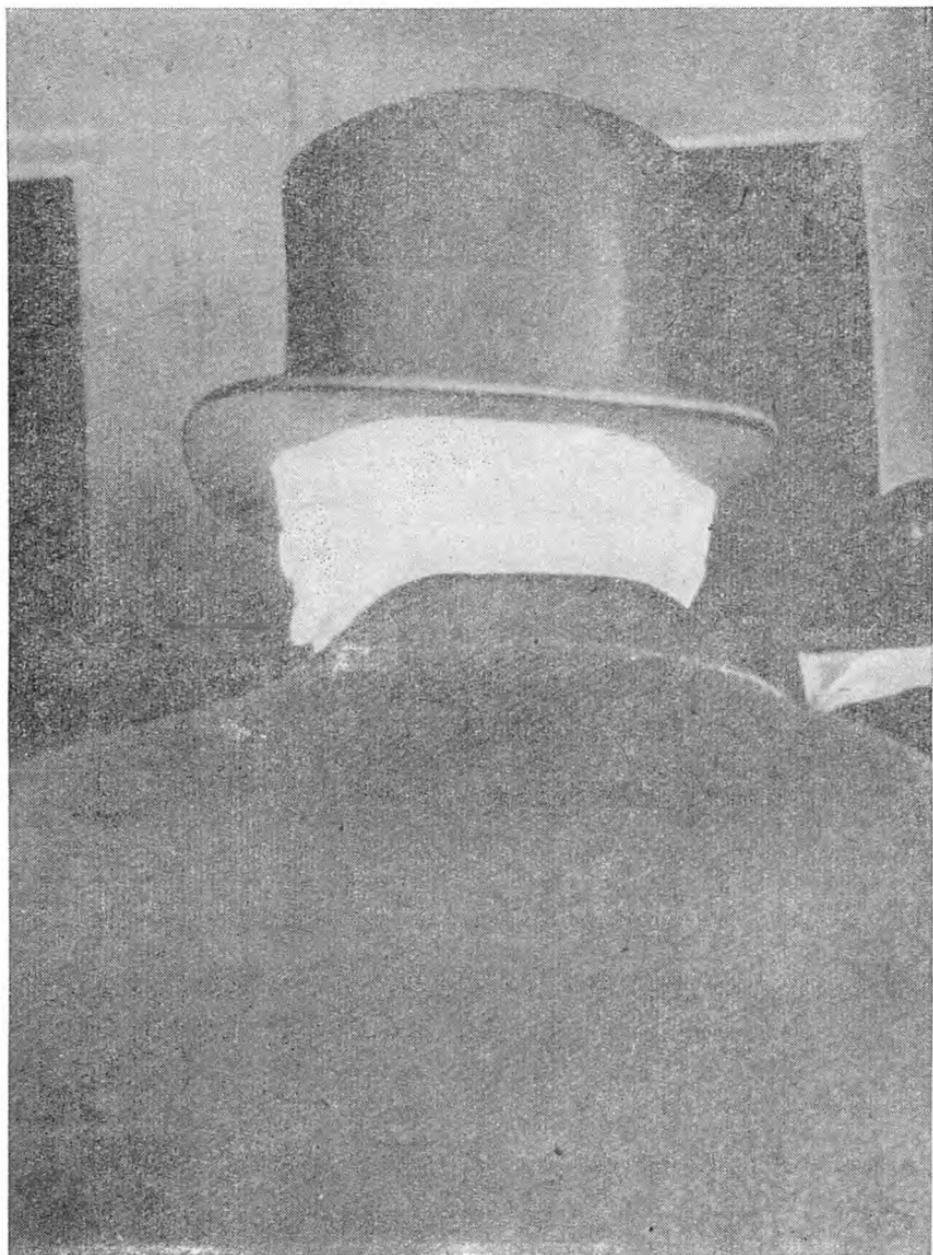
Возникли вопросы.

— А что если и на новом месте не будет работы? — спросил какой-то любопытный.

— Тогда отправляйтесь дальше, — посоветовал простодушный Чарлз Вилсон, муж из «Дженерал моторс».

Чарлз Вилсон высказал вслух то, что известно всем. Но и это подчас равносильно открытию.

Создалось неловкое положение. Человек выдал общественную тайну, а она оказалась ни больше, ни меньше, как жизненной философией всего строя. Есть множество вещей, которые люди терпят, не задумываясь над их сущностью. Иногда на этом зиждется даже целая общественная система. И вдруг в один прекрасный день является некто, называет вещи своими именами, и люди

ЧЕЛОВЕК, КОТОРЫЙ СТОИТ МИЛЛИОН.

начинают размышлять. Это уже непоправимо. Чарлз Вилсон не чувствует себя, однако, виноватым. Он считает, что директор «Дженерал моторс» имеет право быть немного поэтом. Он хотел лишь выразить уважение к духу частного предпринимательства, ибо и сам начинал когда-то с низов. Он хотел сказать, что американец должен быть активным и что тот, кто сейчас на дне, не погиб еще окончательно.

Но многие были оскорблены его выступлением до глубины души. Оседлые псы, которые до выступления Чарлза Вилсона считали себя людьми, встревожились. Обтекаемый и симметричный мир Америки, эта обетованная страна, залитая неоновым светом, эти непроходимые дебри телевизионных антенн и бензиновых колонок, этот великолепный, солидный мир по милости басни Эзопа и в интерпретации «Дженерал моторс» обернулся вдруг мрачным, хаотическим водоворотом. Оседлые псы испугались: в один прекрасный день миска с похлебкой поставлена не будет и мистер Чарлз Вилсон упрекнет их в том, что они голодны, или в чем-нибудь еще, что взбредет ему в голову. Люди поняли: их спокойствие призрачно, — и их охватил ужас.

— Я тоже начинал с низов, — говорит простецки Чарлз Вилсон.

В политических кругах его упрекнули в неосторожности: утверждали, что политический деятель не имеет право думать того, что говорит, и не должен говорить того, что думает.

И Джо Купферберг был крайне возмущен:

— Мне никто не смеет заявлять, что я пес! Это Америке не подходит. В конце концов и у меня есть будка, — добавляет он покорно.

Мы говорили о политике осторожно.

Я спросил, за кого он будет голосовать.

— Ни за кого, — ответил он, — я буду спать. Во время выборов большей частью бывает плохая погода.

— Разве Вилсон сказал неправду? — спросил я. — Что остается человеку, который потерял работу, кроме поисков новой?

— Он не должен был говорить о собаках, — сказал Джо раздраженно, — министр в Америке не может себе этого позволить.

СОРОЧКА

Брайан работал всего одну неделю, сейчас он снова дома. Он долго скрывал характер своей работы, но потом оказалось, что он посещает корабли в порту и предлагает какие-то особые сорочки, незаменимые для заморских путешествий. С каждой проданной сорочки ему полагались проценты, но он так и не смог продать ни одной. Я спросил, чем эти рубахи так хороши для морских поездок.

— Не знаю, — ответил он, — я ни разу не развернул их... Мне стыдно... Я не могу этого вынести...

— Ничего тут постыдного нет, дорогой, продавать рубашки, — вмешалась Божка и заявила во всеуслышание, что сегодня вечером Брайан непременно начнет писать свою книгу.

— Если бы он продал хотя бы одну, — молвила она, подавая нам кофе, — хотя бы одну-единственную чудесную сорочку для мореплавателей!

Брайан вдруг вскочил, резко отодвинул стул и вышел. Хлопнула дверь, а Божка осталась сидеть, удивленная и расстроенная.

— Что с ним? — спросила она огорченно.

ЖЕНЩИНА. ЦЕНА КОТОРОЙ НАМНОГО НИЖЕ.

ДЕВЯТЬ СЛЕЗ

Последние дни здесь часто упоминают слово «настроение», подсчитывают количество улыбок, измеряют деликатность выступлений. Настроение — будь то миролюбивое или хотя бы даже умеренное, — по мнению некоторых политических комментаторов, удивляет и вселяет надежду. Льется теплая водичка комментария, а иллюстрированные журналы в это время с необъяснимым удовлетворением печатают фотографии мужчин в стальных касках нового вермахта.

Здесь и Конрад Аденауэр. Ему присвоен почетный титул доктора Колумбийского университета, и маленькая девочка преподносит ему розы.

— Дядя Конрад, ты любишь маленьких девочек? — спросила малышка, и фотографии увековечили для истории добродушную улыбку канцлера.

Вчера президент Эйзенхауэр стал режиссером собственного телевизионного выступления. Это было заседание правительства, на котором Джон Фостер Даллес отчитывался о своей поездке по Европе и сообщил о соглашении относительно вооружения Германии.

Выступление началось в семь часов вечера. До начала передачи правительство во главе с президентом собралось в другом помещении для тихой молитвы.

Президент всегда открывает заседание правительства несколькими минутами беседы с богом — это традиция. Он не пожелал, чтобы это было показано по телевидению. Но когда президент и члены правительства склонили головы в молитве, техники вдруг закричали:

— Через две минуты начинаем!

Молитву пришлось сократить.

На президенте темно-синий костюм, синяя сорочка, синий галстук; он слегка загримирован и сидит во главе стола. Джон Фостер Даллес расположился справа от

него, а министр обороны Чарлз Вилсон — слева. Когда президент предложил государственному секретарю взять слово, техники обнаружили, что голова генерального прокурора заслоняет одну из трех телевизионных камер. Один из техников слез и немного отодвинул генерального прокурора вместе с его стулом.

Мистер Даллес был краток. Его тоже загримировали светлым телевизионным гримом.

Министр финансов Джордж М. Хэмфри спросил:

— Фостер, а сколько это будет нам стоить?

— Господин министр финансов! Могу вас заверить, что нам это не будет стоить ни цента, — ответил Джон Фостер Даллес.

Лаконичность такого рода весьма двусмысленна. Не ясно, о чем, собственно, спрашивал министр финансов. О стоимости телевизионной передачи или о стоимости немецкого канцлера?

Техник указал на табличку: «1 минута». Государственный секретарь быстро закончил свое выступление. Телевизионная передача окончилась.

Газеты не комментировали содержания речи Джона Фостера Даллеса, но передача сама по себе вызвала большой интерес. Говорили, правда, что государственный секретарь был хуже загримирован, чем президент, но в целом общественность была довольна и даже расстрогана этим событием. Многим казалось, что на заседание были приглашены простые люди с улицы. Это говорит о том, что у правительства нет тайн от народа. Государственный образ мыслей, присущий многим телезрителям, также получил подкрепление.

Тех, кому манера вести заседание показалась неприятно деловитой, постарались задобрить драмой.

В телевизионной передаче выступил член палаты представителей Дуглас Стрингфеллоу из штата Юта. Он расплакался и всхлипывал две минуты тридцать секунд. Он заявил, что его политическая карьера — афера. Рассказал, что во время войны он якобы захватил в плен немецкого ученого, специалиста по атомной энергии Отто Гана, и был объявлен за это национальным героем. Сейчас все это, проливая слезы и каясь, Дуглас отрицает. Он заявляет, что никогда не видел Отто Гана, что никогда не стоял во главе секретной службы, которая помешала немецким ученым в последние минуты

войны изготовить атомную бомбу. И что эту ложь, на которой выросла его слава, он все время совершенствовал, видоизменял и с годами усиливал.

— Я попал в ловушку, которую подготовил мне мой собственный язык, — плакал он, — я стал рабом собственной лжи! Молитва указала мне честный путь. Теперь я покорно стою перед микрофоном и телевизионным аппаратом и каюсь. Я жажду замолить свой грех перед Отцом небесным.

По его щекам катились слезы, и там, где изображение было достаточно четким, растроганные зрители насчитали их девять штук.

„ОНА ПЛАКАЛА, ПОТОМУ ЧТО ЕЙ ЗВОНИЛИ ИЗ БЕЛОГО ДОМА“

Приближаются выборы в Конгресс. Катарина Мускарелла, американка итальянского происхождения, живущая в Бронксе, написала письмо президенту Эйзенхауэру. Долгое и по-своему трогательное, с грамматическими ошибками. Катарина обещала президенту, что будет голосовать за республиканцев, потому что президент не допустит войны. Она писала также, что не разбирается в политике и что президент ей нравится, так как у него мужественная улыбка и он сам жарит себе бифштексы. Ей приходится перед сном расшнуровывать ботинки своему мужу. Она не ропщет, но перед тем как пожениться, этот человек говорил ей, что умеет готовить спагетти и другие итальянские блюда. За двадцать пять лет супружеской жизни он никогда ничего не сварил, в то время как президент порой надевает белый фартук и сам жарит мясо на вертеле.

Вот почему Катарина Мускарелла будет голосовать за республиканцев.

Писем было много, президент, конечно, не мог их все прочесть.

Но президент Эйзенхауэр сделал вежливый жест и вместо ответа позвонил по телефону десяти разным людям в разные штаты Америки. Позвонил в Окленд миссис Миллер, безработной секретарше, учительнице воскресной школы, медицинской сестре и некоей миссис Ремер, вдове.

В один прекрасный день в квартире миссис Ремер раздался телефонный звонок и далекий голос произнес:

— Хелло-о-у, миссис Ремер, слушайте внимательно. С Вами будет говорить президент Соединенных Штатов.

— Положите трубку, хулиган! — воскликнула возмущенная миссис Ремер. — У меня нет времени на такие шуточки!

Но телефон зазвонил снова.

И вот она разговаривает с президентом и президент спрашивает ее, как она поживает, отобедала ли уже сегодня.

— Вы очень добры, что звоните мне! — кричит в трубку миссис Ремер. — Мой муж был ветеран. Вы слушаете меня, мистер президент?

— Да, слышу, — отвечает голос на другом конце провода. — Я рад, что Ваши дела идут хорошо, миссис Ремер.

— Идут, идут! — кричит миссис Ремер в телефон. — Идут, мистер президент, я говорю, мой муж — ветеран американо-испанской войны. Мой внук был ранен в Корее. У нас неплохая семья, мистер президент, понимаете? У моего внука всего одна нога, мистер президент, Вы меня хорошо слышите?

— Слышу, — отвечает голос. — Я рад, что мог с Вами познакомиться, миссис Ремер. Вы говорите, что Ваш муж был ветеран?

— Да! — кричит миссис Ремер, взволнованная до глубины души. — Он был ветеран. Все пережил. Но уже после войны его придавило деревом. Вы меня слышите, мистер президент?

— Будьте здоровы, миссис Ремер, — говорит президент, — желаю Вам счастья. Голосуйте, пожалуйста, за нашу партию, за республиканцев!

— Конечно! — воскликнула совершенно искренне миссис Ремер. — За кого же еще я могу голосовать, ведь Вы такой хороший, мистер президент. Вы меня слышите?

Но на другом конце провода уже было тихо.

Миссис Ремер была растрогана до слез.

— До чего он мил! — рассказывала она потом репортерам. — Знаете, мне еще никто в жизни не казался таким милым. И потом, представьте, ведь это же сам президент!

Президент звонил еще в Калифорнию, в Юту, в Техас и в Нью-Йорк.

Всего было десять телефонных разговоров, они продолжались тридцать пять минут.

«Нью-Йорк гералд трибюн» писала, что *«президент делает свои сэндвичи в рекордно короткий срок»*¹.

— Как вы думаете, он меня слышал? — спрашивала миссис Ремер репортера местной газеты. — Это было страшно мило с его стороны. Он сказал: «Обратите внимание на свое здоровье, миссис Ремер, на ваши камни в почках...»

Репортер написал статью под заголовком: *«Она плакала, потому что ей звонили из Белого дома»*.

¹ Игра слов: по-английски *сэндвич* в прямом смысле означает «бутерброд», а в переносном — «человек-реклама». Этим каламбуром «Нью-Йорк гералд трибюн» намекала на то, что Эйзенхауэр перед выборами в Конгресс всячески рекламировал Республиканскую партию, которая в 1952 году выдвинула его кандидатуру на пост президента, стремясь обеспечить ее победу.

СЛУЧАЙ С ПОЛИТИЧЕСКИМ ДЕЯТЕЛЕМ, ПОУЧИТЕЛЬНЫЙ НЕ ТОЛЬКО ДЛЯ ГОРОДА ДЖЕКсонВИЛЛА

Событие, приключившееся с миссис Ремер, не единственное доказательство того, что выборы взволновали гладкую поверхность житейского моря и вызвали неожиданно сильное волнение. Были затронуты даже деятели так называемого «окружного масштаба». Свидетельством тому может служить ныне уже легендарный случай с шерифом из Джексонвилла.

Жил да был на Диком Западе один шериф. И так как он занимался политикой, то, естественно, у него были политические противники. И вот однажды, выбрав подходящую для того ночь, без звезд и без луны, намазали они усы шерифа сыром. Утром шериф пробудился, потянулся и начал принюхиваться.

— Хэллоу, Эвелин, — воскликнул он, — отвори-ка окно, здесь смердит!

Эвелин пошла и отворила окно.

— Гром и молния! — вскричал шериф. — Придется выйти на воздух. Женщина! Почему ты плохо проветриваешь?

Пошел шериф на прогулку и все тянет носом, принюхивается.

«Проклятие! — говорит он себе. — И чем это у нас в Джексонвилле пахнет? Или кто-то подох, а я об этом не знаю?»

Он остановил несколько граждан и осторожно спросил:

— Не кажется ли вам, что чем-то пахнет?

А так как шериф был грозой Джексонвилла, то граждане ответили утвердительно. Противоречить ему не рекомендовалось.

— Да, конечно, — сказали они, — какой-то странный запах!

— Я это чувствую, — заявил он и решил осмотреть весь город. Но повсюду было то же самое.

— Черт побери! — взревел шериф (возможно, он выругался более выразительно). — Здесь, наверное, развели порядочное свинство! Бог его знает, откуда это берется, надо будет заглянуть в центр. (Он подразумевал главный город штата, где расположен Джексонвилл.)

Но и там мерзкий запах не оставил его.

— Сто чертей! — орал шериф. — Вот куда это докатилось из Джексонвилла! Или, наоборот, к нам тянет из центра?

Он поделился своими сомнениями с почтенными людьми из пивной стойки, и каждый посоветовал ему, как умел.

— Послушайте-ка, — говорили ему эти люди, — лучше всего вам поехать в Нью-Йорк. Нью-Йорк самый большой город в мире. Там либо вонь исчезнет, либо все это дело разъяснится.

И вот шериф отправился в Нью-Йорк.

Где бы он ни бродил, он принюхивался и везде его преследовал тот же запах.

— Чертова жизнь, — жаловался наш политический деятель, — вот чего бы я никогда не подумал! Если говорить честно, похоже на то, что вся Америка провоняла! Куда бы об этом сообщить? Кому? И как случилось, что это обнаружил именно я, в Джексонвилле?

Он, будто невзначай, спрашивал прохожих на нью-йоркских улицах:

— Вы не чувствуете чего-нибудь в воздухе?

— Yes, sure, — отвечали нью-йоркцы — да, конечно! Ничего шериф не добился и отправился обратно в Джексонвилл.

Он явился домой измученный и присмиривший. Обнял свою супругу Эвелин, поцеловал дочь Маргарэт.

И вдруг Маргарэт говорит ему:

— Папаша, дорогой, у вас очень скверно пахнет от усов!

И тут шериф наконец все понял.

А может быть, кое-что ему неясно до сих пор.

В Джексонвилле утверждают, что все это выдумка: ни сыр, ни шериф не выдержат столь далекого путешествия. Выдохнутся. Но фирма «Джеймс бразерс энд компани. Чниз» внесла в предвыборный фонд своей

партии 5 тысяч долларов, вырученных за продажу сыра «Млечный Путь». Этот сыр предназначен для длительных путешествий самолетом и поездом. Фирма стала выпускать его, вдохновившись случаем с шерифом. Сыр «Млечный Путь» пахнет лавандой — это аромат, украшающий настоящего мужчину. Такой сыр можно без опасений упаковать в несессер.

Однако случай с политическим деятелем не утратил своего глубокого смысла. Шерифы, приносивайте прежде всего к своим усам!

ПОЛИСМЕН ДЖО С. КРАТОХВИЛ, УРОЖЕНЕЦ СУЩИЦЕ

В поздние вечерние часы у киоска мистера Купферберга останавливается Джо С. Кратохвил, полисмен, чех по национальности. Он служит в нью-йоркской полиции уже двадцать пять лет. Это человек могучий, как Яношик¹, молчаливый, лишенный чувства юмора, отупевший от бесконечных обходов участка и пришибленный какой-то старой семейной трагедией, о которой даже мистеру Купфербергу ничего не известно. И еще его мучит зависть к так называемым *plainclothesmen* (выражаясь профессионально, шпикам) по причинам отнюдь не принципиальным, а скорее из самых меркантильных побуждений, о которых речь пойдет ниже.

Мистер Купферберг поддерживает знакомство с полисменом Кратохвилем по двум причинам. Во-первых, он не настолько богат, чтобы давать взятки официальным лицам, и потому считает нужным оказывать им внимание, так сказать, светского порядка. Во-вторых, он человек язвительный, а гигант полисмен Джо С. Кратохвил дает ему множество поводов для тайных насмешек. В силу этого тщедушный мистер Купферберг начинает чувствовать свое превосходство над огромным мистером Кратохвилем; это — его человеческая слабость, ибо и он принадлежит к той части человечества, которая не замечает брвна в собственном глазу.

А впрочем, возможно, что в их отношениях есть нечто большее; возможно, мистер Купферберг и Джо С. Кратохвил просто любят друг друга. Оба они люди одинокие и столуются в *драгстор* и в маленьких кафе с непокрытыми скатертью столами.

¹ Яношик — полулегендарный национальный словацкий герой, обладавший огромной силой.

ДУША В ЛУПЕ.

— Что-то сегодня полиция еще не являлась, — с огорчением говорит мистер Купферберг, если в урочный вечерний час у киоска не появляется Джо С. Кратохвил. Но Джо С. Кратохвил в конце концов всегда приходит:

— How are you? — гремит его бас.

Потом наступает молчание. Мистер Купферберг продает вечерний выпуск «Дейли ньюс» и «Нью-Йорк пост», а Джо С. Кратохвил сопровождает каждого покупателя долгим многозначительным взглядом, словно ему об этом человеке решительно все известно.

— Как поживает мистер Кратохвил? — спрашивает затем мистер Купферберг.

— Как полисмен, — отвечает на это мистер Кратохвил. — Как полисмен в мундире¹, дружище. Если б я был *plainclothesmen*, то, безусловно, имел бы собственный счет в каком-нибудь небольшом банке. Ну, скажем, как вы, дружище...

Таких намеков мистер Купферберг не любит.

— Это у меня-то счет? — повышает он голос. — Да, он у меня есть... у меня счет у Моргана, мистер Кратохвил.

Было ясно, что полисмен Кратохвил видит в бизнесе Купферберга неограниченные возможности, в то время как мистер Купферберг втайне завидует мистеру Кратохвилу, что у того есть постоянный, хотя и не столь уж большой доход. У одного — явное почтение к бизнесу, у другого — тайное — к государственной службе. Оба жаждут того, что им не дано. И только глядя друг на друга, они чувствуют, что находятся в стране неограниченных возможностей.

Любимая тема разговоров полисмена Кратохвила — коррупция.

— Я знаю человека, — заявляет он, — имени не назову, который получает по пятьдесят долларов взяток ежедневно. Это в неудачный день! Sure².

Потом он в упор глядит на мистера Купферберга и спрашивает:

— Вас это не тревожит?

— Меня, — удивляется мистер Купферберг, — при чем тут я? Это *вас* должно тревожить, мистер Кратохвил, потому что и вы сами брали бы.

¹ Тайные полицейские агенты в Америке носят штатское платье.

² Уверяю вас (*англ.*).

МАЛЕНЬКАЯ МЯСНАЯ ЛАВОЧКА В НЕМЕЦКОМ КВАРТАЛЕ НЬЮ-ЙОРКА.

— Брал бы, — сокрушенно признается полисмен Кратохвил. — Я и не отрицаю. Но только все загибают *plainclothesmen*. Все уважают мундир. Ну, скажем, вы, решились бы вы дать мне взятку?

— Не решился бы, — лукаво отвечает мистер Купферберг.

— Везде коррупция, — констатирует разочарованно полисмен Джо С. Кратохвил.

И мистер Купферберг сочувственно поддакивает.

— Все загибают *plainclothesmen*, — упорно повторяет Кратохвил.

— Да, да, — уже равнодушно отзывается мистер Купферберг.

Перед тем как уйти, очнувшийся от мечтаний полисмен Джо С. Кратохвил задает своему приятелю каверзный вопрос, достойный опытного детектива:

— Сбережения растут, мистер Купферберг?

— Да ведь у меня их нет, — сухо отвечает тот и радуется, что полиция уже уходит совершать свой обход.

Следует добавить, что у Купферберга действительно нет никакого счета. А Кратохвил? Действительно ли он такая лиса? Говорят, его родители родом из Сушице. Если кто-нибудь знает эту семью, пусть сообщит размер их вклада в сельскую кассу взаимопомощи.

Однако если подходить к сказанному с исторической точки зрения, то эта семья была лишь должна в сельскую кассу. Иначе почему бы огромный Джо С. Кратохвил, полисмен в мундире, оказался на нью-йоркских улицах?

МАРГАРИТКА С ПЛОЩАДИ СЕНТ-МАРК

На площади Сент-Марк в Нью-Йорке живут поляки. Там есть польский костел и польский ресторан, где подают бигос и краковскую колбасу; по вечерам в кино идут довоенные истрепанные фильмы с вульгарной дивой Ядвигой Смосарской. Мужчины и женщины, у которых обычная нью-йоркская внешность, раскланиваются здесь с неумирающей польской галантностью, мойщики посуды и владельцы гаражей целуют ручки продавщицам из *драгстор*, дети играют в варшавское восстание.

Именно здесь, на Восьмой улице, совсем одна играет слепая девчушка Малгожатка — польская Маргаритка. Никто ее не замечает, да и почему ее должны замечать? Маргарита так невзрачна: платьишко на ней серенькое и сама она как воробышек. Но воробей — птица практичная, а Маргарита — маленький мечтатель.

Она ходит вокруг огромного дома и ощупывает ручками стену. Каждый раз стена представляется ей чем-то новым: один раз — это целый город, другой — все, что она когда-нибудь слышала от мамы. А еще Маргаритка знает, что слева в стене есть ворота, ворота открываются и по лестнице можно подняться на второй этаж. На втором этаже, если нажать ручку, откроются двери в дом. Здесь тихо. Маргарита садится на низенький стул у печки и ждет.

— Мама у тебя есть?

— Есть, — отвечает она, — иначе кто бы меня кормил?

— А где твоя мама, Малгожатка?

— Она вернется вечером, когда кончит работу, — звенит тоненький детский голосок. — Боже, дочка, как я измучилась!

— Что это ты говоришь, Малгожатка?

— Это мама так говорит, — ответила девочка. — Потом мы пьем молоко и ложимся спать. Мама рассказывает мне все, что видела, а я ей про то, как играла.

У Маргариты есть мечта — перейти на другую сторону улицы, она еще никогда не была там. Маргарита знает лишь одну сторону мира, а этого ей уже мало...

Вскоре девочка решила, что мы ушли, и продолжала свою игру: ощупывала маленькими пальчиками стену и шептала:

— Как я измучилась, дочка!

ПОХОРОНЫ

Обычная судьба: эмигрант из Австрии, прожил двадцать лет в Соединенных Штатах, много рисовал, мало продавал. Друзей не имел и был слишком горд, чтобы искать мецената. В его ателье осталось много картин — вариации на любимую тему, несколько портретов, этюды к большому полотну, изображающему симфонический оркестр. Это была мечта его жизни — написать большую картину: оркестр, играющий Бетховена. Но он написал лишь первую скрипку и эфемерную арфистку в голубом. А ему уже стукнуло шестьдесят семь.

Скрипача он нарисовал, когда ему было тридцать, арфистку — в пятьдесят.

На похоронах художника было мало народа: несколько снобов, один фотограф из немецкого журнала и некто, выдающий себя за друга покойного, который весьма патетически говорил над могилой:

— Он был слишком старомоден для Музея современного искусства и чересчур современен для прочих музеев.

Потом этот «некто» пожелал «мира праху его» и все прочее, чего желают мертвым. Он был единственный, кто не спешил; все остальные, включая нервного фотографа, хотели поскорее покончить с усопшим, потому что шел дождь и с океана налетал порывистый влажный ветер.

А меня не покидала мысль: одолжил ли этот надгробный оратор покойному хоть раз в жизни немного денег?

МАЙК ХЭММЕР — ПОЛОЖИТЕЛЬНЫЙ ГЕРОЙ

*(Подлинные размышления
американского интеллигента Ч. Л.)*

В нашей вчерашней беседе об американской литературе было упомянуто имя Микки Спиллейна. Я уклонился от разговора о нем отчасти из чувства стыда, который это имя во мне вызывает, а также сознавая, что было бы излишне связывать его с темой нашей беседы. Кроме того, с Микки Спиллейном я не знаком, никогда с ним не встречался и не говорил, знаю лишь по фотографиям, что у него бритая голова и, снимаясь, он охотно держит в руках револьвер возможно больших размеров.

Вы назвали вычитанную где-то цифру. До июня 1954 года было выпущено двадцать четыре миллиона экземпляров книг Спиллейна. Я сказал Вам: значение книги не определяется ее тиражом, особенно в Америке. Короче говоря, я не считал произведения Микки Спиллейна ни литературой, ни опасностью для литературы. Я — критик и не интересуюсь патологией.

Написать Вам это письмо я решил потому, что вот уже целую неделю, из вечера в вечер, читаю книги Спиллейна. Прочел три, этого достаточно.

Ощущения я испытывал при этом различные: я много смеялся и многое вызывало у меня скуку.

К чтению я относился с точки зрения профессионала — изучал этого человека, как изучают феномен. Но постоянно, днем и ночью, я возвращался к мысли, что книги Микки Спиллейна читают миллионы американцев, но никто из них не смеется и никто не скучает.

Я задавал себе вопрос: что в нем есть, в этом человеке? В чем его притягательная сила?

Почему я так далек от образа мыслей его читателей? Это человеческий образ мыслей — ведь читателей миллионы! Определенному типу людей, безусловно, импонирует цинизм. Предполагается, что за ним скрывается холодный трезвый ум. Здесь этого не видно. Книги Спиллейна

указывают скорее на потребность автора снова и снова излагать, а заодно и защищать философию его главного героя Майка Хэммера. Многие авторы считали необходимым создавать характеры злые или садистские. Вполне естественно, что они пытались изобразить какую-то сторону этого характера симпатичной и даже привлекательной для читателя, хотя бы из искреннего сочувствия или из рационального представления, что подобные противоречивые черты могут легко уживаться в одном человеческом существе. Но никогда до сих пор я не читал о садисте, для которого садизм был бы средством достижения цели и даже в какой-то мере самой завуалированной целью.

Это меня беспокоило. Странный герой, а главное, он вполне приемлем для широкой публики.

Самая горькая мысль пришла мне в голову в эту минуту. Характер героя Микки Спиллейна привлекателен, очевидно, тем, что он отражает образ мыслей публики и общественности. Это означает, что Майк Хэммер, отражение этого образа мыслей, живет среди людей, как живой среди живых. Подобный образ мыслей распространился столь широко, что, захлопнув последнюю книжку Микки Спиллейна, я почувствовал ужас. Такая напряженная мечта о Спасителе жила в людях всегда. Страшно то, что Спаситель подчас походит на Джозефа Маккарти и говорит его басом. Спаситель — это Великий Прimitив, и цель освящала средства, к которым он прибегал.

Но ведь здесь у него только средства.

Неплохо было бы присоединить к вышесказанному еще один фактор современности — колоссальную концентрацию промышленности, которая создает, если можно так выразиться, новые границы перенаселенности, возникающие вместо одиноких, некогда разбросанных жилищ.

Не было еще найдено ни одной системы юридического принуждения, которая могла бы успешно действовать в этом промышленном комплексе, состоящем из согнанных в кучу людей различных и даже противоположных взглядов, доходов, потребностей, обычаев, воспитания, и которая не показалась бы им холодной, безличной и в основе своей враждебной. Многие жители перенаселенных городов неизбежно сочтут хэммеризм

за естественную и оправданную методу, к которой может прибегнуть индивидуум. Это мечта о справедливости, пусть несовершенной, но осуществляемой без проволочек, страстно и с удивительно успокаивающей непосредственностью. Те, кто чувствует свое бессилие и одиночество в безликой толпе, склонны видеть во всем этом медленном осуществлении справедливости власть коррупции. Им начинает казаться, что хэммеризм (как и маккартизм) добивается той непосредственности возмездия (невзирая на привилегии), добитая которой они сами (непривилегированные) уже отчаялись.

Это мечта о Человеке. В основе своей— это древняя мечта о справедливом мире, в котором и слабый может добиться правды. У натур чутких такая мечта перерастает в стремление изменить общественную систему. Натуры более примитивные довольствуются Майком Хэммером, его кулаком и револьвером.

Я не думаю, что хотя бы частично можно объяснить популярность кровавых историй Спиллейна, ссылаясь на то, что *столько-то* американцев было убито в 1941—1945 годы, что миллионы их ожесточились, стали равнодушны к смерти. История отрицает подобные утверждения. Действительно, некоторая война сделала черствыми, но огромное большинство вышло из испытаний, мечтая спрятать как можно глубже, в самые далекие тайники души, страшную сторону войны, всю ту жестокость, которую они обрели, обороняя собственную жизнь. Человек действительно закаленный, побывавший в боях зачастую оказывается психологически способен на большее благородство, нежели тот, кто не испытал этого, не получил такой закалки. Судя по тем книгам, что я прочел, Спиллейн никогда не был в настоящем бою и пытается вознаграждать себя писаниной. (Уже после того, как я написал письмо, я узнал, что во время последней войны он был военным летчиком, но оставался в Соединенных Штатах инструктором. Затем изъявил желание отправиться добровольцем в Корею, но получил отказ.)

Теперь я расскажу вам, что это за человек. Нет, не Микки Спиллейн, а его герой Майк Хэммер. Попытаюсь, если мне удастся, описать этого любимчика пятидесяти миллионов читателей, кумира молодежи.

Хэммер высокий, необычайно сильный физически человек. Его всесторонние физические совершенства не омрачает ни беспробудное пьянство, ни даже курение; он — стандартное, избитое явление. Майк совершенно неотразим для женщин, с которыми он сталкивается, его воздействие всегда одинаково: женщины жаждут физической близости с ним и часто добиваются этого. В тех книгах, что я прочел, полно подобных сцен, лишь две женщины составляют исключение. Первая — Велда, его секретарша и партнер женского пола; подробнее я расскажу о ней ниже.

Второе исключение — Шарлотта (из книги «Я — суд присяжных»¹). Эту Майк позднее убивает выстрелом в живот, улучив момент, когда она была безоружна. С обеими он обручается (в разных книгах) и со стандартным благородством (которого мы в других случаях за ним не замечали) отказывается спать с ними до свадьбы, несмотря на то, что обе страстно умоляют его об этом. Это душевное благородство до некоторой степени затмевается тем обстоятельством, что у Майка достаточно женщин, по отношению к которым он вовсе не должен проявлять благородства и действительно не проявляет его.

Все женщины имеют одинаковую внешность (за исключением Линды Холбригхт из романа «Однажды ночью», о которой говорится, что она некрасива). Все они молоды, обладают пышными формами, широкоплечи, их тело и ноги — совершенство. Они отличаются друг от друга лишь цветом волос и глаз...

¹ Вопросы о юридической виновности или невиновности того или иного лица и привлечении его к судебной ответственности решаются в США судом присяжных.

Спиллейн, этот оголтелый реакционер и мракобес, именующий себя писателем, самим названием своего романа — «Я — суд присяжных» — провозглашает «право» шпики Хэммера и его единомышленников самолично вершить правосудие, проповедуя тем самым необузданный произвол и беззаконие.

Аморальные писания Спиллейна прославляют презрение почти ко всем формам человеческой нравственности в законах и в жизни; его книги — это проповедь насилия и садистской жестокости, прославление культа кулачного права.

«Философия» хэммеризма выгодна определенным кругам Соединенных Штатов, она находится в полном соответствии с пресловутой политикой «с позиции силы», которую проповедуют многие американские деятели на международной арене.

Велда, секретарша, — своего рода Лилит, мечта незрелого мужчины¹. Она красива, обаятельна, вызывает желания, молода, отличается постоянством. Готова ждать своего мужа всегда и всегда будет желать его, даже если он вернется после приключения, в котором участвовали другие женщины. Она сердится на своего мужа лишь в том случае, если он забывает вытереть следы свежей губной помады.

В конце последней из прочитанных мною книг Велда собственноручно убивает двух мужчин. Она способна избить, избивает и увечит любого мужчину, который к ней некстати приблизится. В этих книгах разрешается некстати приближаться только женщинам, и приближаются они *лишь к Хэммеру*. Велда «сумела быстро скинуть туфель и проломить череп». Все, что говорит Майк Хэммер, — правда, правильно; именно так воспринимает это Велда, не требуя дальнейших доказательств. Потому-то я и назвал ее партнером Хэммера; ей не нужны никакие доказательства, достаточно того, что она сама так думает. Даже если Хэммер совершит насилие, в глазах Велды его поступок правилен, потому что так поступил *он*. Она разделяет все его взгляды на жизнь.

Каковы же эти взгляды?

В каждой из трех книг, которые я прочел, необходимо *отомстить*, не отступая от принципа «око за око, зуб за зуб». В книге «Я — суд присяжных» надо отомстить за убийство человека, который во время войны был другом Хэммера. В романе «Однажды ночью» мстят за убийство и похищение секретных документов, которые якобы совершили коммунисты². В третьей книге

¹ *Лилит* — первая жена Адама. В отличие от библейского мифа, каббалистическое предание утверждает, что у Адама до Евы была еще другая жена — Лилит, убившая из любви к нему всех своих детей и за это им отвергнутая. Лилит была превращена в демона, обуреваемого нимфоманией. Именно на последнее обстоятельство намекает автор, характеризуя Велду.

² Подобные выпады против коммунистов — одно из проявлений раздуваемой в США в послевоенные годы антикоммунистической истерии, которую правящие круги и силы реакции используют для наступления на прогрессивные и демократические слои американского общества, а также для оправдания гонки вооружений и политики «холодной войны» в отношении стран социалистического лагеря.

описывается месть за убийства и злодеяния членов банды, торгующей наркотиками. Во всех этих случаях Майк Хэммер берется за решение задачи отнюдь не с намерением предать виновного суду или отправить его на электрический стул; он должен *самолично* обнаружить, судить, осудить и убить этих людей, прежде чем они попадут в руки полиции. И не только это; он должен быть *сам* палачом своих жертв, столь же свирепым и жестоким, как свирепы и жестоки были, по его мнению, они сами.

Хэммер не скрывает этого.

Книга «Однажды ночью» начинается описанием невероятного возмущения Хэммера судьей, который открыто объявляет его убийцей. Голос этого справедливого судьи, по словам Хэммера, «звучал отвратительной ненавистью, потому что я имел разрешение на сыск, убил того, кто этого вполне заслужил, и он не мог ничего со мной сделать». Хэммер — частный сыщик с полицейским разрешением. Велда реагирует на слова судьи таким образом: «Пойдем отсюда, Майк. Я не выношу людей с ограниченным кругозором... Майк, этот судья — ублюдок. Ты замечательный парень».

Другая цитата из следующей части этой же книги обобщает «философию» хэммеризма, заключенную во всех трех книгах. Хэммер мысленно отвечает судье — Спиллейн печатает его размышления курсивом.

Речь в ней идет о людях, которые похитили секретные документы огромной государственной важности, но все сказанное может относиться также и к иным объектам мести:

«Мои внутренности словно сжаты в кулак, а голова трещит так, как будто в ней работает машинный цех. Все нити этой вшивой истории уже в моих руках, и я должен решать — я, Майк Хэммер!

Я уже сейчас действую в высших сферах. Речь идет уже не о примитивном, обычном убийстве. Я играл с настоящими парнями, а эти шутить не любят...

Великолепная картина, не так ли, судья, великолепная картина — мир в пламени? Вы, очевидно, один из тех нормальных людей, которые дрожат, читая газеты... Что вы себе думаете? Как, собственно, кража секретных документов могла явиться причи-

ной вашей собственной смерти? Что бы вы сказали, узнав, что я — единственный человек, который способен ее вовремя предотвратить? Ладно, судья, усаживайтесь спокойно в кресло и отдыхайте. У меня есть своя собственная небольшая философия. Вы сказали, что она плоха... Я не дам теперь ломаного гроша за человеческую жизнь, даже за свою собственную. Хотите слышать, что это за философия? Довольно простая. Хватайте их. Не сажайте в тюрьмы, не давите им благородных преимуществ демократического процесса, не ставьте их перед судом и законами... Дайте им испить чашу бесславной неожиданной смерти... Смерть — комичная вещь, судья, люди испытывают перед ней страх. Убивайте их направо и налево, покажите им, что мы в конце концов не так уж мягкотелы. Убивайте! Убивайте! Убивайте! Убивайте!..»

Это должна была быть сильная и ясная речь, но последние слова ее удивительно напоминают вопли взбешенного парня. Но Майк Хэммер не ограничивается провозглашением своей точки зрения лишь в собственных мыслях. Он высказывает их капитану полиции Пэйту Шамберсу в конце книги «Я — суд присяжных». Осмотрев труп убитого приятеля, Хэммер говорит:

«...Ради Христа. *Я не допущу*, чтобы убийца прошел через медлительный процесс судопроизводства! Знаете, что из этого получится? Ему дадут лучшего адвоката, какой только у них есть, растянут эту историю и сделают из него героя. Присяжные холодны и беспристрастны так по крайней мере предполагается, но какой-нибудь сопливый адвокат доведет их до слез, когда начнет рассказывать, что его клиент был в тот момент невменяем или что он должен был стрелять в целях самообороны. Пижон. Закон хорош. Но на этот раз закон — я, а я не буду ни холоден, ни беспристрастен... Вы солдат, Пэйт. Вас связывают правила и предписания. Кто-то стоит над вами. Я — сам по себе. В один прекрасный день — а он не за горами — у меня в руках будет моя дубинка и убийца окажется предо мной. Я взгляну в его лицо. Влеплю ему пулю в брюхо, а когда он будет издыхать, валяясь на земле, вышибу ему зубы».

И так во всех трех книгах. Майк многим стреляет в брюхо и многим вышибает зубы. Это скверные люди, они заслужили жестокую смерть. Скверные потому, что так утверждает Хэммер. Ему абсолютно неважно (и в этом он точь-в-точь сенатор Маккарти), что может произойти ошибка. Майк Хэммер имеет право ошибаться, и потому никогда ни перед кем не извиняется. Хэммер непогрешим, он — судья, присяжные и палач. Таким образом все права объединены в одном лице, и присяжные всегда придерживаются того же мнения, что и судья. Так достигается требуемое единство. А читатель выходит из дому убежденный, что выстрел в живот — самый простой способ борьбы против многих сложных несправедливостей.

Меня всегда раздражала глупость. Наивность вызывала усмешку. Эта усмешка была более или менее снисходительной. Книги Спиллейна глупы и одновременно наивны до невозможности. Но реакция, ими вызванная, очень серьезна, ибо она рождает такое чувство, что ты являешься врагом Майка Хэммера, а тем самым и врагом всех тех, кто раскупил 24 миллиона книг Спиллейна. Потому что Майк Хэммер — их *положительный* герой.

Я его ненавижу, хотя мне иногда начинает казаться, что его нельзя даже считать за противника, что он — комическая фигурка, нелепый, нагоняющий ужас резиновый паяц, игрушка для взрослых американских детей.

Но эта страшная и небезопасная простота слишком близка к реальной жизни.

Возможно, что книги Спиллейна привлекают молодежь своими сексуальными эпизодами, в которых безраздельно торжествует примитивное животное начало. Возможно, они привлекают молодежь еще и потому, что собственная жизнь не удовлетворяет ее, или потому, что она с гордостью приписывает себе выдающиеся качества Майка. Возможно и это.

Человек чувствует себя одиноким среди колоссального прогресса технической цивилизации. Цивилизация, безусловно, несет удобства, но ведь человеческая душа все еще продолжает существовать. Тот факт, что нравится Майк Хэммер, великий самец, при определенных обстоятельствах простителен. Но, боже мой, вы только взгляните, что за характер у этого человека!

Он смеется над нравами и правилами приличия и отрицает их значение, плюет на все законы, не только юридические, но и этические, нравственные, любит налетать и зверскими убийствами, всегда ставит свое личное суждение выше суждений других, особенно тех, кому правительство доверило охрану закона (законом он постоянно пренебрегает); слова «глупый» и «порядочный» Хэммер превратил в синонимы.

Все это (с некоторыми оговорками) — разновидность философии, которую в свое время проповедовал сенатор Маккарти: частное лицо может покарать преступника согласно своим собственным понятиям о справедливости, минуя обычные процессы и обычные, общепринятые ограничения... Для сенатора Маккарти все средства в борьбе с «подрывными элементами» оправданы, даже если это клевета на всех государственных служащих; нагромождение лжи, непоправимый ущерб, нанесенный невиновным, сенсационные необоснованные обвинения — все правильно, поскольку *он* считает это правильным. В Хэммере, как видите, отражен Маккарти, хотя маккартизм губит лишь карьеры и лишает работы, в то время как хэммеризм (быть может, это милосерднее) отнимает самое жизнь.

И тут напрашивается вопрос:

Что случилось с этой страной? Что изменилось в людях? Майк Хэммер, конечно, фикция. Это книжный герой, настолько бумажный, насколько может им быть книжный герой. Но его приняли, одобрили и даже полюбили.

Я задумываюсь вот над чем: а не может ли в один прекрасный день случиться, что мы будем вынуждены принять и одобрить подобного героя — такого же выдуманного, такого же бумажного, такого же бесчеловечного, такого же глупого — *в жизни*? Популярность Майка Хэммера показывает наивность Америки. Иногда мне кажется, что Майк Хэммер выставил свою кандидатуру в сенат, что он стал сенатором, будет губернатором, заседает в совете директоров, что он эксперт по вопросам внешней политики...

Кто знает Майка Хэммера, кроме тех, чей вкус уже перестает быть американским? И кто будет их слушать?

Не знаю, почему я пишу Вам это письмо. Сейчас меня охватил пессимизм. Я знаю, у Вас свои взгляды, и с Вами я не во всем согласен.

Вам будет не хватать в моем письме счастливого конца, выражения надежды и веры в будущее. Может быть, все это во мне есть, ибо я — человек, но всего два часа назад я отложил роман «Лобзай меня, чудовище».

У меня болит голова, и я все время задаю себе один и тот же вопрос: почему нравится Майк Хэммер? И нравится ли он лишь Америке?

Мне чудится, что Хэммер шагает по земному шару и в каждой стране имеет свое имя. Или вовсе его не имеет.

Хэммер — это произвол, а произвол не слишком пригоден для управления миром.

Скажу Вам правду: я ничего не боюсь. Лишь одно меня пугает: фашизм. В 1933 году я бежал из Германии. Во второй раз я этого не переживу.

Я верю, что в Америке такое невозможно. Верю, что бессмертный дух свободы живет в этой стране, несмотря на то, что в минуты слабости был сотворен Майк Хэммер, его револьвер и его мораль с позиции силы.

Искренне Ваш
Ч. Л.

СТАРЫЙ МИСТЕР РАБИНЕР

В субботу на Орчард-стрит все выглядит так, словно вы находитесь в маленьком галицийском местечке. В субботу, в полдень, мужчины возвращаются из синагоги. Отовсюду плывет аромат рыбы и свежееиспеченной халы, дети одеты по-праздничному; то там, то здесь мелькают косматые лисьи шапки и лапсердаки. За узкими окнами — белоснежные субботние скатерти, острый соус к фаршированной рыбе и подсвечники с оплывшими свечами. И все это по соседству с пылающим шпилем «Эмпайр стейт билдинг», достигающим небес. Перед домом стоит большой, последнего выпуска кадиллак; дом такой облившийся, замшелый и ветхий, что синий сверкающий лимузин выглядит оскорбленным таким соседством.

Вот какова Орчард-стрит!

Возле кадиллака собралась толпа. Не потому, что это роскошный автомобиль — на такие вещи на Орчард-стрит не обращают внимания: в конце концов это все-таки американская улица. Но автомобиль приехал в субботу, в день, когда верующие не смеют даже зажечь спичку или носить часы.

— Кто приехал? — спросил тщедушный горбатый человечек в фетровой шляпе.

Кто-то пояснил, что приехал Ирвинг, сын Хаима Рабинера.

— Тот самый, у которого фабрика булавок? — сказал горбун.

— Когда говорят «Ирвинг Рабинер», то не может быть и речи о булавках, — тоном посвященного заявил человек с редкой бородкой.

И все закивали в знак согласия. Что общего у Ирвинга Рабинера с булавками?!

— Зачем он приехал? — снова спросил горбун.

В толпе удивились, откуда он взялся, почему ничего не знает. Потом кто-то объяснил, что горбуна зовут Каган, у него слабоумная сестра, сам он сапожник и живет здесь неподалеку, за углом.

— Если он живет за углом, — удивился тот, с бородкой, — то почему же он ничего не знает?

— Я выхожу на улицу, — ответил горбун, — только в пятницу вечером и в субботу утром.

Ему рассказали, что умерла старая Рабинер.

— Ой вей, — опечалился он, — ведь только в прошлую пятницу я чинил ей туфли!

Но тут все умолкли, потому что из дома вышел респектабельный, начинающий лысеть мужчина с ярким галстуком, какие носят преуспевающие люди. В толпе раздались громкие приветственные восклицания.

— Now age you, boys, — ответил преуспевающий Ирвинг, благосклонно махнул рукой с массивным перстнем и сел в кадиллак. Из дома показался седенький благообразный старичок, отец Ирвинга. Сын еще раз махнул рукой, включил мотор и уехал.

— Разве сын Хаима Рабинера должен в субботу ездить на машине? — горестно спросил горбун.

— Помалкивайте! — взъярился человек с редкой бородкой. — Если бы он не был угоден Господу Богу, то не владел бы фабрикой. Вы не ездите по субботам на автомобиле потому, что у вас его нет! Что вы хотите? И что вы вообще можете знать, если выходите на улицу лишь утром в субботу?

— Мистер Брейтенбах, не заводите ссор у дома, в котором траур, — с достоинством ответил горбун и выбрался из толпы.

А старый Рабинер стоял и молчал. У него светло-голубые, всегда слезящиеся глаза и трясущийся подбородок.

— *Ой вей из мир*, — шепчет он, — кто же мне теперь будет готовить?

ЖЕНИТЬБА, ИЛИ КАК ВАМ ПРАВИТСЯ МЭРЛИН?

Выяснилось, что парикмахер Джованни Маруччо собирается жениться на горничной Бетти. Как они познакомились и как развивалась эта любовная история, осталось неизвестным, только Маруччо стал круглее лицом, помолодел и казался слегка смущенным.

— Итак, вы все-таки решили жениться? — спросил я не без ехидства.

Он держал себя теперь гораздо сдержаннее и намыливал меня молча. Я спросил Джованни о его бывшей невесте.

— Мы не подходим друг другу, — пробормотал он неохотно, — разные натуры, понимаете?

Потом усмехнулся той неприятной напускной усмешкой, которой пытаются оправдаться перед самим собой.

— Ведь я еще совсем не видел жизни, — пожаловался он, — а мне скоро шестьдесят. Скоро шестьдесят, сэр!..

Синие, красные и белые спирали безостановочно убежали куда-то в бесконечность, откуда, казалось, нет возврата. Но это были все те же самые синие, красные и белые полосы — и они вовсе никуда не убежали, а только вились вокруг столбика.

Когда наше молчание стало слишком долгим для традиций этого заведения, в Джованни вдруг победила итальянская экспансивность и он воскликнул:

— Я послал ей письмо, сэр!.. Я не могу всю жизнь заботиться о калеке! Я тоже хочу счастья!..

А потом, успокоившись, добавил:

— Мне нужна диета.. И грелка к ногам, сэр!

Его заведение было разукрашено. Здесь висели картины, вырезанные из бульварных журналов, обольстительные танцовщицы из кабаре. Позолота казалась

слишком грубой в сравнении с поэзией синих и белых полос.

— А как вам нравится Мэрлин? — неожиданно интимно спросил Джованни. — Вот это класс, не правда ли?

Он имел в виду артистку Мэрлин Монро, модное тело Америки.

Обмахивая меня метелочкой, он опять пробормотал:

— Не могу же я всю жизнь заботиться о калекке, сэр...

ПО ДОРОГЕ НА КОНИ-АЙЛЕНД ¹

В подземке, которая везла нас на Кони-Айленд, была воскресная сутолока, и большие вентиляторы под потолком не успевали осушать пот на коже пассажиров. Пассажиры были праздничные, выпавшие до румянца в лице или вконец заspanные, — словом настроенные на «день седьмой», который удался, был золотисто-желтым, с теплым ветерком и надеждами на прекрасный вечер.

Мы сидели с доктором К., немного помятые, но довольные, как и все иностранцы, которым представилась возможность хотя бы на минутку пожить жизнью местных жителей.

Напротив нас расположились два чересчур веселых парня в одинаковых бледно-розовых галстуках. Рядом с ними сидел маленький угрюмый человечек и читал еврейскую газету. Человечек время от времени укоризненно поглядывал на шумливых парней, а парни, замечая это, отвечали на каждый его взгляд новым взрывом неудержимого хохота, который заставлял человека прятаться за огромный, словно простыня, газетный лист. Один из молодых людей рассказывал о том, что они были на вечеринке у Джейн, и о том, что там происходило: как они швыряли бутылки в окно и как какому-то Стетсону вlepили в глаз бутерброд с яичным паштетом.

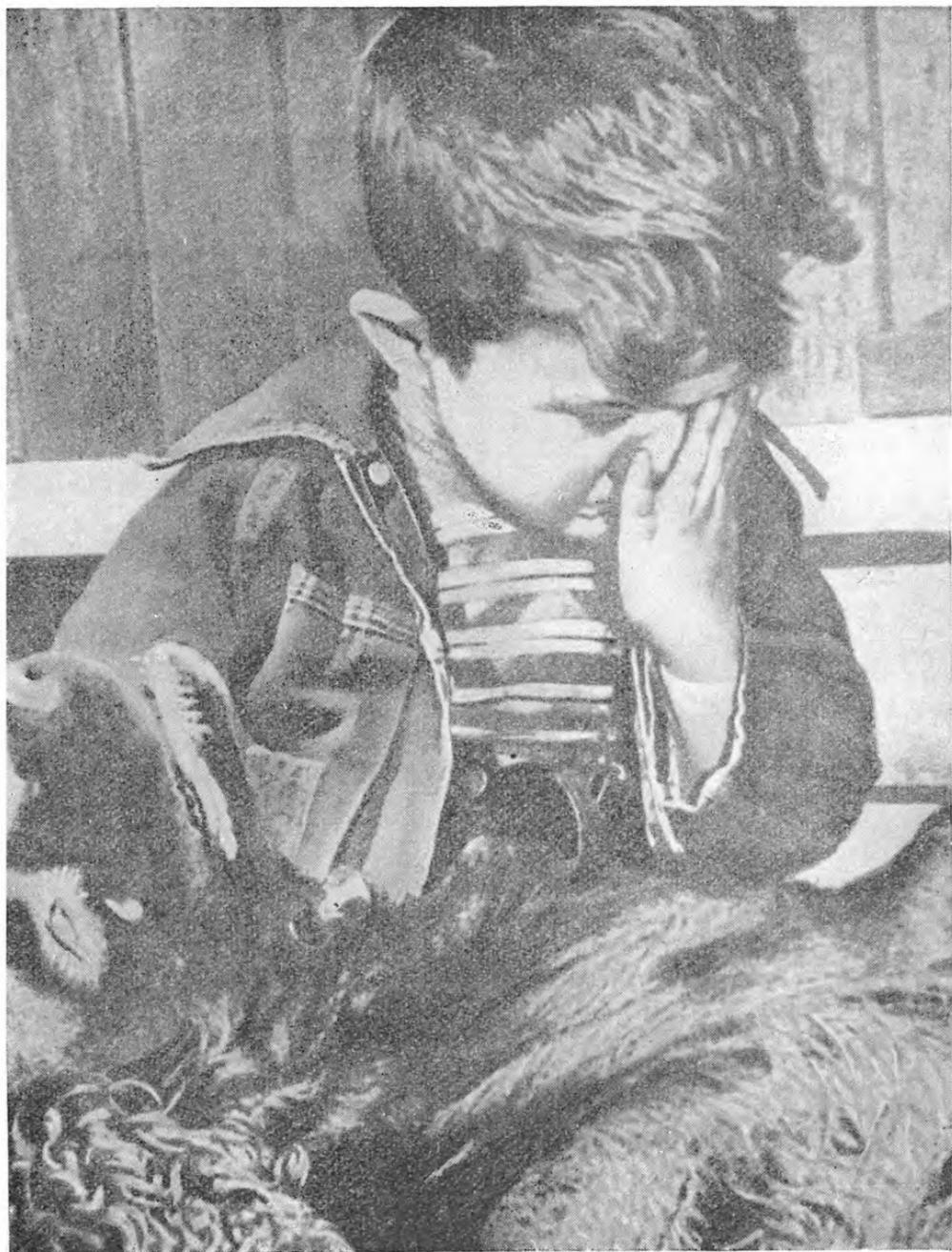
— Говорите, пожалуйста, тише, — осмелился вдруг человечек с газетой, — вы ведь тут не одни!

— Закройте плеватьельницу, пока вам ее кто-нибудь не разбил, — ответил тихим, многообещающим голосом один из обладателей бледно-розовых галстуков.

Этого было достаточно. Человек с газетой умолк и лишь раз взглянул с каким-то удивленным, болезненным испугом на нас, свидетелей этой сцены. А сабвей ² про-

¹ *Кони-Айленд* — остров близ Нью-Йорка, любимое место отдыха и развлечений нью-йоркцев.

² Нью-йоркское метро.

должал громыхать. На одной из станций вошла старая негритянка с большой корзинкой. Мой спутник, как истый пражанин, предложил ей место. Но женщина не села. Она заволновалась и с окаменевшим лицом отвернулась к серому окну.

— Садитесь, — еще раз вежливо предложил ей добрый д-р К.

Она снова отказалась и окинула его быстрым недобрчивым взглядом.

Парней в бледно-розовых галстуках эта сцена рассмешила до такой степени, что один из них, прямо-таки захлебываясь от хохота, стал выкрикивать:

— Господи, парень, да я подохну!

Он похвалил д-ра К., и его круглые глаза выражали восторг:

— Вы молодец, старина! Самый замечательный комик, какого я только знаю! Молодчина... Вас еще не показывали по телевизору?

Равнодушные пассажиры сабвея начали проявлять любопытство, и лишь негритянка, нахмурившись, с побелевшими губами, смерила нас долгим взглядом, в котором светились и презрение и стыд. Она вышла на первой же станции.

А сабвей продолжал громыхать.

Человек с огромной газетой не сдержался и сказал нам:

— Вам бы следовало помнить, сэр, что негры — тоже люди. Мы не на Юге. В Нью-Йорке порядочный человек издеваться над неграми не станет.

Ни один из нас не сумел толком объяснить, что это был лишь хороший обычай пассажиров пражского трамвая, которого мы особенно строго придерживаемся за границей...

Но парни снова разразились громким хохотом.

— Вы великолепнейший комик, какого я только знаю! — заявил еще энергичнее розовый галстук. — Я не отказался бы жить с вами в одной квартире, дружище. Нам обоим это было бы полезно! И еще на девочек хватило бы!

И вдруг лицо его приняло злобное выражение. Он повернулся к человеку с газетой и заявил:

— А ты лучше не суйся, хитрая лиса!.. Не отравляй здесь, в сабвее, воздух, нахальный еврей!..

„ОН К ВАМ РАВНОДУШЕН!“

Песчаный пляж на Кони-Айленд в это воскресенье был пустынным. Стало прохладно; в Сентрал-парке облетают первые, не успевшие еще пожелтеть листья, океан сумрачен. И ласкают нас мерцающие, унылые лучи солнца, лучезарная, но горькая улыбка бабьего лета...

Бруклинцы вышли на воскресную прогулку к Атлантическому океану. Здесь, как обычно, совершают семейные гулянья те, у кого нет денег для загородных пикников. Обычная воскресная нью-йоркская церемония, однообразное, но вместе с тем бурное празднование дня, когда можно и погулять на Кони-Айленд и поспать.

Добрый день, славные простые люди Бруклина!

Мне очень нравится, например, та черноволосая дама в алом плаще. И ее муж, пожалуй, тоже, — правда, с некоторыми оговорками — и его тесть с тещей. И одинокий сосед с улицы. Что у вас сегодня к обеду, добрые люди? На какой кинофильм вы собираетесь? Мне очень приятно, что вы довольны, что до меня долетает ваш смех и говор, хотя я не вполне его понимаю...

Какую газету вы читаете? Я вижу, что вы верите в прочную неизменность своей жизни. Вы, наверное, скопили деньги на случай, если кто-нибудь заболит и придется обратиться к врачу. Возможно, вы собираетесь даже приобрести автомобиль в рассрочку... Желаю вам всех благ, на меня не обращайтесь внимания, я всего лишь иностранец, я просто греюсь на скамеечке здесь, на Кони-Айленд.

Когда я смотрю на вас, милые незнакомые люди с Бруклина, я счастлив, и вместе с тем мне горько. Почему? Не знаю, не хочется портить вам воскресный день. Наверное, оттого, что вас так много, но вы очень походите друг на друга — хотя бы даже тем, что не хотите поверить этому.

Я знаю, вы — американцы. Ну что ж, на здоровье.
Не обижайтесь на меня, счастливого воскресенья!
На вас хорошая яркая стандартная одежда, друзья.
Влюбленные, приехавшие на Кони-Айленд, отправляются в Луна-парк. Здесь есть все для тех, кто желает испытать свою судьбу: и автоматическая бабушка, которая за десять центов довольно изящно выплюнет билетик с гороскопом, и аттракционы, где можно измерить силу, любовь, коммерческий талант. Простым нажатием кнопки эти приборы обнаруживают скрытые силы человеческого индивидуума. Есть машина для честолюбцев: за небольшую мзду она выгравировает на кусочке мягкого металла имя, дату рождения—все, что вам будет угодно. Это подобие медали удовлетворит ваше тщеславие незаметно и без всякой лести.

Мы обнаружили здесь также аппарат автоматической звукозаписи. За двадцать пять центов вы можете напеть песню или наговорить речь, которая, собственно, ни для кого не предназначена. Рядом стоит фотоавтомат — сам снимает, сам проявляет, сам продает.

В большом зале с этими автоматическими развлечениями было всего двое посетителей. Рассеянный паренек лет четырнадцати в пестрой рубашке, непрерывно жующий резинку, и девочка итальянка, очень влюбленная в него. Оба стояли у аппарата — он всего за десять центов определяет силу любви. Стоит только нажать роковую кнопку — и зажжется стеклянное оконце с надписью:

— *Ложь!*

Или:

— *Он к вам равнодушен!*

А может быть:

— *Мадам, поздравляем, вы любимы!*

Мальчик в пестрой рубашке нажал кнопку, и итальяночка устремила на оконце затуманенный влажный взгляд.

Оконце сказало:

— *Он к вам равнодушен!*

Но девочка улыбнулась доверчивой счастливой улыбкой, и были в ее взгляде одновременно такая печаль, такая тревога и страстная мечта, что юное свежее личико вдруг показалось мне необычайно искушенным. Это была женщина.

Потом они оба вошли в кабину, где можно было всего за двадцать пять центов записать на пластинку собственный голос. Мальчик наговорил такое послание:
«Дорогая Мария!

Я хотел бы, чтоб ты стала манекенищицей и зарабатывала много денег. Поверь: когда-нибудь мы обвенчаемся в церкви. Ты будешь вся в белом, с белой сумочкой и букетом белых роз».

Девочка наговорила такой ответ:

«Фрэнк!

Мне очень хочется, чтобы ты всегда верно любил меня. Я знаю — ты нехороший, но все-таки будь всегда моим».

Потом они ушли, держась за руки, — девочка с затуманенным взором и мальчик, беспокойный, рассеянный, пресыщенный. Это были дети Бруклина.

ПАБЛИСИТИ¹

Было воскресное утро, и мы с К. отправились на Бэттери. Здесь, неподалеку от океана, запущенным, грустным садиком начинается Бродвей.

В этом садике (как и в любом ином) множество скамеек, а на скамейках (как и во всех парках мира) сидят люди. Но у этого садика есть одна особенность: в нем совсем нет детей. Это сад для взрослых — без мамаш, без колясочек, без разноцветных мячей и песка. Садик на Бэттери напоминает приемную несуществующей амбулатории: кажется, что сейчас где-то откроются какие-то двери, выкрикнут чье-то имя, и кто-то поспешно встанет... Но слышится лишь рокот близкого океана. И люди здесь какие-то особенные — загадочные, бледные существа со сложенными на коленях руками: негры, спящие сидя, неудобным дневным сном; старые женщины с лицами, словно высеченными из камня; тощие нервные подростки, дерзкие и озлобленные.

Это приемная для всех тех, кто ждет всего и ничего.

На одной из скамеек было свободное место. Здесь сидел один-единственный спокойно дремлющий человек в соломенной шляпе, опущенной на глаза. Было жарко, и по его лицу катился пот.

Он проснулся, пожевал сухими губами фиолетового оттенка, какие бывают у людей с больным сердцем, оглядел нас без всякого интереса и, скорее по необходимости, чем по желанию, завел разговор:

— Как поживаете, boys? — спросил он. — Вам плохо живется, ребята, а?

Было жарко.

— Та-а-к, — протянул человек, — можно и помолчать. Я не из навязчивых, ясно?

¹ Широкая реклама (англ.).

Наступило молчание.

— Вы, наверно, думаете, что я невесть кто, — сказал он после долгой паузы. — Ведь думаете, молодые люди, признайтесь? Я ведь знаю, какой у меня вид. Но внешность еще ни о чем не говорит. Вы можете выглядеть как угодно, но Америка должна вас знать.

Он вытащил потрепанный бумажник и порылся в нем. Нашел старую подклеенную вырезку из газеты, которую, вероятно, уже много раз разворачивал и складывал. На ней была изображена наполовину стершаяся фотография и коротенькая записка, гласившая, что Х. К. Браун в сорок девятый раз изгнан из города Майами по указу правительственного комитета, пекущегося о гражданах без постоянного места жительства. Бродяга Х. К. Браун, сообщалось далее, был выдворен за черту города. Там он заявил:

«На будущий год я приеду сюда в пятидесятый раз. Пусть город за свой счет угостит меня тогда чашкой кофе».

Этим газетное сообщение заканчивалось.

Пока мы просматривали газетную вырезку, человек на скамейке держался скромно и торжественно, как начинающий поэт, который принес в редакцию свои первые стихи в полной уверенности, что еще никто и никогда лучших стихов не писал.

Потом он осторожно забрал у нас вырезку, заботливо положил в бумажник и неожиданно расплылся широкой детской улыбкой.

— Вот видите, ребята, — сказал он, — никогда не знаешь, с кем сидишь рядом. Я не похож на человека, о котором пишут в газетах. Я это знаю. Но можно выглядеть совсем обычно, а иметь паблисити. А вы знаете, что в этой стране означает паблисити? Я скажу вам, что это такое: это — все!

Больше он уже не разговаривал и вскоре снова уснул.

За скамейкой рос тамариск, бог знает, кто его здесь посадил. У него были хрупкие веточки и нежно-зеленая легкая кисея листвы.

Здесь начинается Бродвей — широкий светлый путь.

КОВЕР КОРОЛЕВЫ ЕЛИЗАВЕТЫ

Горничная Бетти наконец действительно выходит замуж, но страстное желание сделать этот шаг борется в ней с неуверенностью. Она даже написала письмо знаменитому Крисвеллу, который дает советы женщинам. Во вчерашнем номере «Нью-Йорк инкуайрер» появился ответ:

«Дорогая Бетти!

Вы пишете, что Ваш будущий муж — парикмахер и Вам кажется, что он способен изменить и Вам, если смог оставить прежнюю невесту, с которой был много лет помолвлен. Я знаю, дорогая Бетти, эта мысль Вас не оставляет и омрачает отношения с будущим мужем. Но я хотел бы обратить Ваше внимание, дорогая Бетти, на то, что эротические излучения, исходящие от женщин с серьезным физическим уродством, снижаются на пятьдесят-девяносто процентов! Вы не можете упрекать своего будущего мужа в том, что нравиться ему, а он нравится Вам. Дайте ему все, что только может дать женщина мужчине. Но будьте осторожны во второй половине января 1956 года, когда он с друзьями отправится в итальянский квартал и напьется вина «Слезы Христа».

Оно оказывает возбуждающее действие».

— Что вы на это скажете? — спросила меня Бетти.

— Ничего, — ответил я, — в январе будьте осторожны.

— Крисвелл — пророк! — подтвердила Бетти.

Она узнала, что одна из фирм на Шестой улице продает точно такие же ковры, как тот, по которому вступила на американскую землю английская королева Елизавета во время своего недавнего визита в Нью-Йорк.

Сегодня днем Бетти пойдет покупать такой ковер, он стоит всего двадцать долларов. Пока она будет венчаться в церкви Санта-Мария, ее соседка, миссис Томпсон, расстелет ковер в ее квартире. К сожалению, Джованни может не обратить внимания на этот ковер — он так рассеян. В таком случае Бетти устроит ему супружескую сцену, она это уже твердо решила, ja, mein Herr.

Она рассказала, что королева Елизавета посетила негритянскую церковь в Гарлеме и одарила детей конфетами.

— Королева беседовала с каждым негром, — сообщила Бетти. — А с какой непринужденностью она носит свое бриллиантовое ожерелье! Говорят, оно стоит дороже, чем Рокфеллер-центр! ¹

И добавила мечтательно:

— У нас будет точно такой же ковер.

¹ *Рокфеллер-центр* — комплекс зданий-небоскребов в Нью-Йорке, где помещаются крупнейшие банки и конторы важнейших фирм.

ЕЩЕ РАЗ БЕРЕЗЫ

Вчера в книжном магазине на Мэдисон-авеню я обнаружил репродукцию старой русской картины «Березы». Деревья стояли среди синеватых глубоких сугробов в убогой деревеньке. Это было прекрасно и стоило доллар.

А так как нужно было уже подумать о прощанье с мистером Купфербергом, березы мне неожиданно пригодились. Я принес их и вручил мистеру Купфербергу. Тот обрадовался, как ребенок.

— Прелестная картинка, — сказал он растроганно, — я повешу ее на киоск.

Мы распрощались между стопками журналов «Лайф» и «Лук», сердечно пожав друг другу руки. Возможно, мы и расцеловались бы, не помешай нам врожденная застенчивость. Неподалеку зажглась электрическая лампочка светофора, и пестрый киоск стал неожиданно похож на маленький сверкающий Таймс-сквер: великолепные краски обложек заискрились синим, зеленым и фиолетовым цветом, и минутами казалось, что знаменитая балерина Зорина сейчас соскользнет с обложки «Лайфа» и сделает пируэт на кипе свежих номеров вечернего выпуска «Нью-Йорк пост».

И вдруг весь киоск погрузился в тонкий зеленый туман. Это загорелись сигналы, разрешающие движение. Поток автомобилей пришел в движение — сплошной блеск черного лака и стекла. Балерина Зорина скромно исчезла в потемневшем «Лайфе». Большой заголовок на «Нью-Йорк пост» превратился в неразборчивую строку. А непрерывная вереница автомобилей ринулась к следующему красному сигналу, чтобы там остановиться.

На следующей неделе окончится триумф балерины Зориной, она пропадет с обложек «Лайфа», и в воскре-

сенье немногие будут помнить, что́ было сенсацией в минувший четверг. Ведь даже модели автомобилей здесь меняются каждый год.

Вот почему бескрайняя степь в снегу и две белые скромные березки казались особенно прекрасными. Это была поэзия, которую не развеет ни время, ни сигналы светофора.

ДО БЕСКОНЕЧНОСТИ — НЬЮ-ЙОРК

Все те же прогулки, те же улицы. До бесконечности — Нью-Йорк. Бурые от времени дома, ржавые пожарные лестницы, гладильня, бар, химическая чистка, бар...

О боже, какая же это была улица?!

Перед старым домом стоит автомобиль с прицепом, он выкрашен крикливой травянисто-зеленой краской. За рулем сидит чудаковатого вида человек, нервно жующий сигарету. А на тротуаре перед домом беспомощно стоит женщина, держа в руках старомодный деревянный стул. Вот она заботливо укладывает его на прицеп, а человек за рулем, не удостоив ее даже взглядом, небрежно бросает:

— Ты уже совсем готова, Джейн?

— Да, совсем готова, — отвечает женщина.

— Мебель уложила? — спрашивает мужчина, иронически подчеркнув слово «мебель».

— Да, дорогой, — вздыхает она, — вся мебель уложена.

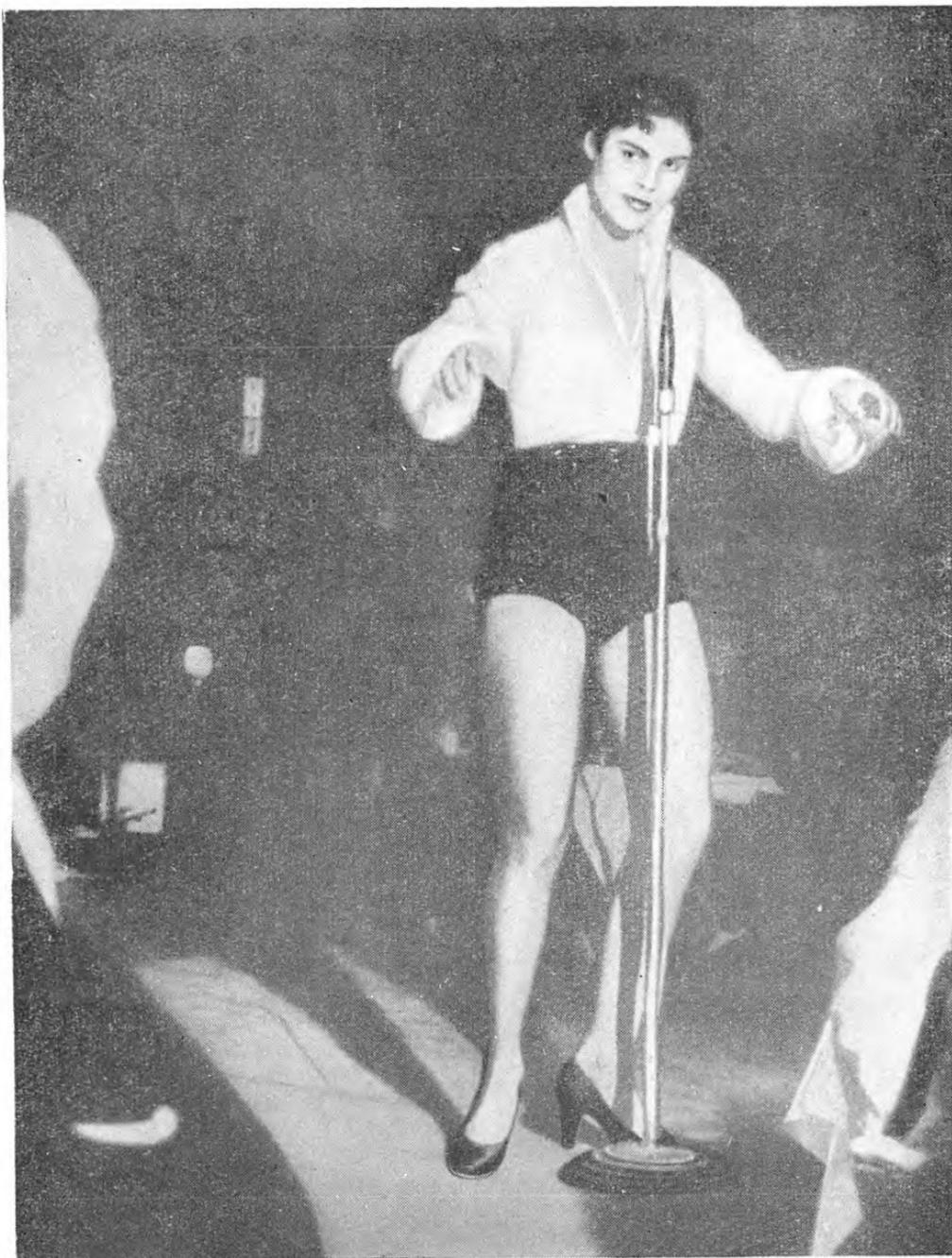
— А где убудки? — спрашивает человек за рулем.

— Дети сейчас придут, отец, — отвечает она, — сейчас придут, только простятся.

Вскоре из ворот дома, перед которым стоит этот живописный автомобиль, выходят дети: мальчик лет двенадцати и крохотная девчушка с лоснящейся косичкой. За ними высыпали соседи: две старые женщины, однорукый юноша пуэрториканец с серьезным оливковым лицом и старый еврей в черном халате и круглой шапочке на голове.

— Ну, — говорит еврей в шапочке, — бог с вами, Майк. Да пошлет вам господь жизнь полегче!

— Какой бог, — спрашивает мужчина из автомобиля, — ваш, еврейский? Или католический?

ЗРИТЕЛЬНЫЙ ЗАЛ.

Женщина тем временем прощается со всеми соседями. К ней подошла одна из старух и поцеловала ее, а затем, немного неловко, обнял человек в черном халате.

— Не лижись с моей старухой, паршивый еврей! — с серьезным выражением лица кричит мужчина из автомобиля.

— Перестань, Майк, — сказала женщина устало. — Мистер Перельман устроил для нас сбор и принес одиннадцать долларов на дорогу.

— Хорошо, — раздается из машины, — тогда поцелуйтесь!

Все это время однорукый пуэрториканец молчит. Лишь раз он едва заметно, но как-то по-особому грустно улыбнулся женщине. Ее опущенные руки были белы, почти прозрачны, и, как это часто бывает, мы слишком поздно поняли, что для кого-то только что кануло в вечность одно из тех мгновений, которое хотелось бы задержать навсегда.

— Ну, иди же, Джейн, поедem наконец, — позвал человек из автомобиля.

В машину влезли дети, и мотор затарахтел. Женщина привычно, словно была на кухне, сделала движение, будто вытирает руки несуществующей тряпкой. Но уже больше никому не подала своей бледной руки.

И они уехали. Соседи разошлись по домам. Лишь однорукый пуэрториканец продолжал стоять, прислонившись к стене; его темное лицо на мгновение озарил бледный свет неона.

Какая это была улица?

Боже мой, какая же это была улица?!

ГОДОВЩИНА

Горничная Бетти после обеда ходила к отелю «Уолдорф Астория» посмотреть на Конрада Аденауэра — ему вчера присвоили почетное звание доктора Колумбийского университета. В этом отеле была назначена его встреча с Гербертом Гувером. Бетти осталась довольна видом обоих пожилых мужчин; она говорила, что у них смелый взгляд и выхоленные руки. Аденауэр в молодости, вероятно, выглядел аристократом, а Герберту Гуверу не дашь его преклонных лет.

Я спросил, для чего, по ее мнению, эти двое встретились.

— Вы нескромны, как американец, — с оттенком интимности сказала она. — Мы, европейцы, не интересуемся личной жизнью своих ближних.

Газеты писали, что Конрад Аденауэр пригласил Герберта Гувера посетить Бонн. Герберт Гувер отправится туда на личном самолете президента Эйзенхауэра. Гуверу восемьдесят лет, и со времен грандиозного кризиса 1929 года он не появлялся ни на политическом небосклоне, ни в ближайших к нему сферах. Двадцать пять лет назад Белый дом был резиденцией Герберта Гувера, а вчера в одной из местных газет появилась заметка о речи, произнесенной им при вступлении на пост президента.

«Америка, — говорил он тогда, — в настоящее время ближе к окончательной победе над нищетой, чем какая-либо иная страна в истории человечества. Мы достигли высшей ступени жизненного уровня, какую только знала мировая история. И нет такой страны, где бы нажитый капитал имел такую гарантию!»

Несколько месяцев спустя мир был погребен под развалинами нью-йоркской биржи, и в обиход вошло выражение «черная пятница».

Вскоре Гувер был предан забвению — на сцене появились новые оптимисты.

Нынче он снова здесь — старенький, улыбающийся толстячок, гигантский спрут бизнеса!

— Я еду в Германию, — говорит Гувер, — у меня там старые торговые связи.

У него, конечно, добрые намерения, ведь он ходит в церковь и помогает вдовам. На фотографиях Гувер изображен с канцлером Аденауэром: сияя дипломатическими улыбками, они держат друг друга за руки.

Оба так долго прожили на нашей планете, что невольно в голову лезет мысль о бессмертии.

Прошло двадцать пять лет с того дня, как появилось выражение «черная пятница». Огромный зал биржи с тех пор ничуть не изменился. Лишь иные руки отмечают на белой бумаге курс акций. Бумажки кружатся, словно снег, и снова чьи-то руки поднимают их, — такие же нетерпеливые, охваченные все той же лихорадкой. Падают бумажный снег, опасный, тихий, белый снег... В один прекрасный день он снова засыпет двери и окна этого дома.

И кто-то в какой-то комнате будет сидеть за столом и, как тогда, достанет из ящика револьвер, как тогда, зарядит его...

Вчера мы смотрели старый киножурнал, снятый еще в 1929 году. Фильм был короткий, на полотне ничего особенного не происходило, лишь в громадном зале биржи комично метались люди — из конца в конец, из угла в угол, отчаявшиеся, всклокоченные, потные...

Поверьте: это выглядело гротескно, во всяком случае, так казалось; картина была старая, и люди на полотне только и делали, что очень быстро и всегда безрезультатно с кем-то о чем-то говорили.

Они, вероятно, кричали, но фильм был немой.

СЛЕЗЫ

Брайан нашел работу и вновь ее лишился. Три дня он работал статистиком в какой-то мыловаренной фирме, потом, как это в таких случаях обычно бывает, его вызвал к себе важный господин и имел с ним тот вежливый, хотя и в высшей степени неприятный разговор, из которого явствовало, что правление изменило свои намерения и что Брайан, к сожалению, хотя, вероятно, временно, должен оставить службу в их фирме.

— Что вы, собственно, натворили? — спросил затем конфиденциально важный господин.

— Ничего, — ответил Брайан, — я всего лишь пытаюсь оставаться американцем.

Респектабельный господин пришел в замешательство и заявил, что уважает факты, но отнюдь не пропаганду.

Мы поджидали Брайана до полуночи. Божка волновалась и все ждала телефонного звонка. Несколько раз телефон действительно звонил, но кто-то неизменно, не говоря ни слова, вешал трубку.

— Это уже не в первый раз, — сказала Божка. Она была одета кое-как, и казалось, вот-вот разрыдается.

Наконец Брайан вернулся. Он был неестественно весел, пил джин и варил черный кофе. Вскоре дело дошло до обмена мнениями, и супруги поссорились из-за книги о национальной экономике, которую Брайан недавно написал и передал в издательство. У издательства были свои, совершенно определенные взгляды. У Брайана — свои.

Божка заявила ему, что денег хватит лишь до будущей недели, что они задолжали за детский сад, что, конечно, политические убеждения — хорошая вещь, пока у детей есть чем пообедать, что она тоже идет на компромиссы, которые ей раньше и не снились, и что вообще она несчастна.

— У меня жена мещанка, — пошутил Брайан, вызвав этим у нее слезы.

— Я тебя люблю, — всхлипывала Божка, — за все, и даже за твое упрямство. Но мне тоже хочется жить по-человечески.

— Любой ценой? — спросил он.

— Ах, оставь, пожалуйста, какая там цена, — ответила она. — Другие делают вещи похуже. Напиши так, как они хотят, и поедем отдыхать.

Брайан пообещал завтра же начать писать и пойти за авансом. Но все мы засмеялись, так как было совершенно ясно, что и писать он ничего не станет, и за авансом не пойдет.

Проснулся маленький Дэйв, выбежал из спальни бо-сенький, в голубой пижамке и спросил сонным голосом, почему всюду горит свет, когда уже утро.

Ему сказали, что утро еще не наступило, что еще ночь.

Было видно, что эти двое очень любят друг друга и что сейчас им никто больше не нужен. Они пели песни: старую американскую, еще времен Гражданской войны, — «Когда Джонни возвращается из похода домой», и песню Бёрнса «Давным-давно», и ту, что начинается словами «Выпей за меня лишь взглядом», и испанскую «Четыре генерала», и «Полюшко-поле»...

Устами этого простого американца Брайана и его жены, чешской женщины Божки, пела мне сама Америка, и слезы навернулись на мои глаза...

ПИСЬМО

«Дорогой друг!

Как ты и сам знаешь, случается иногда, что человек пишет письма просто так, для себя. Это когда он заранее уверен, что никому эти письма не отправит. Просто иногда нас неожиданно охватывает желание, так, без всякого повода, написать кому-нибудь длинное послание, хотя мы подозреваем, что тот, другой человек, так называемый адресат, будет удивлен этим; может статься, что его тревожат долги или дети больны корью... Поэтому такое письмо лучше всего написать, но на почту не относить. Уместнее послать коротенький теплый привет.

Итак, дорогой друг, книгу свою я заканчиваю. Впрочем, это не совсем так. Могу тебе признаться, дорогой друг: я не дописал ее, потому что мне вдруг захотелось закончить ее немедленно, без колебаний и размышлений. Мне показалось, что я бренчу все на одной и той же струне, а для настоящей музыки этого недостаточно. Я неожиданно понял, что из всех красок пестрой американской радуги на долю скромной палитры «Бабьего лета» досталось лишь несколько серовато-коричневых оттенков, а этого мало...

И вообще я, собственно говоря, писал книгу не об Америке. Я писал о том, как мне, одинокому чужестранцу, было грустно в неприветливом городе Нью-Йорке. Быть может, мне было грустно просто потому, что я вообще бываю печален, — и не только над Ист-Ривер, но и на берегах Влтавы.

Мне было нелегко уже хотя бы потому, что время неблагоприятствовало даже менее неистовым репортерам. Это была странная поездка: не столько поиски людей и событий, сколько блуждания по улицам, которые все казались мне одинаковыми. Более того, мне приходи-

лось оглядываться, не следует ли за мной кто-нибудь. Ведь тебе хорошо известно: это было время подозрений.

Итак, я лишь регистрировал мимолетные взгляды, понятые с трудом английские фразы и случайные встречи. И мне оставалось лишь разложить эти крупинки — серые, черные, белые... И добавить немного фантазии.

Поздними вечерами я предавался своему любимому занятию: смотрел с высоты своего отеля на огненную мозаику окон — нью-йоркскую галактику. Одно созвездие сменяло другое, за близкой звездой я видел тысячи дальних. Млечный путь неона, огни улиц, на которых я никогда не был.

Однажды мы смотрели на город вместе с тобой.

Я вспоминаю тот вечер на пристани, среди соленых ароматов моря. Перед нашим взором сверкал Нью-Йорк. Он походил на мозаику с сюжетом «Вселенная». Это было волнующее и по-своему неповторимое зрелище. Я не могу подобрать иных слов, чтобы определить владевшее мною тогда чувство, кроме слов «электрическое волшебство».

И глядя на эти огни — лицо твое было скрыто в тени набережной, — ты сказал:

— Я завидую тебе — ты не живешь в Нью-Йорке.

А потом ты заговорил о жестокости жизни, о материальных ценностях и их соотношении, о том, как трудно жить человеку с простым человеческим сердцем на этом железобетонном ринге. В ту ночь, среди моря огней ты ощущал страх за разум своих детей. И я понял причину твоего страха, ибо за те короткие месяцы, что я провел в этой стране, я уже стал немного разбираться в сложном характере ее поспешно созданной цивилизации. Но вдруг я поймал себя на том, что недостаточно внимательно слушаю тебя. В ту минуту сверкающий огнями Нью-Йорк нравился мне больше, чем все, что я видел когда-либо раньше. И, стоя лицом к лицу с этой светящейся мозаикой, горящими контурами небоскребов и летящими арками мостов, я думал о неправдоподобно маленьких человеческих руках, которые создали все это. Я думал и о том, что уже не успею научиться хорошо говорить по-английски и что для меня было бы большим счастьем поведать обо всем этом так, чтобы ты хорошо меня понял.

Я не очень внимательно слушал тебя — такова уж человеческая натура.

И еще я сказал тогда:

— Твой отвратительный город прекрасен.

На следующий день ты прислал мне толстую книгу о национальной экономике. А я забыл ее в отеле.

Мне хочется признаться тебе, что книгу эту я так и не прочитал, но слушал я тебя всегда с удовольствием, и не потому, что хорошо понимал, — для этого мне не хватало знания английского языка. Я лишь кивал утвердительно головой, пил содовую воду и пытался придать своему лицу сосредоточенное выражение. Но я очень любил смотреть на тебя, на твое честное лицо. В нем я тоже видел Америку.

Благодарю тебя за кофе, дорогой друг.

Передай привет своим детям, милым маленьким американцам, и своей жене, которая не любит небоскребов и хотела бы жить на тихой улице.

Только на свете мало тихих улиц, мой дорогой...»

ДОЖДЬ

В день отъезда шел дождь, и казалось, что ветер приносит учащенное, лихорадочное дыхание моря. Для одного оно означало лишь грипп, для другого оборачивалось страстным желанием увидеть сквозь сплошную завесу дождя Градчаны¹ или хотя бы обыкновенный тротуар На Мустку².

Через неделю я уже буду вдыхать дым на Центральном вокзале в Праге.

Я стоял на углу мокрой улицы; город почти растворился в дожде. Холодно поблескивавший Нью-Йорк выглядел таинственно, и мне вдруг показалось, что я никогда не видел этого города, еще не открытого, не извещенного, огромного, и что с этим городом мне, в сущности, надо было лишь начать знакомиться.

Меня утешало только то, что двенадцать миллионов обитателей Нью-Йорка тоже никогда не познают его...

¹ *Градчаны* — Пражский Кремль.

² *На Мустку* — улица в Праге.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Начало, возможно банальное	5
Человек, который укутывает ноги	9
В салоне отдыха все дремлют	12
Хирург	14
Тонкий эстет и грубый солдат	19
Туманы Манхеттена	22
Люди, которых я увидел из окна гостиницы	23
Прислуживающая Европа	27
Горничная, или Одиночество	31
Чтение путеводителя по Нью-Йорку и неистолкованные сны	33
Еще некоторые сведения о Нью-Йорке. Иностранец и статистика	36
Ham and Eggs and Coffee, или Иностранец в <i>драготор</i>	42
Коктейль-парти. Дети и дамы	47
Когда опять приедет Антонио Муцци?	50
Таймс-сквер, или Сила рекламы	52
Первый американец	56
Апельсиновый сок	60
Религиозный исследовательский институт	62
„Есть у вас цветное телевидение?“, или Пропаганда	66
Деньги	69
„Эмпайр стейт билдинг“	72
Это та самая вода...	77
Вступите сегодня же на путь истины!	78
Человек, который доволен	80
Меховой воротник, или Рассказ о свободном предпринимательстве	83
„Комиксы“	86
Тайна отеля, или ФБР	92
Марсиане в Америке, или Научная фантастика	97
Одинокий, тронутый гниением лист	103

Стачка на Пятой авеню. Классово-сознательный капиталист и растоптанная визитная карточка	106
Когда на нас нападут...	109
Березы	113
Оранжевая	115
Пес Помпей и дитя фортуны	118
Ненаписанный блюз о ballroom	122
Господь бог, который посолил суп	124
Блюз о ломбарде	126
Молитва	129
Диктофон	131
Большой праздник — День Колумба	137
Билли Грэхэм	139
Беверли Нина О'Малли — естественная блондинка	142
Oh, how are you?	144
„Не работайте, пожалейте себя!..“	148
„Нью-Йорк инкуайер“. Пророчества Крисвелла и мелкие сообщения	151
Продолжение пророчеств Крисвелла	154
Светская хроника Джона Дж. Миллера	155
Псы министра Вилсона	157
Сорочка	160
Девять слез	162
„Она плакала, потому что ей звонили из Белого дома“.	165
Случай с политическим деятелем, поучительный не только для города Джексонвилла	168
Полисмен Джо С. Крадохвил, уроженец Сушице	171
Маргаритка с площади Сент-Марк	176
Похороны	178
Майк Хэммер — положительный герой	179
Старый мистер Рабинер	189
Женитьба, или Как вам нравится Мэрлин?	191
По дороге на Кони-Айленд	194
„Он к вам равнодушен!“	197
Паблсити	200
Ковер королевы Елизаветы	202
Еще раз березы	204
До бесконечности — Нью-Йорк	206
Годовщина	210
Слезы	212
Письмо	214
Дождь	217

Людвик Ашкенази
БА Б Ь Е Л Е Т О

Редактор *М. И. АПРЕЛЕВА*
Художественный редактор
В. И. Шаповалов
Технический редактор *М. А. Белёва*
Обложка художника *Д. С. Громан*

Сдано в производство 13/III 1958 г.
Подписано к печати 17/VI 1958 г.
Бумага 84×108¹/₃₂=3,9 бум. л.
11,3 печ. л.

Уч.-изд. л. 9,3. Изд. № 7/3895
Цена 3 р. 45 к. Зак. 3031.

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ,
Москва, Ново-Алексеевская, 52.

Типография № 2 им. Евг. Соколовой
УПП Ленсовнархоза.
Ленинград, Измайловский пр., 29.

3 р. 45 к.